

ISSN 2307-2539

№2 (14) • 2016

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
Иштван Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор
(Россия);
А.Г. Ситдиков, д-р ист. наук (Россия);
Такахама Шу, профессор (Япония);
Чжан Лянжэнь, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук (Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.
Выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2016.
Зарегистрировано Комитетом РФ
по печати. Свидетельство
о регистрации ПИ №ФС 77-65056.
Дата регистрации 10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№2 (14) • 2016

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2016

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief), Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshekin, Doctor of History;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Dr. Sci. (Hist), Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D, Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candid. Sci. (Hist.) (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Dr. Sci. (Hist.) Academician, Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
Ishtvan Fodor, Dr. Sci. (Archaeology), Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
L.S. Marsadolov, Dr. Sci. (Culturology) (Russia);
D.G. Savinov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
A.G. Sitdikov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
Takhama Shu, Professor (Japan);
Zhang Liangren, Ph.D, Professor (China);
T.A. Chikisheva, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
M.V. Shunkov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);
D. Erdenebaatar, Cand. Sci (Hist), Professor (Mongolia)

Address: office 211, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
The journal is published 4 a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research"

© Altai State University, 2005–2016

Registered with the RF Committee
on Printing. Registration certificate
PI №FS 77-65056. Registration date
10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф.</i> Керамика боборькинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края	7
<i>Сотникова С.В.</i> Детские захоронения в колыбели эпохи бронзы Урало-Сибирского региона: в поисках аналогий	24
<i>Серегин Н.Н.</i> Впускные погребения тюрок Алтая и сопредельных территорий (2-я половина I тыс. н.э.)	37
<i>Матренин С.С., Тишкин А.А.</i> Пряжки в культуре кочевников Алтая жужанского времени (по материалам памятника Яломан-II)	48

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Варенов А.В.</i> Деревянные находки из могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине в Синьцзяне: аналогии и датировки	67
<i>Гнездилова И.С.</i> Устройство погребальных камер курганов эпохи кофун на территории центральной части района Кансай, Япония	79
<i>Семибратов В.П., Тишкин А.А.</i> Новые объекты каменного века на территории Монгольского Алтая	94

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Бородовский А.П., Крапиев М., Олещак Л.</i> Хронология культурных и геологических событий по материалам радиоуглеродного датирования курганной группы эпохи раннего железа Чултуков Лог-1	109
--	-----

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Тишкин А.А., Мерц И.В., Фролов Я.В.</i> Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край)	123
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Кунгуров А.Л., Папин Д.В., Тишкин А.А.</i> Александру Борисовичу Шамшину – 60 лет	137
<i>Список сокращений</i>	146
<i>Сведения об авторах</i>	147
<i>Правила оформления статей</i>	149

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Kiryushin Yu.F., Kiryushin K.Yu.</i> The Boborkino Style ceramics from the Settlements of South-Western Regions of the Altai Territory	7
<i>Sotnikova S.V.</i> Baby Graves in the cradle the bronze age of the Ural-Siberian region: in search of analogies	24
<i>Seregin N.N.</i> Inlet Burials of Turks in Altai and Adjacent Territories (2nd half of 1 thousand AD)	37
<i>Matrenin S.S., Tishkin A.A.</i> The Buckles in the Culture of Altai Nomads of the Zhuzhan Time (based on the Yaloman-2 monument)	48

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Varenov A.V.</i> Wooden Artifacts from Jiaohe (Yar-Hoto) Cemetery in Turfan Basin in Xinjiang: Analogies and Datings	67
<i>Gnezdilova I.S.</i> Burial Chambers of the Kofun Period Mounds in the Central Area of the Kansai Region, Japan	79
<i>Semibratov V.P., Tishkin A.A.</i> New Objects of the Stone Age in the Territory of Mongolian Altai	94

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Borodovskiy A.P., Krapiek M., Oleschak L.</i> Chronology of Cultural and Geological Events Based on Radiocarbon Dating of the Mound Group of Early Iron Age of the Chultuks “Log-1”	109
--	-----

FROM MUSEUM COLLECTIONS

<i>Tishkin A.A., Merts I.V., Frolov Ya.V.</i> The propduct or the bronze age from the Rodino district museum (Altai Territory)	123
--	-----

PERSONNEL

<i>Kungurov A.L., Papin D.V., Tishkin A.A.</i> Aleksander Borisovich Shamshin is 60 years old	137
<i>Abbreviations</i>	146
<i>Authors</i>	147
<i>Article submission guidelines</i>	149

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.022(571.150)

К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

КЕРАМИКА БОБОРЫКИНСКОГО ОБЛИКА С ПОСЕЛЕНИЙ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ*

На территории степного и лесостепного Алтая материалы неолита представлены сборами с памятников с разрушенным культурным слоем. Они встречаются вместе с артефактами более позднего времени, что создает проблемы для исторической интерпретации таких данных.

Новые сведения о неолите Павлодарского Прииртышья и Барабинской лесостепи позволили еще раз обратиться к сборам 70–80-х гг. XX в. с раздутых, развеечных памятников на территории Угловского, Локтевского и Волчихинского районов Алтайского края. На поселениях этих юго-западных районов Алтайского края обнаружена керамика, декорированная наколами различной формы (каплевидными, подтреугольными и т.д.), прочерченным орнаментом, образующим зигзаги и «сеточку», и формовочным валиком, декорированным отпечатками округлой палочки. Такие орнаментальные приемы являются этнокультурными маркерами, объединяющими материалы поселений юго-западных районов Алтайского края, Павлодарского и Семипалатинского Прииртышья с боборыкинскими памятниками Барабы и Среднего Зауралья.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что историко-культурные процессы в неолите на территории юго-западных районов Алтайского края были сложными, они представлены несколькими линиями развития.

Ключевые слова: неолит, керамика, техника орнаментации, сравнительно-типологический анализ, боборыкинская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-01

Неолит до сих пор остается наименее изученным периодом в древней истории нынешней территории Алтайского края. Во многом это связано с характером источников, имеющих в распоряжении исследователей. Как уже отмечалось одним из авторов данной статьи, в степном и лесостепном Алтае «...материалы неолитической эпохи представлены в основном незначительными сборами с памятников вдоль ленточных боров или с дюнных озерных стоянок» [Кирюшин, 2002, с. 5]. Как правило, в сборах с памятников с разрушенным культурным слоем артефакты неолита встречаются вместе с материалами более позднего времени. Отсутствие стратифицированных и «эталонных» комплексов неолита на территории степного и лесостепного Алтая приводит к тому, что нет критериев для сравнительно-типологического анализа археологических коллекций каменных артефактов и керамики. Все это создает проблемы для исторической интерпретации археологического материала. Можно констатировать, что до настоящего времени представления о неолите степного и лесостепного Алтая находятся на уровне первичного накопления источниковой базы.

В последние годы появились новые данные по неолиту Павлодарского Прииртышья [Мерц, 2011, с. 297–301] и Барабинской лесостепи [Бобров, Юракова, 2011, с. 211–214]. Стоит отдельно отметить, что в начале XXI в. вышли в свет монографии

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

по неолиту Среднего Зауралья и Западной Сибири [Зах, 2009; Ковалева, Зырянова, 2010], в которых анализируются материалы, накопленные несколькими поколениями археологов за 50 лет изучения боборыкинской культуры [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 3]. Новые факты позволяют нам еще раз обратиться к сборам 70–80-х гг. XX в. с раздутых, разветвленных памятников на территории Угловского, Локтевского и Волчихинского районов Алтайского края.

Комплекс памятников у сел Павловка и Алексеевка обнаружен в 1979 г. учителем Павловской средней школы Н.П. Нудных, которым были проведены сборы подъемного материала на одной из разрушенных ветрами дюн. В том же году памятник обследовал А.Б. Шамшин, который нашел еще одно дюнное поселение. В 1980 и 1982 гг. эти объекты обследовал Ю.Ф. Кирюшин, который выявил еще 19 памятников. Все они интенсивно разрушались ветром. На выдувах дюн проведены сборы подъемного материала [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 75–79].

Все памятники расположены на дюнах опушки соснового бора, который протянулся двумя лентами с востока на запад. Между этими боровыми лентами, также с востока на запад, протянулась низина в 4–5 км длиной и 2–2,5 км шириной, представляющая собой болото с несколькими мелкими озерами. Видимо, в древности на этом месте было озеро, на берегах которого жили люди, основывая свои поселения и оставляя могильники [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 215–216].

Всего на берегах этого древнего озера в настоящее время зафиксирован 21 объект (местонахождения, поселения, могильники, датируемые от эпохи камня до средневековья). Наиболее представительные коллекции собраны на памятниках Павловка-I, II, V, XII и Алексеевка-I [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 78].

Одним из наиболее ярких археологических комплексов у сел Павловка и Алексеевка является поселение Павловка-I (рис. 1). Коллекции каменных артефактов поселения Павловка-I превышают три тысячи артефактов [Кирюшин, Кунгурова, 1984, с. 38]. Для памятника характерна развитая пластинчатая индустрия, что, по мнению исследователей, позволяет отнести основную часть каменного инвентаря к финальному мезолиту – раннему неолиту [Кирюшин, Кунгурова, 1984, с. 34].

К сожалению, культурный слой памятника разрушен, и это создает проблемы для исторической интерпретации перемещенных материалов.

В составе керамических коллекций памятника уверенно можно выделить комплекс эпохи бронзы. Очень информативны шесть фрагментов ошлакованной керамики, из которых как минимум три от одного сосуда [Кирюшин Ю.Ф. и др., 2013, с. 104]. Данная керамика украшена параллельными рядами «отступающей палочки» (сочетание протаскивания и накола, выполненного орнаментиром в виде небольшой палочки). Характерным орнаментальным элементом на рассматриваемой керамике является наличие горизонтального пояса, состоящего из вдавлений вертикально поставленного орудия в виде небольшой плоской «лопаточки» [Кирюшин Ю.Ф. и др., 2013, рис. 1, 2]. Особенности орнамента ошлакованной керамики с поселения Павловка-I позволяют связать находки с елунинской культурой и датировать периодом в рамках ранней бронзы (концом III – 1-й четвертью II тыс. до н.э.) [Кирюшин Ю.Ф. и др., 2013, с. 106].

Часть керамики поселения Павловка-I [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 80–81, рис. 3.-5; 4; 5.-11–14], несомненно, можно отнести к неолиту и энеолиту. В контексте данной статьи представляют интерес фрагменты от верхней части сосуда среднего размера (диа-

метр венчика 24 см), орнаментированного по венчику двумя рядами неглубоких ямочных вдавлений подтреугольной формы, выполненные инструментом, поставленным под углом к поверхности сосуда, и по тулову украшенный прочерченными линиями, образующими «сеточку» (рис. 2.-1). Срез венчика сосуда декорирован насечками. Сохранившиеся фрагменты позволяют сделать вывод, что нижняя часть тулова не орнаментирована (рис. 2.-1).

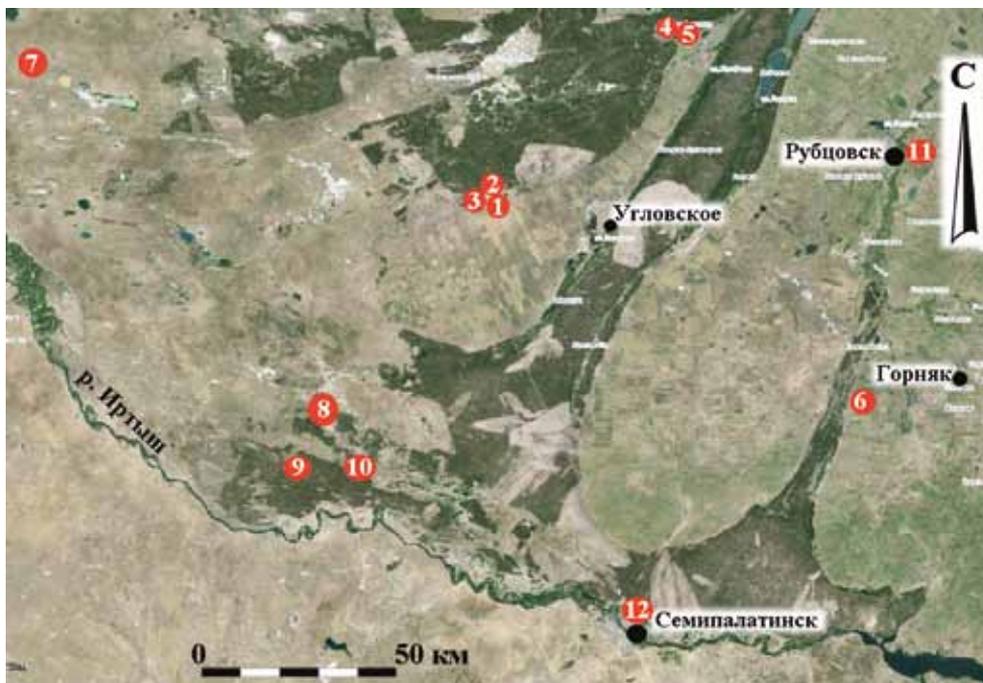

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников юго-западных районов Алтайского края и сопредельных районов Республики Казахстан: 1 – Павловка-I; 2 – Павловка-VIII; 3 – Алексеевка-I; 4 – Белое-III; 5 – Валовое-II; 6 – Новенькое-7; 7 – Борлы; 8 – Есенбай; 9 – Караоба-2; 10 – Лесное-3; 11 – Рубцовское; 12 – Семипалатинские дюны

Неглубокими ямочными вдавлениями различной формы орнаментированы еще четыре венчика (рис. 2.-2–5) и два фрагмента стенок (рис. 2.-6–7). У двух сосудов срез венчика украшен насечками (рис. 2.-1, 5), а у одного – вдавлениями ромбической формы (рис. 2.-4). У пяти сосудов на внутренней поверхности и в сломах визуальнo фиксируются следы от выгоревшей органики (рис. 2.-1, 2, 4–7).

На поселении Бойниха-1 Барнаульско-Бийского Приобья обнаружены фрагменты венчика сосуда, декорированного прочерченным орнаментом в виде «сеточки», нанесенной поверх рядов отступающей палочки с элементами накальвания [Кирюшин, 2015б, рис. 1.-6].

Керамика, орнаментированная неглубокими ямочными вдавлениями различной формы, имеет широкое распространение в материалах боборыкинской культуры Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 14.-1; 18.-6; 19.-7; 20.-11; 35; 68; 96.-1; 103.-1]. Сосуды, оформленные ямочными вдавлениями различной формы и прочерченными линиями, образующими «сеточку» или ряды ромбов, также имеют широкое распространение в материалах боборыкинской культуры Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 20.-8; 29.-1; 48.-1; 67.-1].

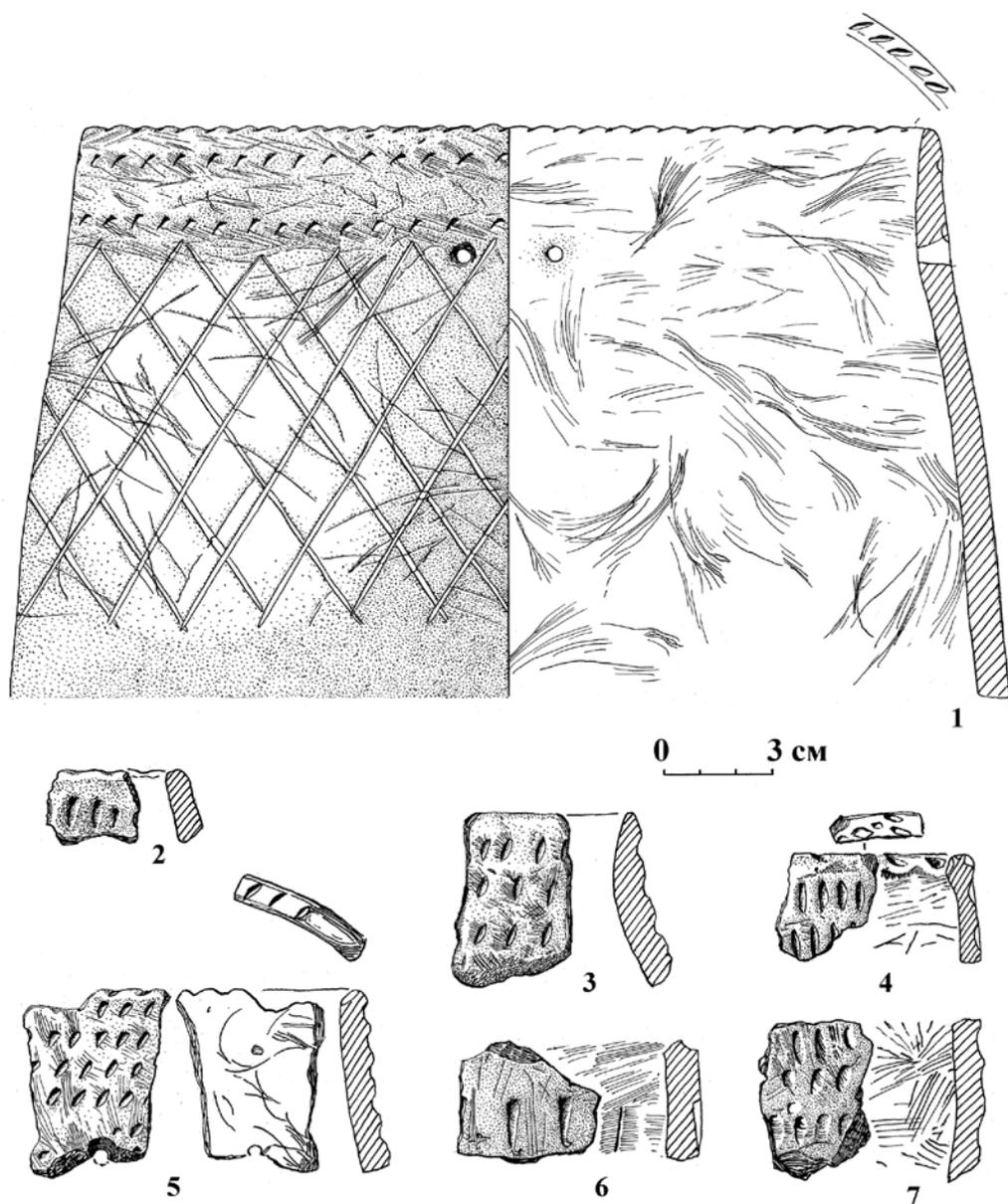

Рис. 2. Керамика поселения Павловка-I

Важные находки сделаны на поселении Павловка-VIII. Памятник расположен в 1 км западнее поселения Павловка-VI, в месте поворота низины с востока на юг, на краю боровой гривы [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 220]. В 1980 г. на поселении Павловка-VIII обнаружены фрагменты керамики раннего железного века [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 220]. В 2003 г. одним из авторов статьи на поселении сделаны сборы подъемного материала. Найдены несколько обломков керамики раннего железного века, многочисленные каменные артефакты и девять фрагментов от верхней части

сосуда среднего размера (диаметр венчика 23 см). Имеющиеся фрагменты позволяют реконструировать верхнюю часть хорошо профилированного сосуда с высокой горловиной (рис. 3.-1). По венчику сосуд орнаментирован двумя прочерченными параллельными линиями, образующими горизонтальный зигзаг. В нижней части зигзага сделаны пары наколов (рис. 3.-1). Очень похоже, что зигзаги и наколы выполнены одним инструментом. На внешней и внутренней поверхности сосуда визуальны заметны следы от выгоревшей органики (рис. 3.-1).

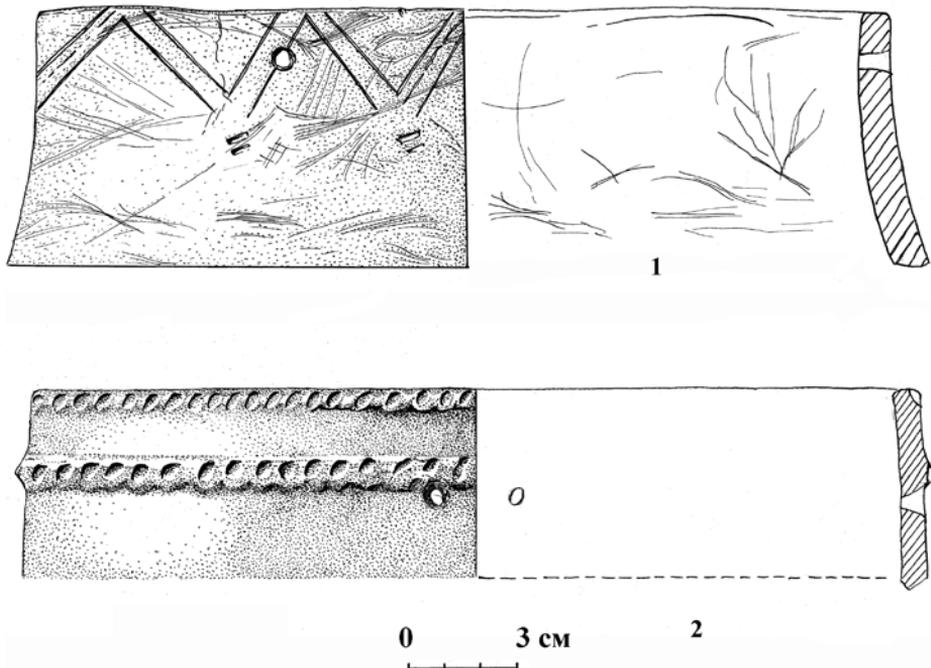

Рис. 3. Керамика: 1 – поселение Павловка-VIII; 2 – поселение Алексеевка-I

Аналоги керамики с поселения Павловка-VIII имеются в материалах поселения боборыкинской культуры Борлы в Павлодарском Приртышье [Мерц, 2014, рис. 1.-4]. Многочисленные аналоги керамике с прочерченными зигзагами с поселения Павловка-VIII обнаруживаются в материалах боборыкинской культуры Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 12.-2, 6; 18.-1; 24.-5; 71.-5; 101.-5; 103.-3].

В решении поставленных задач большое значение имеют материалы поселения Алексеевка-I. Памятник находится в 3 км северо-восточнее с. Алексеевка. Видимо, там в древности находился небольшой заливчик. Поселение располагалось на небольшом мысу, выступающем в этот заливчик. На нем собрано большое количество керамики и каменных предметов. Коллекции каменных артефактов имеют ярко выраженный пластинчатый характер. Широко представлены продукты первичного расщепления, нуклеусы и продукты подработки нуклеусов.

Комплекс ранней керамики поселения Алексеевка-I очень своеобразен и представлен несколькими группами керамики различных исторических периодов (от неолита до ранней бронзы). Материалы этого памятника, несомненно, заслуживают отдельной публикации. В статье будут рассмотрены только фрагменты от двух сосудов.

В контексте данной работы заслуживают внимания семь фрагментов верхней части сосуда среднего размера (диаметр венчика 24 см). Внешний срез венчика сосуда декорирован вдавлениями круглой палочки, поставленной под углом к поверхности сосуда (рис. 3.-2). Сохранившаяся часть тулова сосуда не орнаментирована. Верхнюю часть сосуда украшает формовочный валик, который декорирован вдавлениями круглой палочки, поставленной либо параллельно, либо под небольшим углом к поверхности сосуда (рис. 3.-2).

Фрагменты керамики с валиком достаточно выразительные. Посуда с валиками единично встречается в материалах памятников энеолита Северной Кулунды [Кирюшин, 2015а, рис. 2.-3] и Горного Алтая [Кирюшин К.Ю. и др., 2013, с. 29, рис. 16.-11], а также широко представлена в материалах елунинской [Кирюшин, 2002, рис. 80.-1, 5, 6; 84.-1] и кротовской культур [Молодин, 1985, с. 38, рис. 14.-1–4, 6, 7, 11, 13] периода ранней бронзы. Однако в эпоху энеолита и ранней бронзы для керамики с валиками характерно сплошное заполнение поверхности сосуда орнаментом, выполненным отпечатками гребенчатого штампа [Кирюшин К.Ю. и др., 2013, с. 29, рис. 16.-11], «шагающей гребенки» [Кирюшин, 2002, рис. 80.-1, 5, 6; 84.-1; Молодин, 1985, с. 38, рис. 14.-1–4, 6, 7, 11, 13] или отступающей палочки с элементами накальвания [Кирюшин, 2015а, рис. 2.-3]. Неорнаментированная посуда с валиком широко встречается в материалах поселений поздней бронзы лесостепного и степного Алтая [Ситников, 2015]. Стоит отметить, что валик является этнодиагностирующим признаком культур валиковой керамики (КВК) Северного Казахстана и лесостепного и степного Алтая. Однако в период поздней бронзы валиковая керамика совершенно иная. Валик чаще всего налепной [Ситников, 2015, с. 66]. Орнаментация валика очень разнообразна: оттиски гладкого или гребенчатого штампов, оттиски ногтя или ногтевые защипы, косой гладкий крест, гладкая или гребенчатая елочка и т.д. [Ситников, 2015, с. 66]. Иногда валик не орнаментирован [Ситников, 2015, с. 66]. Однако случаи орнаментации валика отпечатками округлой палочки в комплексах поздней бронзы Алтайского края пока не известны.

Аналоги керамики с памятника Алексеевка-I имеются в материалах поселения боборыкинской культуры Борлы в Павлодарском Прииртышье [Мерц, 2014, рис. 1.-1, 5, 6]. Хотя стоит отметить, что у керамики с поселения Борлы валик украшен либо вертикальными, либо косыми насечками [Мерц, 2014, с. 297, рис. 1.-1, 5, 6]. Многочисленные аналогии керамике с валиком с поселения Алексеевка-I обнаруживаются в материалах боборыкинской культуры Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 101.-3, 6, 7, 9; 102.-4, 5; 108.-3; 121.-3, 4; 124.-1–4].

Девятнадцать фрагментов керамики позволяют реконструировать форму и орнаментальную схему остродонного сосуда небольшого размера (диаметр венчика 16 см). Срез венчика сосуда прямой. Внутренняя поверхность среза венчика декорирована насечками (рис. 4). По внешней поверхности венчика проходит ряд «жемчужника». На обратной стороне сосуда хорошо видно, что «жемчужник» выполнен орнаментом с «каплевидным» рабочим краем (рис. 4). Ниже «жемчужника» проходят два горизонтальных ряда ямочных вдавлений. В верхнем ряду вдавления «каплевидной» формы более глубокие и широкие. В нижнем ряду использовался другой орнамент. Вдавления неглубокие и более узкие (рис. 4). Тулово сосуда не орнаментировано. Придонная часть сосуда орнаментирована широкими вдавлениями «каплевидной» формы.

Очень похоже, что использовался тот же орнаментир, что и в верхнем ряду венчика, но угол, под которым наносился орнамент, различается: по венчику угол – около 45 градусов, в нижней части сосуда – от 15 до 30 градусов.

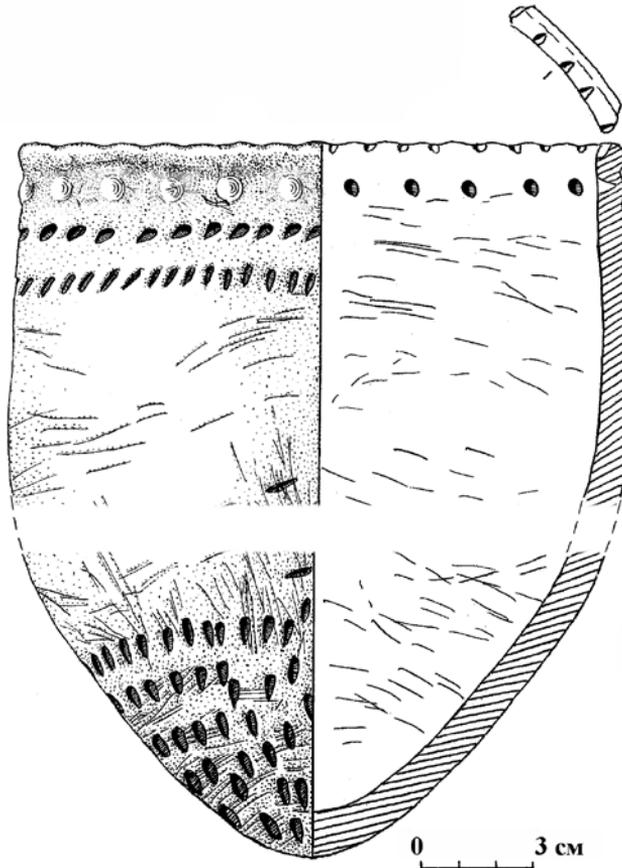

Рис. 4. Поселение Алексеевка-I. Графическая реконструкция керамического сосуда

Керамика, орнаментированная ямочными вдавлениями, широко встречается в материалах поселения боборыкинской культуры Автодром-2/2 в Барабе [Бобров, Юракова, 2013, рис. 2.-19] и многочисленных памятников Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 243].

На границе Волчихинского и Угловского районов Алтайского края расположены пресные и горько-соленые озера: Домашнее, Золотое, Топкое, Чаичье, Маралье, Белое, Валовое. История изучения памятников археологии по берегам этих озер начинается в 1980 г., когда студентом АГУ П.И. Навротским на оз. Белое в Волчихинском районе Алтайского края были обнаружены семь поселений. Осенью того же года памятники были осмотрены Ю.Ф. Кирюшиным и М.Т. Абдулганеевым. Ими же тогда открыты три памятника в юго-западной части оз. Валовое в Угловском районе Алтайского края. На памятниках Белое-I-VII и Валовое-I-III собраны большое количество керамики, орнаментированной уголком отступающей палочки и гребенки, каменные наконечники треугольной и ромбовидной формы, отщепы [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 75].

В связи с проведенными исследованиями можно констатировать, что часть из собранных коллекций может датироваться неолитом и относиться к боборыкинской культуре. Так, вызывает сомнение отнесение керамики с поселений Белое-III и Валовое-II к периоду ранней бронзы [Редников, 2010, с. 42, рис. 3.-1; 5.-1–4]. Как отмечают исследователи, во всех комплексах боборыкинской культуры Среднего Зауралья преобладают плоскодонные сосуды с незначительным присутствием округлодонных, нижняя часть которых иногда сильно уплощена, а остродонные встречаются только в коллекциях шести поселений [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 231]. Орнаментация округлых и плоских днищ боборыкинских сосудов – довольно распространенное явление [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 243–244, табл. X]. Поэтому плоскодонный сосуд с орнаментированным днищем с поселения Белое-III [Редников, 2010, с. 42, рис. 3.-1] по форме [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 226, табл. III] и орнаментации [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 237] вполне соответствует канонам боборыкинской культуры.

Комплекс памятников, состоящий из 24 поселений и местонахождений, открыт Г.А. Клюкиным в период с 1972 по 1982 г. на оз. Новенькое в Локтевском районе Алтайского края [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 93–94]. Памятники располагаются по береговым террасам между озером и кромкой бора, находящегося в 2 км западнее озера. Все они частично разрушаются выдувами, на многих в 70–80-х гг. XX в. прослеживался культурный слой, состоящий из темной гумусированной земли мощностью до 0,75 м. В раздувах проведены сборы подъемного материала. Собрано большое количество каменных артефактов, керамики и изделий из бронзы, часть из которых опубликована [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 93–94; Абдулганеев, 1985, с. 125, рис. 4.-1–8; 5–7]. С позиций сегодняшнего дня вызывает сомнение отнесение к ранней бронзе керамики с поселения Новенькое-7 в Локтевском районе Алтайского края [Абдулганеев, 1985, с. 125, рис. 4.-1–8; 5–7]. Венчики сосудов, орнаментированные по внешней поверхности неглубокими ямочными вдавлениями каплевидной формы, выполненными инструментом, направленным под углом к поверхности сосуда с аналогичными отпечатками по внутренней поверхности венчика [Абдулганеев, 1985, с. 125, рис. 4.-1, 3, 7], находят широкий круг аналогов в боборыкинской культуре [Бобров, Юракова, 2013, рис. 2.-19; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 243].

В свете новых данных вызывает сомнение отнесение к ямно-афанасьевской КИО эпохи энеолита и бронзы материалов с поселений из Семипалатинского Прииртышья [Мерц, 2013, с. 153–158]. По крайней мере, часть керамики с поселений Есенбай, Караоба-2 и Лесное-3, декорированная прочерченным орнаментом [Мерц, 2013, с. 155, рис. 2.-10, 11, 15] и «вдавлениями каплевидной формы» [Мерц, 2013, с. 155, рис. 2.-9; 3.-18; 4.-2, 5], находит многочисленные аналогии в материалах боборыкинской культуры и может датироваться неолитом.

Проблема выделения этнокультурных маркеров среди массовых находок довольно актуальна в практике археологических исследований. В контексте данной работы заслуживает внимания точка зрения исследователей боборыкинской культуры о том, что «...этническую специфику археологических культур определяют признаки особенные и даже единичные, а не общие» [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 276]. Поэтому в статье рассмотрены отдельные и единичные находки с поселений юго-западных районов Алтайского края. Ввод в научный оборот всего объема археологического материала этих памятников – дело будущих исследований. Количество таких памятников будет увеличиваться. Так, на поселении Рубцовское в Рубцовском районе Алтайского

края найдена керамика, декорированная наколами и прочерченным орнаментом. Подобная керамика составляет соответственно 6,1 и 12,1% на поселенческих комплексах неолита Приобского плато [Шмидт, 2005, с. 11].

По мнению исследователей, для боборыкинской культуры характерны «раздельно поставленные наколы» с «отрывом от поверхности сосуда» [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 277]. Подобные наколы могут быть различной формы: каплевидной, семечковидной, подтреугольной и т.д. Они могут быть размещены на поверхности сосуда хаотично или упорядоченно, покрывать всю поверхность или оставлять свободные зоны. Именно этот орнаментальный прием является одним из этнокультурных маркеров, объединяющих материалы поселений юго-западных районов Алтайского края, Павлодарского и Семипалатинского Прииртышья с боборыкинскими поселениями Барабы и Среднего Зауралья.

Характерной чертой боборыкинской посуды, с точки зрения исследователей, является наличие неорнаментированной посуды и «узоров (горизонтальная линия, зигзаг, волна), выполненных в прочерченной технике» [Зах, 2009, с. 159–160].

К числу этнокультурных маркеров боборыкинской культуры необходимо также отнести керамику, украшенную валиком. В боборыкинских комплексах Среднего Зауралья подобная керамика встречается вместе с посудой, орнаментированной в отступающе-накольчатой технике. Подобная керамика встречается на поселениях юго-западных районов Алтайского края [Кирюшин, Клюкин, 1985].

Как отмечают исследователи Среднего Зауралья и Западной Сибири, в комплексах боборыкинской культуры имеются сосуды с использованием органических примесей – птичьего помета и навоза травоядных животных [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 234, 275]. Первый признак характерен для обществ с присваивающим хозяйством, а второй – с производящим [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 233–234]. В рассматриваемой керамике с поселений юго-западных районов Алтайского края визуально заметны следы от выгоревшей органики. Представляется перспективным исследование исходного сырья, формовочных масс и искусственных добавок в формовочные массы исследуемой керамики.

Аналогии между керамикой юго-западных районов Алтайского края и поселениями в Павлодарском и Семипалатинском Прииртышье не случайны. Контакты населения этих районов в эпоху неолита и бронзы уже фиксировались исследователями при анализе каменных артефактов поселений Павловка-I, II, III, V, VI, VIII, X, XII и Алексеевка-I [Кирюшин, Малолетко, 1983, с. 6]. «Несомненно, в Семипалатинском Прииртышье мог находиться источник сырья, из которого в районе с. Павловка Угловского района изготавливали каменные орудия» [Кирюшин, Малолетко, 1983, с. 10]. «Аналогичные сливные кварцитовидные песчаники на дневную поверхность выходят в Прииртышской впадине» [Кирюшин, Малолетко, 1983, с. 10].

В локализации памятников, содержащих керамику боборыкинского типа, на территории юго-западных районов Алтайского края прослеживается определенная закономерность (см. рис. 1). Все памятники располагаются на берегах водоемов, существующих в настоящее время или существовавших ранее. Одной из особенностей степной и лесостепной зон Западной Сибири и Казахстана, а также юго-западных районов Алтайского края являются повторяющиеся усыхания и возобновления местных озер, что уже отражено в научной литературе [Косарев, 1984, с. 27]. Как отмечал М.Ф. Косарев [1984, с. 27], эти озера «...иной год они глубоки и обильны рыбой, а потом исчеза-

ют и на днище являются великолепные покосы с высокою сочною травой». По его же мнению [Косарев, 1984, с. 27], эти изменения не зависят от человеческой деятельности и связаны с периодическими природными циклами. Данные выводы не вызывают возражений. Но в контексте данной статьи стоит сделать некоторые уточнения.

Как отмечают исследователи, человек как геологическая сила изменил географическую оболочку Алтайского края, и она стала отличаться от той, что была известна еще в XVIII–XIX вв. [Рассыпнов, 2002, с. 121]. Развитие сельского хозяйства и промышленности в XVIII–XX вв. привело к тому, что Алтайский край стал одной из территорий России, преобразенных в результате деятельности человека [Силантьева, 2008, с. 143]. В результате освоения целинных и залежных земель произошло увеличение распаханности водосборов озер на 20–26%, что с одновременным увеличением использования минеральных удобрений и интенсификацией животноводства неизбежно приводит к увеличению поступления в водоемы биогенных элементов и загрязняющих веществ [Журавлев, 2003, с. 37]. Результатом этих процессов стали обмеление и эвтрофирование озер во 2-й половине XX в., увеличение их общей минерализации и изменения в структуре ионного состава воды [Журавлев, 2003, с. 36]. Еще одним следствием этих процессов стало илонакопление в озерах и, как следствие, увеличение расходной составляющей кислородного баланса [Журавлев, 2003, с. 38]. На ранее периодически заморных озерах, в составе ихтиофауны которых насчитывалось до 5–7 видов рыб, зимние заморы стали регулярным явлением, в настоящий период ихтиофауна представлена только серебряным карасем [Журавлев, 2003, с. 38].

Есть все основания предполагать, что еще 100–200 лет назад уровень воды в озерах юго-западных районов Алтайского края был гораздо выше, а условия для рыболовства являлись гораздо более благоприятными по сравнению с современными.

Прослеживается еще одна особенность в локализации на территории юго-западных районов Алтайского края памятников, содержащих керамику боборыкинского типа (см. рис. 1). Все поселения располагаются на кромке соснового бора либо недалеко от него. Памятники Павловка-I, VIII, Алексеевка-I, Белое-III и Валовое-II локализируются по кромке Сростинского ленточного бора (см. рис. 1) (Барнаульский и Касмалинский ленточные боры «срастаются» в единый бор на границе Волчихинского и Егорьевского районов Алтайского края, от этого идет название бора). Поселение Новенькое-7 расположено на кромке Локтевского бора (см. рис. 1). Все ленточные боры (следы ложбин древнего стока) уходят на правобережье Иртыша. Рядом с ленточными борами прослеживается сеть водоемов (небольшие озера). Совокупность боров и водоемов создает своеобразные «коридоры», комфортные для передвижения древнего населения от Иртыша на территорию Алтайского края и в обратном направлении.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что крупные реки в древности являлись коридорами, образованными природой, по которым происходили этнокультурные контакты между разными культурно-экологическими областями. Есть все основания предполагать, что находки боборыкинской керамики на поселениях юго-западных районов Алтайского края связаны с продвижением древнего населения по Иртышу и его притокам (в том числе ложбинам древнего стока).

Иртыш берет начало в Китае, на западных склонах Монгольского Алтая. Длина этой одной из крупнейших рек мира – 4331 км, в Казахстане находится лишь около трети ее – 1700 км. У Семипалатинска, где Иртыш выходит на Западно-Сибирскую

равнину, его русло становится извилистым, местами оно разбивается на рукава с многочисленными островами [Советский Союз. Казахстан, 1970, с. 45].

Именно Иртыш и его притоки выступают в качестве природно-географического фактора, объединяющего памятники боборькинской культуры на огромной территории Алтая, Казахстана, Барабинской лесостепи, Западной Сибири и Среднего Зауралья.

Вполне возможно, что на Алтае древнее население привлекали не только лес и водоемы, но и открытые степные пространства, удобные для выпаса скота. На поселении Борлы в Павлодарском Прииртышье вместе с каменными артефактами неолитического облика и керамикой боборькинской культуры встречены многочисленные фаунистические остатки, представленные костями домашней лошади и крупного рогатого скота [Мерц, 2011, с. 298]. Обнаруженные находки отражают хозяйственный уклад оставившего его населения и позволяют говорить о производящей экономике у неолитических племен Прииртышья [Мерц, 2011, с. 298]. Как отмечает автор исследования, «важно также, что казахстанские памятники с боборькинской керамикой демонстрируют наличие производящей экономики..., что отличает их от зауральских и западносибирских» [Мерц, 2011, с. 299]. Для боборькинского населения Среднего Зауралья (по опубликованным данным) характерно присваивающее хозяйство [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 253].

Оговоримся сразу, что данные о типе хозяйства у неолитического населения юго-западных районов Алтайского края на данный момент отсутствуют. Однако, по аналогии с материалами поселения Борлы, предположение о наличии производящего хозяйства у неолитического населения юго-западных районов Алтайского края выглядит вполне реальным и может рассматриваться на уровне рабочей гипотезы, требующей дальнейшего подтверждения.

Как отмечают исследователи боборькинской культуры Среднего Зауралья, поздне-неолитический возраст памятников подтвержден стратиграфией и серией радиоуглеродных дат. «За исключением слишком ранних дат ... все другие ложатся в пределах IV тыс. до н.э.» [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 277].

С поселения Борлы пока нет радиоуглеродных дат, но при обилии органического материала (костей животных) с этого памятника их появление – только вопрос времени. Скорее всего, предложенная В.К. Мерцем [2011, с. 298] датировка материалов этого памятника рубежом V–IV тыс. до н.э. если и будет корректироваться, то незначительно. Мы считаем, что боборькинские материалы памятников Алексеевка-I, Павловка-I, Павловка-VIII и Новенькое-7 синхронны или близки по времени материалам поселения Борлы.

С поселениями Белое-III и Валовое-II ситуация гораздо более сложная. Еще недавно казалось, что датировка их периодом ранней бронзы не вызывает особых сомнений. Однако аналогии в материалах боборькинской культуры с территории Среднего Зауралья ставят под сомнение отнесение подобной керамики к периоду ранней бронзы.

Часть керамики находит прямые аналоги в материалах боборькинской культуры. В некоторых случаях, наверное, стоит говорить не об аналогах, а об аналогиях. Вероятно, появление подобной керамики стало возможно в результате контактов боборькинского населения и неолитического населения Алтая. Схожие предположения уже высказывались в научной литературе. Так, В.К. Мерц, принимая идею о миграционном происхождении боборькинской культуры, высказал предположение, что группы боборькинского

населения, оставившие комплексы Борлы и Автодром-2, продвигались на территорию Барабы и Павлодарского Прииртышья из одного ареала. «Но по пути следования вступали в контакты с другими этническими группами, близкими им в культурно-хозяйственном, языковом и идеологическом отношении, часть из которых увлекали своим движением» [Мерц, 2011, с. 298–299]. Стоит согласиться с выводами исследователя о том, что «...пока не понятно, где находилась исходная точка этого движения» [Мерц, 2011, с. 299].

Как уже отмечалось в литературе, на современном уровне знаний большинство исследователей придерживаются точки зрения о пришлое характере боборыкинской культуры в районе Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 282]. Также подчеркивалась проблематичность в определении исходной территории миграции, в качестве которой рассматриваются древнеземледельческие ареалы – южные или юго-западные районы Восточной Европы, Кавказ или Северная Месопотамия [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 282]. После раскопок на поселении Борлы представляются продуктивными идеи К.В. Сальникова [1962, с. 98], связывавшего генезис боборыкинской культуры с миграцией населения в Зауралье из соседних районов Западного Казахстана.

Исследования в Барабинской лесостепи [Бобров, Юракова, 2011, с. 211–214] и Павлодарском Прииртышье [Мерц, 2011, с. 297–301] существенно расширили территорию распространения памятников боборыкинской культуры на юг и восток далеко за пределы Зауралья и Притоболья, где их первоначально локализовали [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 3]. Керамические коллекции с поселенческих комплексов юго-западных районов Алтайского края позволяют отодвинуть границы боборыкинской культуры еще дальше на юг и восток. Продолжится этот процесс или нет – покажут новые исследования, но уже сейчас очевидно, что материалы из Алтайского края локализируются на значительном удалении от Зауралья и Притоболья. При очевидном сходстве с комплексами этих регионов материалы Алтайского края и Павлодарского Прииртышья имеют и ряд отличий. Различия в типе хозяйства хорошо заметны на материалах поселения Борлы [Мерц, 2011, с. 298].

Отнесение керамики с поселений юго-западных районов Алтайского края к боборыкинской культуре ставит перед исследователями новые задачи и вопросы, которые пока не могут быть решены на данном уровне источниковой базы. Можно только констатировать, что на указанной территории Алтайского края и сопредельных районов Республики Казахстан выявлена серия поселений, содержащих материалы, выделяющиеся на фоне синхронных памятников Верхнего Приобья [Зах, 2003] и Горного Алтая [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008].

В контексте данной статьи актуально звучат выводы В.В. Боброва и А.Ю. Юраковой, сделанные на основе анализа материалов поселения Автодром-2 в Барабинской лесостепи. Позволим себе пространную цитату: «...открытие в Барабинской лесостепи поселенческого комплекса боборыкинской культуры диверсифицирует наши представления об историческом содержании неолитической эпохи на этом географическом пространстве. Развитие местных обществ накольчато-прочерченно-ямочной (артынской) и гребенчато-ямочной традиции требует специальных исследований в аспекте роли в этом процессе еще одной культурной линии, стадийно связанной с рубежом среднего – позднего неолита. Сказалось ли появление здесь боборыкинцев на паритете автохтонных групп населения? Этот вопрос остается открытым. Но то, что историко-культурные процессы в эпоху неолита на территории Барабы были более сложными

и представлены двумя линиями развития, – факт несомненный» [Бобров, Юракова, 2011, с. 213]. Можно констатировать, что сделанные исследователями выводы в полной мере актуальны и для юго-западных районов Алтайского края.

Как уже отмечалось выше, на поселении Алексеевка-I комплекс ранней керамики своеобразен и представлен несколькими группами. К неолиту может относиться развал остродонного сосуда вытянутых пропорций с отогнутым наружу венчиком (рис. 5). По венчику сосуд декорирован «жемчужником». На внутренней поверхности хорошо заметно, что орнамент выполнен орудием с рабочим краем «луновидной» формы (рис. 5). Верхняя часть тулова ниже «жемчужника» украшена отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания, которые создают три плотно поставленных друг к другу горизонтальных ряда. Еще ниже аналогичные отпечатки образуют параллельные ряды, немного скошенные от вертикальной линии. Сохранившаяся часть тулова декорирована отпечатками «шагающей» гребенки, нанесенной поверх отпечатков «веревочки». Придонная часть орнаментирована отпечатками «веревочки», которые ближе к тулову перекрываются отпечатками «шагающей» гребенки (рис. 5).

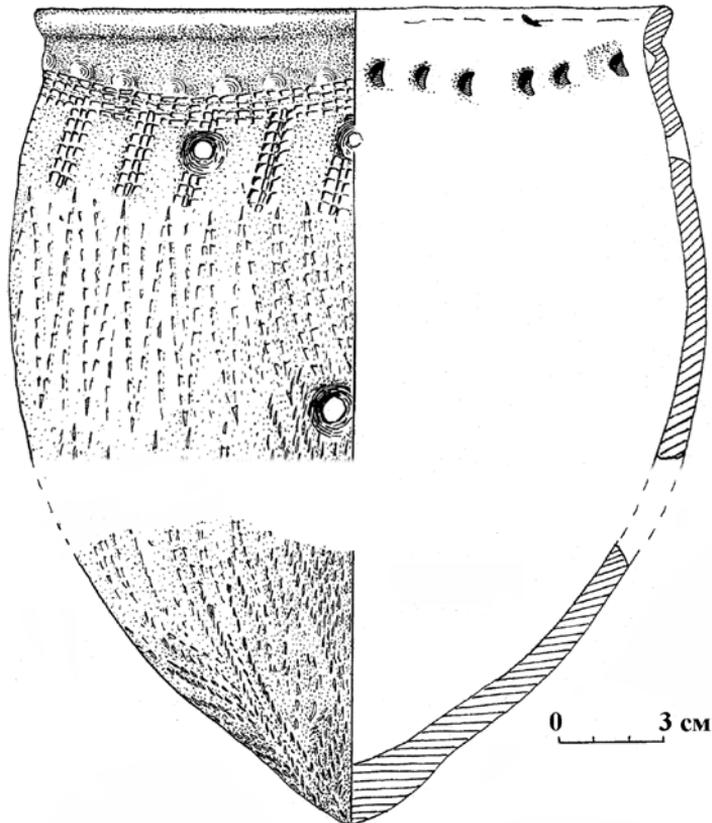

Рис. 5. Поселение Алексеевка-I. Графическая реконструкция керамического сосуда

В орнаментации этого сосуда используются сразу несколько инструментов. Отпечатки «веревочки» могут являться технологическими следами формовки сосуда. В контексте данного исследования интерес представляет «жемчужник» по венчику.

На развеечных участках песчаных дюн на северной окраине г. Семипалатинска найден «...круглодонный сосуд, со слегка раздутым туловом и прямым, слегка отогнутым наружу венчиком, украшенный жемчужными вдавлениями и редкими прерывистыми горизонтальными линиями штрихами по внешней и внутренней поверхности сосуда» [Мерц, 2013, с. 156, рис. 4.-7]. Наличие «жемчужника» или «жемчужных вдавлений» объединяет находку с Семипалатинских дюн с керамикой поселения Алексеевка-I (см. рис. 4, 5). Видимо, это была какая-то местная орнаментальная традиция. Смешение орнаментальных и технологических традиций в археологической литературе традиционно трактуется как взаимодействие различных групп населения. Появление «жемчужника» на сосуде боборыкинского облика (см. рис. 4) и на сосудах, орнаментированных в совершенно иной манере (см. рис. 5) [Мерц, 2013, рис. 4.-7], может свидетельствовать о взаимодействии нескольких групп населения. Скорее всего, это связано с тем, что памятники юго-западных районов Алтайского края расположены в своеобразной буферной контактной зоне в Обь-Иртышском междуречье. Как отмечают исследователи, «...на определенном отрезке времени такой культурный район сам мог превращаться в очаг культуригенеза, так как формирование новых археологических культур во многом являлось результатом взаимодействия нескольких культурных традиций» [Шорин, 1999, с. 7]. Участие населения боборыкинской культуры в процессе формирования культур эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы Алтая – это тема отдельного исследования, но подобное предположение не лишено оснований.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 117–128.
- Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; Великий Новгород : ИИМК РАН, 2011. С. 211–213.
- Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск : Наука, 2009. 320 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 293 с.
- Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. №4/1 (88). С. 149–156.
- Кирюшин К.Ю. Ранняя керамика поселения Бойниха-1 (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015б. С. 249–252.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие Бирюзовой Катунь (опыт интеграции в сферу туризма). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 222 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Угловский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 215–224.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1984. С. 25–40.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шайхутдинов В.М. Особенности металлургического производства елунинской культуры (по материалам ошлакованной керамики с поселения Павловка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 103–111.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 335 с. : ил.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 73–117.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 3–19.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург : Центр «Учебная книга», 2010. 308 с. : ил.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М. : Наука, 1984. 246 с.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; Великий Новгород : ИИМК РАН, 2011. С. 297–301.

Мерц В.К. Керамика ямно-афанасьевского типа из Семипалатинского Приртышья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 153–158.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Рассыпнов В.А. Природа Алтая: Экологический очерк. 2-е изд., доп. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2002. 170 с.

Редников А.А. Ранний бронзовый век на территории Кулундинской равнины Алтайского края // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул : Слово, 2010. С. 38–48.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. Уфа : БФ АН СССР, 1962. Т. 1. С. 37–38.

Силантьева М.М. Основные тенденции и роль антропогенного фактора в развитии растительного покрова в голоцене на территории Алтайского края // Проблемы региональной экологии. 2008. №1. С. 143–151.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 254 с.

Советский Союз. Географическое описание : в 22 т. Казахстан. М. : Мысль, 1970.

Шмидт А.В. Неолит Приобского плато : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург : УрО РАН, 1999. 182 с.

K.Yu. Kiryushin, Yu.F. Kiryushin

THE BOBORKINO STYLE CERAMICS FROM THE SETTLEMENTS OF SOUTH-WESTERN REGIONS OF THE ALTAI TERRITORY

On the territory of the Altai steppe and steppe materials of the Neolithic are presented with the monuments with destructed cultural layer. They are found along with the artifacts referring to a later period which creates problems for the historical interpretation of archaeological material. New data on the Neolithic of the Pavlodar region and the Barabinsk forest-steppe allowed addressing to the materials from the destroyed monuments in the Uglovsky, Loktevsky and Volchikhinsky districts of the Altai Territory.

On the settlements in the south-western districts of the Altai Territory discovery was made of pottery decorated with various-type pinholes (drop-shaped, triangular, etc.), incised ornament in the form of zigzag and mesh-work and a roller decorated with circular imprints. These ornamental techniques serve as ethnocultural markers uniting materials from the settlements of south-western districts of the Altai Territory, Pavlodar and Semipalatinsk Irtysh Region with the Bobrikino monuments of the Baraba and the Middle Trans-Urals.

The research made allows the author to draw the conclusion that historical and cultural processes in the Neolithic period in the territory of the south-western districts of the Altai Territory were complicated and presented with several lines of development.

Key words: Neolithic, ceramics, ornamentation technique, comparative-typological analysis, Boborkino culture.

References

Abdulganeev M.T. Keramika epokhi ranney bronzy s Altaya [Pottery of the Early Bronze Age from Altai]. Altay v epokhu kamnya i rannego metalla [Altai in the Stone Age and Early Metal Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 117–128.

Bobrov V.V., Yurakova A.Yu. Boborykinskiy kompleks v neolite Barabinskoy lesostepi [Boborkino Complex of the Neolithic in the Baraba Forest-Steppe]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the 3 (19) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. Saint Petersburg : Velikiy Novgorod : IIMK RAN, 2011. Pp. 211–213.

Zakh V.A. Epokha neolita i rannego metalla lesostepnogo Prisa-lair'ya i Priob'ya [The Neolithic and Early Metal Age of the Forest-Steppe Salair and Ob Region]. Tyumen' : Izd-vo IPOS SO RAN, 2003. 168 p.

Zakh V.A. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Iron Age of the Forest Tobol-Ishim Region]. Novosibirsk : Nauka, 2009. 320 p.

Kiryushin Yu.F. Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri [Chalcolithic and Early Bronze Age in the South of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 293 p.

Kiryushin K.Yu. Keramika poseleniya Novoil'inka-VI (po rezul'tatam issledovaniy 2013–2014 gg.) [The Pottery of the Novoilinka-6 Settlement (according to the results of research in 2013–2014.)]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015a. №4/1 (88). Pp. 149–156.

Kiryushin K.Yu. Rannaya keramika poseleniya Boynikha-1 (problemy khronologii, periodizatsii i kul'turnoy prinadlezhnosti) [Early Pottery of the Boynikha-1 Settlement (chronological problems of periodization and cultural identity)]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 21. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2015b. Pp. 249–252.

Kiryushin K.Yu., Kiryushina Yu.V., Semibratov V.P., Kiryushin Yu.F., Gorbunov V.V. Istoriko-kul'turnoe nasledie Biryuzovoy Katuni (opyt integratsii v sferu turizma) [Historical and Cultural Heritage of the Turquoise Katun (integration experience in tourism)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. 222 p.

Kiryushin Yu.F., Kazakov A.A. Uglovskiy rayon: pamyatniki arkheologii [The Uglov Area: Archaeological Monuments]. Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh rayonov Altayskogo kraya [The Monuments of History and Culture of the South-Western Districts of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 215–224.

Kiryushin Yu.F., Kungurova N.Yu. O rezul'tatakh izucheniya kamennoy industrii poseleniya Pavlovka I [On the Results of the Study of the Stone Industry in the Pavlovka I Settlement // Arkheologiya i etnografiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology and Ethnography of South Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1984. Pp. 25–40.

Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Grushin S.P., Kiryushin K.Yu., Shaykhtudinov V.M. Osobennosti metallurgicheskogo proizvodstva eluninskoy kul'tury (po materialam oshlakovannoy keramiki s poseleniya Pavlovka-I) [The Features of Metallurgical Production of the Elunino Culture (based on slagging ceramic settlement Pavlovka-I)]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [The Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. №1 (7). Pp. 103–111.

Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F. Kul'turno-khronologicheskie komplekсы poseleniya Tytkesken'-2 (itogi rabot 1988–1994 gg.) Pod nauch. red. A.P. Derevyanko [Cultural Chronological Complexes of the Cultural Chronological Complexes Settlement Tytkesken-2 (the results of work 1988–1994). Under scientific supervision of A.P. Derevianko]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. 335 p. : il.

Kiryushin Yu.F., Klyukin G.A. Pamyatniki neolita i bronzy Yugo-Zapadnogo Altaya [Monuments of Neolithic and Bronze Age in Southwest Altai]. Altay v epokhu kamnya i rannego metalla [Altai in the Stone and Early Iron Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 73–117.

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M. Geograficheskoe rasprostranenie slivnykh kvartsitovidnykh peschani-kov – syr'ya dlya izgotovleniya orudiy v epokhi neolita i bronzy [The Geographical Distribution of Drain Quartz Sandstones – the Raw Material for the Manufacture of Tools in the Neolithic and Bronze]. Drevnie gorniyaki i metallurgi Sibiri [Ancient Miners and Metallurgists of Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1983. Pp. 3–19.

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura [The Neolithic in the Middle Urals Region : Boborkino Culture]. Ekaterinburg : Tsentr «Uchebnaya kniga», 2010. 308 p. : il.

Kosarev M.F. Zapadnaya Sibir' v drevnosti [Western Siberia in the Ancient Times]. Moscow : Nauka, 1984. 246 p.

Merts V.K. Boborykinskiy kompleks poseleniya Borly (Severo-Vostochnyy Kazakhstan) [The Boborkino Complex of the Borly Settlement (North-Eastern Kazakhstan)]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda [Proceedings of the 3 (190 All-Russian Archaeological Congress). Vol. 1. Saint Petersburg: Velikiy Novgorod : IIMK RAN, 2011. Pp. 297–301.

Merts V.K. Keramika yamno-afanas'evskogo tipa iz Semipalatinskogo Prirytsh'ya [The Pottery of the Pit-Grave – Afanasyevo Type from the Semipalatinsk Irtysh Region]. Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii [Modern Solutions of Topical Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. Pp. 153–158.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Rassypnov V.A. Priroda Altaya: Ekologicheskiy ocherk. 2-e izd., dop. [Altai Nature: Environmental Essay]. Expanded edition. Barnaul : Izd-vo BGPU, 2002. 170 p.

Rednikov A.A. Ranniy bronzovyy vek na territorii Kulundinskoy ravniny Altayskogo kraya [Early Bronze Age in the Territory of the Kulunda Plain in the Altai Territory] Khozyaystvenno-kul'turnye traditsii Altaya v epokhu bronzy [Economic and Cultural Traditions of Altai in the Bronze Age]. Barnaul : Slovo, 2010. Pp. 38–48.

Sal'nikov K.V. Yuzhnyy Ural v epokhu neolita i ranney bronzy [Southern Urals in the Neolithic and Early Bronze Age]. Arkheologiya i etnografiya Bashkirii [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Ufa : BFAN SSSR. 1962. Vol. 1. Pp. 37–38.

Silant'eva M.M. Osnovnye tendentsii i rol' antropogennogo faktora v razvitiy rastitel'nogo pokrova v golotsene na territorii Altayskogo kraya [Major Trends and the Role of Human Factor in the Development of Vegetation during the Holocene in the Altai Territory]. Problemy regional'noy ekologii [Problems of Regional Ecology]. 2008. №1. Pp. 143–151.

Sitnikov S.M. Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya [The Culture of the Sargarinsk-Alekseevsk Population of Forest Steppe and Steppe Altai]. Barnaul : AltGPU, 2015. 254 p.

Sovetskiy Soyuz. Geograficheskoe opisanie : v 22 t. Kazakhstan [The Soviet Union. Geographical Description: in 22 vol. Kazakhstan]. Moscow : Mysl', 1970.

Shmidt A.V. Neolit Priobskogo plato : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Neolithic of the Ob plateau: Synopsis of the Dis. ... Cand. Ist. Sciences]. Barnaul, 2005. 24 p.

Shorin A.F. Eneolit Urala i sopedel'nykh territoriy: problemy kul'turogeneza [The Eeolithic in the Urals and Adjacent Territories: the Problem of Cultural Genesis. Ekaterinburg : UrO RAN, 1999. 182 p.

ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В КОЛЫБЕЛИ ЭПОХИ БРОНЗЫ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА: В ПОИСКАХ АНАЛОГИЙ

Захоронения в колыбели являются уникальными для эпохи бронзы Урало-Сибирского региона. Они встречены в окуневской культуре Южной Сибири и в алакульской культуре. Колыбели различаются по конструкции, но, безусловно, свидетельствуют об определенной традиции или культе. Статья посвящена поиску аналогий детским захоронениям в колыбели Урало-Сибирского региона. Алакульские колыбели имели вогнутые внутрь стенки и острые выступающие углы. Ближайшие аналогии алакульским колыбелям встречены в ямной культуре. В ней обнаружены как захоронение в реальной колыбели, так и глиняные модели. В окуневской культуре Южной Сибири колыбель имела спинку, которая была сделана из отдельного полотна бересты. Аналогии такой конструкции встречены в катакомбной культуре, где в детских погребениях имеются глиняные модели «колыбели». Одна торцовая часть такой модели оформлена в виде куполообразного невысокого кузова. Такие модели характерны для детских погребений катакомбного населения Предкавказья, но его истоки уходят в северокавказскую культуру. Модели колыбели встречаются в погребениях совместно с антропоморфными «флейтами Пана» и комочками охры. В окуневской культуре некоторые захоронения детей сопровождалась антропоморфными роговыми подвесками, которые возможно сопоставить с катакомбными «флейтами Пана». Таким образом, автор предлагает выделить две традиции в развитии конструкции колыбели в эпоху бронзы.

Ключевые слова: Урало-Сибирский регион, эпоха бронзы, колыбель, алакульская культура, окуневская культура, ямная культура, катакомбная культура.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-02

Захоронения в колыбели являются уникальными для эпохи бронзы Урало-Сибирского региона. Они встречены в окуневской культуре Южной Сибири и в алакульской культуре (андроновская КИО). Колыбели различаются по конструкции, но, безусловно, свидетельствуют об определенной традиции или культе. Поиск аналогий позволит прояснить некоторые явления.

Алакульская культура. В алакульском могильнике Верхняя Алабуга (Притобольный район Курганской области) обнаружены два детских захоронения (могилы-61 и 75), имеющих необычную внутримогильную конструкцию. Эти могилы отнесены Т.М. Потемкиной к первой группе, которая включала 57 погребений и 24 жертвенные ямы, расположенные в два-четыре ряда вокруг большой могилы-59. Рассматриваемые детские погребения прослеживались в виде пятен, имеющих прямоугольную форму с вогнутыми внутрь сторонами и острыми выступающими углами. По периметру они были оконтурены тонкими (2–4 см) полосками древесной трухи. Дно – в виде полуовала из древесной трухи той же толщины. Размеры могил одинаковы: 0,5 x 0,3 x 0,12–0,15 м, ориентация З–В (могила-61), ЮЗ–СВ (могила-75). В могиле находились только сосуды: один – в могиле-61, и два – в могиле-75. Т.М. Потемкина [1985, с. 163, 175] интерпретировала такие конструкции, как «...остатки корытообразных люлек, в которых были захоронены грудные младенцы». Костяки погребенных в обеих могилах отсутствовали, но это не означает, что их не было в момент захоронения. Как отмечает Т.М. Потемкина [1985, с. 163], в данном могильнике в большинстве могил костяки

не сохранились, ориентация погребенных определялась по положению сосудов и сохранившихся зубов. Так как зубов в этих могилах также не обнаружено, можно предположить, что в могиле захоронены младенцы до появления зубов, или предложить другой вариант объяснения.

Такие захоронения не являются уникальными для алакульской культуры. Автором был исследован алакульский могильник Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области, где обнаружены два подобных детских захоронения – могилы-24 и 25. Оба погребения входили в группу детских захоронений, которые локализовались вокруг двух взрослых могил. Устройство внутримогильной камеры в этих детских погребениях имеет прямые аналогии с захоронениями из могильника Верхняя Алабуга. Приводим их описание.

Могила-24 прослеживалась на материке в виде пятна серого цвета, имеющего форму прямоугольника с вогнутыми внутрь сторонами и острыми углами. Пятно оконтурено тонким слоем древесного тлена толщиной 2–3 см. Размеры ямы – 0,6 x 0,2 м, глубина – 0,1 м от уровня материка. Ориентирована по линии СЗЗ–ЮВВ. Ребенок младенческого возраста захоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад – запад. У черепа обнаружен сосуд.

Могила-25 прослеживалась на материке в виде пятна серого цвета, имеющего форму прямоугольника с вогнутыми внутрь сторонами. Пятно оконтурено тонким слоем древесного тлена толщиной 2–3 см. Размеры ямы – 0,6 x 0,4 м, глубина – 0,07 м от уровня материка. Ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В могиле находились кости младенца плохой сохранности: несколько фрагментов черепа, кости рук и ног. Судя по их расположению, умерший был захоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. У черепа обнаружен сосуд [Сотникова, 1987].

Таким образом, можно сделать заключение, что у населения алакульской культуры существовал особый ритуал захоронения определенной группы младенцев (возможно, до появления зубов) – в колыбелях.

Аналогии в памятниках ямной КИО. Участие катакомбного населения в сложении памятников синташтинского типа в последнее время признается многими исследователями, тогда как ямного, наоборот, оспаривается. Вместе с тем именно в ямной культуре имеются достаточно близкие параллели рассматриваемым алакульским захоронениям. Это единственное пока для ямной культуры погребение в колыбели открыто в кургане №6 у с. Новоалександровка, в 22 км к югу от Днепропетровска. Основным в кургане было постмариупольское погребение, для которого возведена первичная насыпь. Детское погребение-5 являлось вторым по времени впуску ямным погребением кургана, его могила вырыта с поверхности насыпи II, относящейся к ямному погребению-2. На уровне впуска размеры входной ямы составили 1,65 x 1,15 м. При углублении до 1,48 м с уровня впуска вдоль стен был прослежен уступ, ниже которого размеры ямы уменьшились до 0,8 x 0,45 м. Ее перекрывала гранитная плита, взятая из кромлеха и заходившая на 10–15 см за края ямы, что обеспечивало плотное прилегание. Поэтому к моменту раскопок могила оставалась не заполненной грунтом, исключая мельчайшую (легкую, как пудра) пыль. Это позволило проследить устройство внутримогильного сооружения. Оно представляло собой конструкцию из ошкунных жердей и тонких, расщепленных вдоль прутьев, образовавших плетенку, которая соединялась с жердями посредством шнура, свитого в две пряди из лыка (ивовой

коры?). При расчистке оказалось, что фрагменты жердей оконтуривали яму изнутри и имели слабую дуговидную изогнутость. Куски плетенки встречались под стенками по всей глубине ямы и на дне. Жерди на дне могилы отсутствовали. Скелет ребенка (до полутора лет) лежал на плотной органической подстилке, в которой можно предположить кожу. Костяк ориентирован черепом на юго-запад. Умерший располагался на спине, кости рук лежали параллельно туловищу, ноги были согнуты и повернуты коленями вправо, а в стопах подтянуты к тазу, что позволяет реконструировать первоначальное положение «коленями вверх». Череп и подстилку под ним окрашивала охра. У черепа находился сосуд. И.Ф. Ковалева [1998, с. 40–42] считает, что колыбель имела вид прямоугольного короба, плетеного из жердей и прутьев с вставным дном из кожи или плотной ткани.

С алакульскими эту ямную конструкцию сближает прежде всего вогнутая внутрь форма жердей верхнего каркаса колыбели, что отчетливо заметно на плане погребения. И.Ф. Ковалева [1998, с. 41, рис. 1.-2] объясняет это тем, что длина колыбели несколько превышала длину ямы и ее потребовалось слегка согнуть при помещении в могилу. Наиболее близкую этнографическую параллель данному типу конструкции колыбелей она находит в материалах из украинской этнографии. По ее мнению, наиболее близка ямной колыбели по форме, материалу и способу изготовления полесская «колыска». В подтверждение своих выводов она приводит этнографические свидетельства Ф.К. Волкова [Вовк, 1995, с. 114] о колыбелях типа «колыски»: «Эта мебель на Украине никогда не бывает стоящей на ножках или дуговых подставках, а всегда висящая. Иногда это просто деревянная рама с подвешенным к ней прямоугольным полотняным мешком, а иногда это – лубяная корзина с полотняным дном или еще иногда деревянная коробка, порой очень красивой формы» (цит. по: [Ковалева, 1998, с. 41–42]).

В погребальном обряде ямного населения степного правобережья Днепра и Надпорожья также выявлены следы «культы колыбели», который проявлялся в виде помещения в детские могилы глиняных моделей. По форме они полностью соответствуют реальной колыбели новоалександровского типа. Одна из моделей была найдена в детском погребении-1 кургана у с. Павловка. Модель имела мелкие насечки на внешней поверхности стенок. По мнению И.Ф. Ковалевой, они передают характер материала и технику плетения из прутьев, а слабовыпуклое дно соответствует провисающему дну колыбели, изготовленному из ткани или кожи, что подтверждается также отсутствием насечек, имитирующих плетенку, на дне модели. Глиняная колыбель имела отверстие для подвешивания в одной из стенок. Модель колыбели найдена вместе с тремя костяными амулетами-фетишами и шариком алой охры диаметром 2,5 см. В состав инвентаря входили также два типичных ямных сосуда [Ковалева, 1998, с. 42, рис. 1.-4]. Аналогичная модель колыбели происходит из раскопок Д.И. Яворницким кургана «Луговая могила» у с. Веселое вблизи Мелитополя. Ребенок 1–1,5 лет захоронен скорченно, на спине, головой на восток. При нем найдено «черноглиняное корытце» со сквозной дырочкой в каждом углу для подвешивания, орнаментированное косыми и прямыми глубокими бороздками, также имитировавшими плетение из прутьев. Рядом найдены подвески из волчьих клыков, служившие, по мнению И.Ф. Ковалевой, оберегами. В погребальном обряде ямного населения данного региона «колыбельный» культ проявлялся не только в виде помещения в детские могилы глиняных моделей колыбели, но и антропо-зооморфных фетишей, «флейты Пана» (трубчатые птичьи кости различной длины), комочков охры [Ковалева, 1998, с. 42–43].

При характеристике погребений с вогнутыми внутрь стенками нужно принять во внимание следующий момент. В памятниках катакомбного времени Предкавказья зафиксированы ямы необычной формы, для которых характерны вогнутые посередине стенки, оттянутые углы и иногда овальные углубления ниже уровня дна по углам ямы (речь идет, скорее, о погребениях взрослых. – С.С.). Существуют три интерпретации данной конструкции: 1 – дно ямы оформлялось в виде курильницы на четырех отдельно стоявших ножках, посередине которой лежал погребенный; 2 – форма ямы имитировала разобранную повозку; 3 – формы ям повторяют форму растянутой шкуры животного. Е.В. Избицер считает, что первые две версии не могут быть приняты по следующим причинам. Первую версию, несмотря на «красоту» идеи, подтвердить невозможно. Помещение умершего как бы на жертвенном месте предполагает наличие определенного мировоззрения, о котором у нас нет соответствующих данных. Кроме того, четыре овальных углубления, интерпретируемые как ножки курильницы, присутствуют не всем ямам, а только их части. Относительно второй версии она отмечает, что идея помещения в погребение разобранной повозки характерна прежде всего для погребений ямной культуры, когда повозку разбирали, кузов клали на перекрытие, а колеса – по углам кузова, практически у углов ямы. Е.В. Избицер обращает внимание, что открыто несколько катакомбных погребений в ямах рассматриваемой формы, которые сопровождалась неразобранными повозками. Повозки в них были установлены частично на перекрытии ямы, частично – на площадке или непосредственно в яме. Традиция разбирать их исчезает в Предкавказье с развитием обряда погребения с целой повозкой. Причем наличие повозки непосредственно в могиле не влияло ни на форму ямы, ни на форму камеры или шахты катакомбного погребения. Отвергнув эти версии, Е.В. Избицер предлагает свой вариант. Она обратила внимание на то, что некоторые исследователи при описании ям с вогнутыми стенками иногда называют их «шкурообразными». По ее мнению, именно это определение наиболее правильно отражает форму и суть данного явления. В различных пропорциях формы ям с вогнутыми стенками повторяют форму растянутой шкуры животного. Если учесть, что внутреннее устройство могилы напоминало дом, то логичнее предположить, что дно ямы оформлялось в виде кровати, постели. Постелью служили шкуры, они-то и придавали форму могильным ямам. Е.В. Избицер считает, что данную традицию не следует связывать исключительно с катакомбной культурой. Изогнутость стенок могильных ям является устойчивой чертой значительной части погребений северокавказских и предкавказской культурных групп Прикубанья. При интерпретации формы ям исследователи не связывают эти группы погребений между собой, так как они имеют различные хронологические позиции и центры распространения. Появление такой формы ямы у катакомбников может указывать на ассимиляцию местного населения с пришлой культурой [Избицер, 1996, с. 76–78].

С детскими погребениями алакульской культуры рассматриваемые взрослые катакомбные погребения сопоставить достаточно сложно. Но если принять во внимание возможное участие катакомбного населения в сложении синташтинской культуры, что признается многими исследователями, то представляет несомненный интерес бытование в катакомбной среде традиции сооружения ям с вогнутыми стенками, уходящей в еще более далекое прошлое. Не исключено, что наиболее древние традиции могли сохраняться именно в детской погребальной обрядности как наиболее консервативной.

Сходство реальных алакульской и ямной колыбелей и ямных глиняных моделей нельзя считать случайным. Некоторые исследователи, например Н.Л. Моргунова [2002, с. 114], отстаивают гипотезу об участии населения ямной культуры Приуралья, наряду с другими группами как приуральского, так и зауральского населения, в формировании аркаимо-синташтинского комплекса, который, в свою очередь, связан с памятниками петровского типа и алакульскими.

Генезис алакульской культуры связан с памятниками синташтинского и петровского типов. В свою очередь, в сложении синташтинского населения принимало участие население катакомбной КИО, которое на территории евразийских степей пришло на смену населению ямной культуры. Поэтому поиск аналогий андроновским захоронениям должен быть продолжен также в среде катакомбного населения.

Аналогии в памятниках катакомбной КИО. В катакомбной КИО не встречены детские захоронения в колыбели. Однако в катакомбных памятниках возможно выявить следы бытования собственно «колыбельного» культа. Речь идет о глиняных моделях «повозочек», помещаемых в погребения. Эти предметы Е.В. Избицер разделила по форме на четыре типа. Наибольший интерес для нас представляют модели I типа, которые исследователями называются «лодочками», или «колыбелями». Они представляют собой корытообразные предметы, одна торцовая часть которых оформлена в виде куполообразного невысокого кузова, наподобие современной детской коляски закрытого типа. Они обнаружены в ряде катакомбных захоронений детей и женщин. Е.В. Избицер [2004, с. 410] было учтено 15 погребений с моделями I типа. Одна такая модель колыбели найдена в катакомбном детском погребении-8, впущенном в курган №3 у с. Покровское (Артемовский район Донецкой обл.). В яме-камере обнаружены два детских костяка – младенца и подростка, лежавших в скорченном положении на правом боку, головой на север. Инвентарь погребения составили большой горшок и маленький вотивный сосудик, поставленный вверх дном. На расстоянии 0,5 м от него в южном углу ямы-камеры находилась разбитая на три части глиняная модель (длина – 12 см, ширина – 4 см, высота стенок – 3 см, в куполообразной части – до 7 см). Снаружи она покрыта орнаментом в виде волнистых прочерченных линий, имитирующих плетение лозой, чередующихся с торцовыми отгисками палочки. Снаружи и внутри бортики имеют сквозные отверстия в один ряд, внутри поверхность заглажена. С.В. Федяев и С.И. Татаринев считают этот тип моделей «колыбелями». Комплекс погребения-8 они относят к позднему периоду донецкой катакомбной культуры и датируют XIX–XVIII вв. до н.э. [Федяев, Татаринев, 1997, с. 22].

Более сложный комплекс, содержащий как «колыбели», так и «повозки» (соответственно I и II типы по классификации Е.В. Избицер), представлен в детском катакомбном погребении-3 кургана №3 из курганной группы Чограй-VIII (Ставропольский край, р. Восточный Маныч). Погребальная конструкция представлена небольшой катакомбой. В камере захоронен ребенок 9–12 лет, на спине, вытянуто, головой на юго-восток. У черепа найдены три бронзовые бочонковидные бусины, на левом запястье – четыре бронзовые подвески в виде перевитого стерженька с полушарием на конце, у левого локтя – обломок раковины, у левого бедра – костяная молоточковидная булавка с нарезным орнаментом и четыре круглые костяные пластинки с отверстиями. В 30 см к югу от черепа (на меловой подсыпке) стояла глиняная модель повозки-кибитки. Ее размеры такие: высота – 26,5 см, дно – 14,4 x 19,6 см. В передней и боковых стенках

имеются три отверстия-окна. Снаружи модель орнаментирована, причем большинство нанесенных изображений, по мнению М.В. Андреевой, передают конструктивные детали повозки. Колес для модели повозки в могиле не найдено. Для прикрепления к повозке других деталей в стенках модели сделано несколько небольших круглых отверстий диаметром 0,5 см. Внутри модели найдены следующие предметы: три трубчатые птичьи кости (от трех разных особей), слегка заполированные, один конец которых был ровно отрезан, глиняная модель «колыбели» (высота – 3,5 см, длина – 5,5 см) и маленький камешек-галька диаметром 0,5 см. «Колыбель» имела вид прямоугольной скобки, поверхность ее красного цвета со следами красной краски. В нижней части имеется 10 симметрично расположенных сквозных дырочек, а в верхней части – две сквозные дырочки. М.В. Андреева считает, что они служили для подвешивания «колыбели» внутри «повозки-кибитки». Она относит комплекс к числу ранних катакомбных захоронений. Кроме того, ею отмечено, что модели повозки и «колыбельки» находят себе аналогии прежде всего в памятниках начала средней бронзы Калмыкии, Восточного Маныча, Прикубанья, Нижнего Подонья [Андреева, 1984, с. 201–205].

Е.В. Избицер обратила внимание на то, что из 15 погребений, содержащих модели I типа, в шести находились так называемые флейты Пана – наборы трубчатых птичьих костей разной длины, иногда со срезанными эпифизами и заполированными концами. Часть из них орнаментированы поясками, нанесенными охрой или черной краской. Они встречаются в погребениях раннего горизонта катакомбных культур с наибольшей их концентрацией на Нижнем Дону и часто связаны с детскими захоронениями. Помимо рассмотренного выше объекта Чограй-VIII-3/3, они встречены в погребениях Ростов/Дон-6/5, Ростов/Дон-6/11, Лысянский-II-5/1, Чограй-IX-2/8, Каланчак-2/9. Во всех них модели «колыбелей» и «флейты Пана» располагались вместе [Избицер, 2004, с. 410]. Как отмечает Е.В. Избицер, несмотря на то, что большинство повозок-колыбелей открыто в катакомбных погребениях, анализ инвентаря и некоторые черты погребального обряда позволяют связать происхождение этих предметов с северокавказской культурой. Ключевым комплексом для понимания данной черты ритуала она считает погребение-1 кургана №5 Ульского аула в Закубанье (раскопки Н.И. Веселовского 1909 г.), которое современные исследователи относят к северокавказской культуре. Это погребение содержало «...скелет не вполне взрослого человека». В состав сопровождающего инвентаря входила глиняная модель I типа – «колыбелька», одна торцовая часть которой оформлена в виде куполообразного невысокого кузова, в стенках и на кузове которой имелись отверстия для подвешивания. Кроме того, умершего сопровождали набор украшений, миниатюрный сосудик, две разнотипные алебастровые статуэтки и не менее шести однотипных глиняных статуэток. Отличительными чертами глиняных статуэток являлись отсутствие головы и наличие внутри каждой специального каналца, т.е. вставные головы статуэток изготавливались из другого материала. На основании находок из более раннего поселения Гойюджек Гуюк в юго-западной Анатолии, где были встречены близкие по форме глиняные статуэтки, у которых в качестве вставной головы использовался фрагмент трубчатой косточки животного, Е.В. Избицер высказала предположение, что и в погребении-1 кургана №5 Ульского аула глиняные фигурки имели вставные головы из кости. С такими головками она отождествляет «флейты Пана». Кости птиц первоначально представляли собой головки идолов, а со временем, в катакомбный период, стали символами самих

идолов. Прямым указанием на то, что наборы птичьих костей использовались в качестве антропоморфных символов, исследовательница считает находки в катакомбных погребениях могильника Новый на Нижнем Дону. В погребениях-14 и 15 кургана №132 найдены наборы птичьих костей, убранство которых состояло из миниатюрных бронзовых пронизей и пастового бисера. Кроме того, в погребении-15 у трех косточек были налесты из кусочков охры. Следы охры на птичьих костях отмечались в ряде других случаев. Е.В. Избицер [2004, с. 409–413, 419] приходит к выводу, что «флейты Пана» и «повозочки» I и II типов «...отражают момент непосредственного участия северокавказской культуры в сложении раннекатакомбных памятников на территории Предкавказья и Поднепровья».

Относительно предназначения глиняных моделей «колыбелей» существуют различные точки зрения. С.В. Федяев и С.И. Татаринцов [1997, с. 22] считают, что эти предметы в среде катакомбного населения являлись игрушками в современном понимании этого слова, прототипом для них послужила реальная детская колыбель, плетенная из лозы. Е.В. Избицер [2004, с. 419] полагает, что «флейты Пана» и «повозочки» относятся к ритуальной, духовной стороне жизни. И.Ф. Ковалева [1998, с. 42] на основании этнографических параллелей с территории Сибири, где вотивные модели колыбелей подвешивались к шаманскому бубну и использовались в камланиях и других обрядах, приходит к заключению, что ямные модели колыбелей использовались в аналогичном качестве. Однако это заключение И.Ф. Ковалевой не объясняет того, почему их находят в детских захоронениях. Таким образом, более убедительной представляется версия о ритуальном характере этих находок.

Для нас представляет интерес наличие достаточно развитого колыбельного культа у катакомбного населения, имеющего истоки в северокавказской культуре. Эта традиция в алакульской культуре, являющейся наследницей синташтинской, получила другие формы выражения. По конструкции алакульские колыбели отличаются от катакомбных отсутствием кузова.

Окуневская культура. В эпоху бронзы катакомбный тип конструкции колыбелей встречен в окуневской культуре Южной Сибири. Захоронение в колыбели обнаружено в могиле-7 кургана №1 памятника Уйбат-V. Оно относится к раннему этапу окуневской культуры. Возраст ребенка, по определению А.В. Громова, не превышает одного года. Захоронение совершено в каменном ящике, дно которого находилось на глубине 90 см от уровня погребенной почвы. Ящик был перекрыт несколькими крупными плитами, которые образовывали над погребением сооружение, похожее на розетку. Длинные стенки ящика сохранили следы росписи охрой. Погребение ориентировано на юго-запад. Умерший ребенок располагался вытянуто, на спине. Руки лежали вдоль туловища. В правой кисти ребенка была зажата связка из 65 клыков грызуна (сурка?). Слева от костяка находились четыре просверленных клыка кабарги, соединенные попарно. Под правой рукой – игольник из трубчатой кости птицы с костяной иглой внутри него. Такие изделия считаются принадлежностью женских погребений. Весь костяк был окутан толстым слоем темно-коричневого тлена. Сохранились следы деревянной перекладки над черепом ребенка. Под скелетом и слоем тлена зафиксирован слой бересты овальной конфигурации. Л.А. Соколова полагает, что данная конструкция является берестяной колыбелью, спинка которой была сделана из отдельного полотна бересты, скрепленного с днищем при помощи какого-то органического

материала. Деревянная дуга-перекладина либо служила для крепления спинки колыбели, либо использовалась как самостоятельный конструктивный элемент. Клыки кабарги, соединенные попарно, скорее всего, украшали концы ремня, с помощью которого ребенок был зашнурован в колыбели. Очевидно, над колыбелью был натянут глухой чехол, препятствующий проникновению внутрь нее земли [Соколова, 1995, с. 44–45]. Предложенная автором графическая реконструкция устройства детской колыбели [Соколова, 1995, рис. 1.-2] представляет собой полный аналог катакомбному варианту глиняной модели «колыбели» (I тип). Более того, реальная окуневская колыбель позволяет объяснить некоторые детали в конструкции катакомбных глиняных моделей, а именно наличие противоположащих маленьких сквозных отверстий вдоль боковых бортиков. Вероятно, они служили для крепления ремешков, с помощью которых колыбель зашнуровывалась, что не позволяло ребенку выпасть из нее. Фиксация ребенка в колыбели являлась весьма значимым моментом, поэтому отверстия для ремешков воспроизводились даже на глиняных моделях катакомбного населения.

Это не единственное окуневское захоронение в колыбели. Есть предположение, что в одном из погребений (точнее не указывается. – С.С.) кургана №14 могильника Итколь-II в грунтовой яме с заплечиками совершено захоронение ребенка в берестяной колыбели. Ребенок сопровождался неординарным инвентарем. Помимо сосуда баночной формы, орнаментированного рядом «жемчужин», и мраморного шара с отверстием, обнаружены также роговые подвески, которые располагались в области грудной клетки ребенка. На четырех изделиях с различной степенью детализации воспроизведены головки животных: какого-то копытного, кабана (?), птицы. Еще четыре представляют собой высокохудожественные миниатюрные роговые копии каменных изваяний. По крайней мере, на двух из них отчетливо просматривается трехчастная вертикальная структура элементов, отвечающая всем классическим канонам окуневского искусства: наверху – объемное антропоморфное изображение или голова птицы, в середине – личина, внизу – хищник с оскаленной пастью. Погребение относится к ранней стадии развития окуневской культуры (началу уйбатского этапа) [Лазаретов, Поляков и др., 2012, с. 135]. Погребения, в которых найдена антропоморфная мелкая пластика, достаточно характерны для окуневского населения. Роговые, костяные пластинки из трубчатых костей животных с изображением женского лица и каменные (стеатитовые) стерженьки, один конец которых оформлен в виде человеческой головы, неоднократно встречены в окуневских могильниках, в частности в Черновой-VIII. Они найдены в детских погребениях или реже – взрослого и ребенка. В погребениях подобные изделия встречаются группами. Так, в могиле-7 кургана №9 этого памятника в погребении ребенка 4–5 лет найдено семь миниатюрных антропоморфных изделий: три костяные пластинки, три каменных стержнеобразных и одно подтреугольной формы. Под двумя изображениями найдено скопление каменного бисера. В могиле-13 кургана №8 был захоронен ребенок 7–8 лет, в заполнении найдены две стеатитовые головки, стеатитовые кружки, зубы животных. В могиле-9 кургана №5, содержащей погребение ребенка 9–10 лет, найдены две каменные головки и костяная пластина, вокруг которой располагались бусинки. Кроме того, в могиле находились 10 каменных сверленных кружков, бронзовая игла, обломки костяного игольника, остатки металлического ножа, три бусины [Вадецкая, 1980, с. 8, 11, 52, 71, 115, табл. XXIV.-1–8, 11–13, 15]. Э.Б. Вадецкая обратила внимание на то, что скульптурные и пластинчатые фигурки сверху заложены,

нижняя же часть не имеет лошения. Исследовательница предполагает, что эти фигурки составляли основу ритуальных кукол, сами же куклы имели одежду, изготовленную из какого-то мягкого органического материала (мех, кожа, ткань). Одежда украшалась бисером и бусами, о чем свидетельствуют находки этих украшений рядом с антропоморфными изображениями [Вадецкая, 1980, с. 71]. Таким образом, окуневские антропоморфные изображения имеют определенное сходство с катакомбными и ямными «флейтами Пана», которые тоже служили основой «кукол» и также встречаются в могилах группами. Однако окуневские антропоморфные изображения представлены, как правило, в погребениях детей, уже вышедших из колыбельного возраста.

На позднем (черновском) этапе окуневской культуры погребения в колыбели пока не выявлены. Однако значительный интерес представляет работа А.В. Громова по выяснению зависимости размеров могил от роста погребенных и, соответственно, возраста в случае детских погребений. Им привлечены к анализу 81 погребение из Черновой-VIII и 52 погребения из Верхнего Аскиза-I. В результате анализа выявлена отчетливая разница между длиной погребений детей до года и длиной всех остальных. Могилы детей до года имели длину не более 80 см. По мнению А.В. Громова [2006, с. 245–247], высокая степень достоверности отличий этой группы могил позволяет учитывать их в демографических исследованиях в том случае, если в результате ограбления в могиле отсутствуют костные останки. А.В. Громов считает, что «...четкая дифференциация могил детей раннего возраста позволяет предположить, что дети, погребенные в могилах длиной менее 80 см, имели какой-то особый статус. По всей видимости, речь идет о детях “колыбельного возраста”. С точки зрения краниоморфологии, в случае черновского этапа окуневской культуры особое значение этого возраста состоит в том, что именно в это время проходил процесс деформирования головы ребенка. По окончании колыбельного периода ребенок, возможно, получал другой социальный статус, что сопровождалось изменением погребального обряда в случае его смерти» [Громов, 2006, с. 247].

Таким образом, можно указать, что у населения окуневской культуры, причем, по-видимому, на всем протяжении его существования, был также распространен «культ колыбели», связанный, в частности, с захоронением детей до года. Несомненный интерес представляют наметившиеся параллели с раннекатакомбными памятниками Предкавказья, Нижнего Подонья и Поднепровья, а также с северокавказской культурой. Прежде всего это сходство реальной окуневской колыбели из могильника Уйбат-V с катакомбными глиняными моделями «колыбелей». Более того, как в катакомбных погребениях модели колыбелей сочетаются с наборами антропоморфизированных птичьих костей («флейты Пана»), так и в окуневском захоронении ребенка в колыбели его сопровождает набор, состоящий из антропо- и зооморфных роговых предметов. Безусловно, факт бытования такой традиции у катакомбного и окуневского населения (антропоморфные предметы) представляется достаточно значимым.

Вопрос о конкретном месте и времени формирования окуневского феномена пока остается открытым. И.П. Лазаретов отмечает, что в ранних памятниках уйбатского этапа окуневской культуры имеются черты, характерные для позднеямных и ямно-катакомбных комплексов степной зоны юга России. Поэтому именно в этих районах следует искать истоки окуневской погребальной традиции [Лазаретов, 1994, с. 20–24; 1997, с. 38–41]. Именно там имеются ближайшие аналогии окуневским могильным

конструкциям в виде катакомб и грунтовыми ямам с заплечиками и значительной глубиной. Так, центральное захоронение кургана №1 могильника Уйбат-Чарков представляло собой грунтовую яму с заплечиками размером 3,4 x 2,8 м, которая была углублена в материк на 4,4 м [Лазаретов и др., 2012, с. 131]. И.П. Лазаретов, А.В. Поляков, Ю.Н. Есин, Н.И. Лазаретова отмечают, что на территории Северо-Западного Прикаспия и в прилегающих к нему районах Северного Кавказа можно обнаружить аналоги целому ряду изделий окуневской культуры: серебряные и бронзовые височные кольца, черешковые ножи, четырехгранные шилья, костяные колечки из спилов трубчатых костей. Во многих захоронениях этого региона присутствуют посыпка охрой, остатки подушек, подстилок и покрывал из органических материалов. Причем, как отмечают эти исследователи, перечисленные соответствия имеют любопытную корреляцию с данными антропологии. Ниже подробно приводим их аргументацию. В статье о происхождении окуневской культуры А.В. Громов обратил особое внимание на брахикранные группы ямного и ямно-катакомбного населения с территории Калмыкии. Это же направление связей с акцентом на Северный Кавказ и Предкавказье подтвердил К.В. Солодовников в поисках прародины европеоидного компонента в составе окуневской, каракольской и чаа-хольской культур. А.А. Казарницкий, изучая краниологические серии Северо-Западного Прикаспия, показал, что черепа ямной культуры этого региона, благодаря значительным широтным размерам мозгового и лицевого отделов, отличаются от всех известных краниологических серий ямной КИО. И именно эти особенности, в частности ярко выраженная брахикрания, сближают ямные и ямно-катакомбные серии Калмыкии с черепами периода ранней бронзы Саяно-Алтая. Есть еще один дополнительный признак, равно представленный в двух антропологических сериях, казалось бы, столь удаленных регионов, – очень специфическая затылочнотеменная деформация черепной коробки. Эта особенность очень зримо проявилась на черепах позднего черновского этапа окуневской культуры, поэтому невольно сложилось впечатление о ее отсутствии на черепах предшествующего уйбатского этапа. В ходе изучения новых материалов Н.И. Лазаретова выявила наличие такой деформации в ранней краниологической серии окуневской культуры. На уйбатских черепах она оказалась выражена заметно слабее, что еще больше сближает их с ямным и ямно-катакомбным населением Калмыкии. В середине III тыс. до н.э. в регионе Северо-Западного Прикаспия прежнее ямное и ямно-катакомбное население вытесняется с занимаемой территории. Там получает распространение восточноманычская катакомбная культура, население которой характеризуется иным антропологическим типом и другими вариантами черепных деформаций – кольцевыми или лобно-затылочными. Именно в то же время гиперфорфные европеоиды появляются на Саяно-Алтае одновременно с распространением там обрядовых традиций и вещевого инвентаря, характерного для синхронных комплексов степной полосы юга Восточной Европы. По мнению исследователей, эти совпадения далеко не случайны, а являются звеньями единого процесса [Лазаретов и др., 2012, с. 135–136]. И.П. Лазаретов полагает, что можно говорить о второй, постафанасьевской, волне продвижения степных скотоводов далеко на восток [Лазаретов, 1994, с. 20–24; 1997, с. 38–41].

Следы существования в окуневской культуре «культы колыбели», связанного с детскими захоронениями, и наметившиеся параллели с традициями раннекатакомбного населения Предкавказья и северокавказской культурой не только не противоречат

гипотезе о второй волне продвижения степных скотоводов далеко на восток, но и позволяют выявить еще одну линию сопоставлений, связанную с детской погребальной обрядностью.

Прослеживается любопытная закономерность: культуры западных районов (ямная, катакомбная, северокавказская) в основном связаны с традицией изготовления глиняных моделей колыбелей, а в культурах, занимавших более восточные регионы, – алакульской и окуневской – получила распространение традиция использования реальных колыбелей при захоронении детей. Безусловно, что это проявление одной и той же традиции, бытовавшей длительное время. Более того, в западных культурах прослеживается устойчивое сочетание в одном комплексе моделей колыбели и «флейт Пана» (трубчатых костей птиц) антропоморфного облика. В окуневской культуре в погребении, содержащем захоронение ребенка в колыбели, обнаружены роговые антропоморфные подвески, что еще более усиливает сходство этих культур и свидетельствует в пользу катакомбных или ямно-катакомбных взаимодействий.

Выводы. Таким образом, можно наметить две традиции развития в конструкции реальной колыбели, учитывая находки глиняных моделей.

Ямно-алакульская традиция – глиняная модель колыбели подпрямоугольной формы без куполообразного выступа. Она характерна для ямного населения степного правобережья Днепра и Надпорожья, встречается в погребениях совместно с «флейтами Пана» и комочками охры. Прослеживается сходство с реальными колыбелями ямной культуры Украины (один случай) и алакульской культуры Южного Зауралья и Западной Сибири.

Катакомбно-окуневская традиция – глиняная модель колыбели подпрямоугольной формы, одна торцовая часть которой оформлена в виде куполообразного невысокого кузова. Она характерна для детских погребений катакомбного населения Предкавказья, но ее истоки уходят в северокавказскую культуру. Модели встречаются в погребениях совместно с «флейтами Пана» и комочками охры. Прослеживается сходство с реальными колыбелями окуневской культуры Южной Сибири, содержащими захоронения детей младшей возрастной группы. К этому следует добавить, что детские окуневские погребения разного возраста иногда также сопровождалась антропоморфными подвесками.

Библиографический список

Андреева М.В. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // Советская археология. 1984. №3. С. 201–205.

Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука, 1980. С. 37–87.

Громов А.В. Об особом типе детских погребений в могильниках черновского этапа окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Элексис Принт, 2006. С. 245–247.

Избицер Е.В. К вопросу о форме погребальных ям в культурах эпохи средней бронзы Предкавказья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград : Перемена, 1996. С. 76–78.

Избицер Е.В. Модели «повозок», «флейты Пана» и северокавказская культура // Археолог: детектив и мыслитель : сборник статей, посвященных 77-летию Л.С. Клейна. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2004. С. 409–421.

Ковалева И.Ф. Мир детства ямных племен Предстепья // Проблемы археологии Подніпров'я. Дніпропетровськ. Вип. 1. 1998. С. 37–47 [Электронный ресурс]. URL: <http://bronzalib.narod.ru/k/kovaleval998.html>.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники долины реки Уйбат (к вопросу о второй волне индоевропейцев в Южной Сибири) // Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму [ИИМК], 5–7 апреля 1994 г. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 20–24. (Археологические изыскания. Вып. 14).

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П., Поляков А.В., Есин Ю.Н., Лазаретова Н.И. Новые данные по формированию окуневского культурного феномена // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 130–136.

Моргунова Н.Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.: ИПП «Граф и К», 2002. С. 104–116.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1995. 376 с.

Соколова Л.А. Погребение в колыбели Окуневского могильника Уйбат V // Археологические вести. 1995. №4. С. 44–51.

Сотникова С.В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1986 году. Омск, 1987 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Федяев С.В., Татаринцов С.И. Уникальное погребение катакомбной культуры с «игрушкой» // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1997. С. 22.

S.V. Sotnikova

BABY GRAVES IN THE CRADLE IN THE BRONZE AGE OF THE URAL-SIBERIAN REGION: IN SEARCH OF ANALOGIES

Cradle burials are unique to the Bronze Age in the Ural-Siberian region. They are typical for Okunevo culture of South Siberia and Alakul culture. Cradles vary in design, but they can definitely be attributed to a certain tradition or cult. The article is devoted to the search of analogies to children's cradle graves in the Ural-Siberian region. Alakul cradles had a concave inside wall and sharp protruding corners. The nearest analogies to Alakul cradles were found in the pit-grave culture with real cradle graves and clay models. In Okunevo culture of South Siberia the cradle had a back side made of a discrete piece of birch bark. Analogies of this design were found in the catacomb culture, where children's burials contained clay cradle models.

One end part of such a model is designed in the form of a low dome-shaped body. Such models are typical for children's interments of the catacomb population of Ciscaucasia, but roots can be found in their North Caucasian culture. Cradle models are found in burials along with anthropomorphic "Pan flute" and lumps of ochre. In Okunevo culture some children's burials were accompanied with horn anthropomorphic pendants, which may be compared with the catacomb "Pan flute". Thus, the author proposes to distinguish two traditions in the development of the cradle design in the Bronze Age.

Key words: Ural-Siberian region, the Bronze Age, the cradle, Alakul culture, Okunevo culture, pit grave culture, catacomb culture.

References

Andreeva M.V. Glinyanaya model' povozki iz pogrebeniya katakombnogo vremeni [The Clay Model of the Wagon from the Catacomb Time Burial]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet archaeology]. 1984. №3. Pp. 201–205.

Vadetskaya E.B. Izvayaniya okunevskoy kul'tury [Sculptures of Okunevo Culture]. Vadetskaya E.B., Leont'ev N.V., Maksimenkov G.A. *Pamyatniki okunevskoy kul'tury* [Monuments of Okunevo Culture]. Leningrad: Nauka, 1980. Pp. 37–87.

Gromov A.V. Ob osobom tipe detskikh pogrebeniy v mogil'nikakh chernovskogo etapa okunevskoy kul'tury [On the Special Type of Children's Burials in the Chernovsky Stage of Okunev Culture Burial Grounds]. *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunevo Collection 2. Culture and Its Surroundings]. Saint Petersburg: Eleksis Print, 2006. Pp. 245–247.

Izbitser E.V. K voprosu o forme pogrebal'nykh yam v kul'turakh epokhi sredney bronzy Predkavkaz'ya [The form of the Burial Pits in the Cultures of the Middle Bronze Age Ciscaucasia].

Drevnosti Volgo-Donskikh stepey v sisteme vostochnoevropeyskogo bronzovogo veka [Antiquities of the Volga-Don Steppe in the System of Eastern European Bronze Age]. Volgograd : Peremena, 1996. Pp. 76–78.

Izbitser E.V. Modeli “povozok”, “fleyty Pana” i severokavkazskaya kul'tura [The Models of “Carts”, “Pan’s Flute” and the North Caucasian Culture // *Arkheolog: detektiv i myslitel' : sbornik statey, posvyashchennykh 77-letiyu L.S. Kleyna* [Archaeologist: a Detective and a Thinker: a Collection of Articles Devoted to the 77 Anniversary of L.S. Klein]. Saint Petersburg : Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2004. Pp. 409–421.

Kovaleva I.F. Mir detstva yamnykh plemen Predstep'ya [The World of Childhood of the Pit-Grave Tribes in the Pre-Steppe]. *Problemy arkheologii Podniprova* [The Problems of Archaeology of the Dnieper Region]. Dnipropetrovs'k. Issue 1. 1998. Pp. 37–47 [Elektronik resource]. URL: <http://bronzalib.narod.ru/k/kovaleval998.html>.

Lazaretov I.P. Okunevskie mogil'niki doliny reki Uybat (k voprosu o vtoroy volne indoevroyeytsev v Yuzhnoy Sibiri) [Okunevo Burial Grounds of the Uybat River Valley (to the question of the second wave of Indo-Europeans in Southern Siberia) // *Izuchenie drevnykh kul'tur i tsivilizatsiy. Materialy k plenumu* [IIMK], 5–7 aprelya 1994 g. [The Study of Ancient Cultures and Civilizations. Materials for the Plenum [IHMC]. *Arkheologicheskie izyskaniya. Vyp. 14* [Archaeological Investigations. Issue 14]. Saint Petersburg : IIMK RAN, 1994. Pp. 20–24.

Lazaretov I.P. Okunevskie mogil'niki v doline reki Uybat [Okunevo Burial Grounds in the Uibat River Valley]. *Okunevskiy sbornik* [Okunevo Collection]. Saint Petersburg : Petro-RIF, 1997. Pp. 19–64.

Lazaretov I.P., Polyakov A.V., Esin Yu.N., Lazaretova N.I. Novye dannye po formirovaniyu okunevskogo kul'turnogo fenomena [New Data on the Formation of the Okunevo Cultural Phenomenon]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii* [Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia]. Moscow : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. Pp. 130–136.

Morgunova N.L. Problemy izucheniya yamnoy kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [Problems in the Study of the Pit-Grave Culture of the Southern Urals]. *Problemy arkheologii Evrazii: K 80-letiyu N.Ya. Merperta* [Problems of Archaeology of Eurasia: the 80th Anniversary of N.Y. Merpert]. Moscow : IPP “Graf i K”, 2002. Pp. 104–116.

Potemkina T.M. Bronzovyy vek lesostepnogo Pritobol'ya [Bronze Age of Forest-Steppe Tobol]. Moscow : Nauka, 1995. 376 p.

Sokolova L.A. Pogrebenie v kolybeli Okunevskogo mogil'nika Uybat V [The Burial in the Cradle of the Okunevo Burial Ground 5]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News]. 1995. №4. Pp. 44–51.

Sotnikova S.V. Otchet o raskopkakh mogil'nika Ermak-IV v Novovarshavskom rayone Omskoy oblasti v 1986 godu. Omsk, 1987 [The Report of the Excavations of the Ermak-4 Burial Ground in the Novovarshavsky District of the Omsk Region in 1986]. *Arkhiv IA RAN. F. R-1* [Archive IA RAS. F. R-1]. Omsk, 1987.

Fedyayev S.V., Tatarinov S.I. Unikal'noe pogrebenie katakombnoy kul'tury s “igrushkoy” [Unique Catacomb Culture Burial with a “Toy”]. *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy* [Problems of History and Archaeology of Ukraine]. Khar'kov, 1997. P. 22.

**ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ТЮРОК АЛТАЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ****(2-я половина I тыс. н.э.)***

Представлены результаты изучения впускных погребений тюрок раннего средневековья. Осуществлен анализ материалов раскопок памятников 2-й половины I тыс. н.э. на территории Алтая и в сопредельных регионах – Минусинской котловине, Туве, Монголии. Охарактеризованы традиции оформления внутримогильных конструкций, а также определены особенности обряда. Анализ имеющихся материалов не дал оснований для однозначной интерпретации впускных захоронений раннесредневековых тюрок. Вместе с тем выявлены определенные закономерности распространения таких комплексов, что позволило предложить два варианта объяснения существования рассматриваемой традиции у кочевников Центральной Азии во 2-й половине I тыс. н.э. Отмечено, что значительная часть таких объектов относится к раннему и позднему этапам в развитии тюркской культуры. Кроме того, в ряде случаев впускные погребения сооружались для представителей общества кочевников, отличавшихся низким социальным статусом. Отмеченные тенденции предоставляют возможности для продолжения исследований в указанном направлении.

Ключевые слова: тюрки, Алтай, Центральная Азия, впускные захоронения, интерпретация, погребальный обряд, хронология, социальная история.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-03

Введение

Своеобразной традицией, получившей распространение в обрядовой практике многих древних и средневековых культур Евразии, стало сооружение впускных захоронений. Основной отличительной характеристикой таких объектов является то, что они были совершены в насыпях курганов более раннего времени. На территории Центральной Азии впускные погребения были распространены начиная с эпохи энеолита и раннего бронзового века. К примеру, известны случаи сооружения подобных комплексов населением афанасьевской [Грязнов, Комарова, 1979, с. 20–27] и каракольской [Кубарев, 1988, рис. 4; 2009, с. 29] культур. Существование данной традиции в рассматриваемом регионе не прерывалось вплоть до этнографического времени [Дьяконова, 1975, с. 17; Тощакова, 1978, с. 132; Кубарев, 2007, с. 293–294].

Для носителей «курганных» культур впускные захоронения представляли собой в той или иной степени исключительное явление, характеризую нестандартный вариант реализации погребального обряда. При этом очевидно, что любые отклонения и «нетипичные» случаи в ритуальной практике древних и средневековых обществ требуют пристального внимания и подробного анализа. Особенности впускных захоронений различных периодов неоднократно рассматривались в публикациях археологов, что позволило выявить отличительные характеристики таких объектов и сделать ряд предположений о семантике таких комплексов [Гуцалов, 1996, с. 156–159; Красниенко, 1996, с. 123–130; Бужилова, Внуков, Антипина, 1999, с. 229–245; Худяков, Цэвээндорж, 1999, с. 173–182; Серегин, 2010а, с. 264–266; Тишкин, Матренин, 2010,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Комитета науки МОН РК №1038/ГФ4 «Древние и средневековые кочевники Юго-Западного Алтая: междисциплинарные исследования».

с. 297–299; Воронятов, 2011, с. 50; и мн. др.]. Нет сомнений, что выявление общих тенденций в распространении обозначенной традиции в широких хронологических и территориальных рамках требует детальной проработки конкретных материалов. В данной статье представлены возможности интерпретации впускных погребений в обрядовой практике тюрок Алтая и сопредельных территорий на протяжении 2-й половины V – XI в. н.э.

В большинстве работ, посвященных изучению различных элементов погребального обряда кочевников тюркской культуры, впускные захоронения рассматривались наряду со «стандартными» памятниками и не становились предметом отдельного исследования. Значительно реже специалисты обращали внимание на изучение отдельных, как правило, специфичных объектов, материалы которых способствовали решению актуальных вопросов раннесредневековой археологии [Грач, 1982; Тишкин, Горбунов, 2003]. Подробную характеристику впускных погребений, исследованных на юге Минусинской котловины, представил Д.Г. Савинов. В частности, исследователь обратил внимание на привилегированное положение умерших [Савинов, 2005, с. 234]. Напротив, низкий социальный статус людей, захороненных в подобных памятниках на территории Алтая, подчеркнул Г.В. Кубарев [2005, с. 25]. Выделив рассматриваемые объекты во второй тип погребений, он отметил скудный сопроводительный инвентарь, обнаруженный при их исследовании. Подробное рассмотрение впускных захоронений раннесредневековых тюрок позволяет расширить представления об особенностях таких комплексов.

Анализ материалов

Наибольшее количество впускных погребений раннесредневековых тюрок исследовано на Алтае. Такие объекты раскопаны на комплексах Бертек, Боротал, Калбак-Таш, Катанда, Кок-Су, Курай, Пазырык, Талдура, Тянгыс-Тыт, Юстыд, Яконур и др. Всего на территории Алтая вскрыты 15 впускных захоронений, что составляет более 7% от общего количества известных погребений тюркской культуры в обозначенном регионе. Несколько меньше таких объектов исследовано в Минусинской котловине – 11 (комплексы Кирбинский Лог, Сабинка), в Туве – 1 (Улуг-Хорум) и Монголии – 2 (Бурхан-толгой). Почти все рассматриваемые захоронения тюрок «впущены» в курганы, относящиеся к скифо-сакскому периоду, и лишь в двух случаях – к хуннускому времени. Чаще всего впускное погребение находилось под насыпью более раннего памятника. В этих случаях рассматриваемые объекты располагались на различной глубине, нередко в заполнении могильной ямы основного погребения. Также впускные могилы сооружались непосредственно в насыпях крупных курганов [Гаврилова, 1965, с. 68–69; Грач, 1982, с. 156; Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 83; Кубарев, 2005, с. 368].

Анализ внутримогильных конструкций, зафиксированных в ходе раскопок впускных погребений, позволяет условно выделить три основных варианта их оформления. Наиболее распространенным являлось сооружение простой могильной ямы без дополнительных конструкций. Такие объекты встречены в ходе раскопок ряда памятников на Алтае, в Минусинской котловине и Монголии [Гаврилова, 1965, с. 68–69; Могильников, Елин, 1983, с. 129–130, рис. 4; Кубарев, 1985, рис. 9; Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 2-3; Савинов, 1994, рис. 114; Кубарев, 2005, табл. 21, 23; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 107–108, 271; и др.] (рис. 1–2). В одном случае при

исследовании впускного погребения на территории Тувы зафиксирована каменная перегородка, отделявшая лошадь от человека [Грач, 1982, с. 156–157, рис. 1] (рис. 3). Третьим вариантом внутримогильной конструкции является подбой, в котором помещался покойный [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 1–4] (рис. 4) или сопровождавшая его лошадь [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 108, 271]. В целом погребальные конструкции, зафиксированные при исследовании впускных могил, стандартные, характерные и для подкурганых объектов раннесредневековых тюрок.

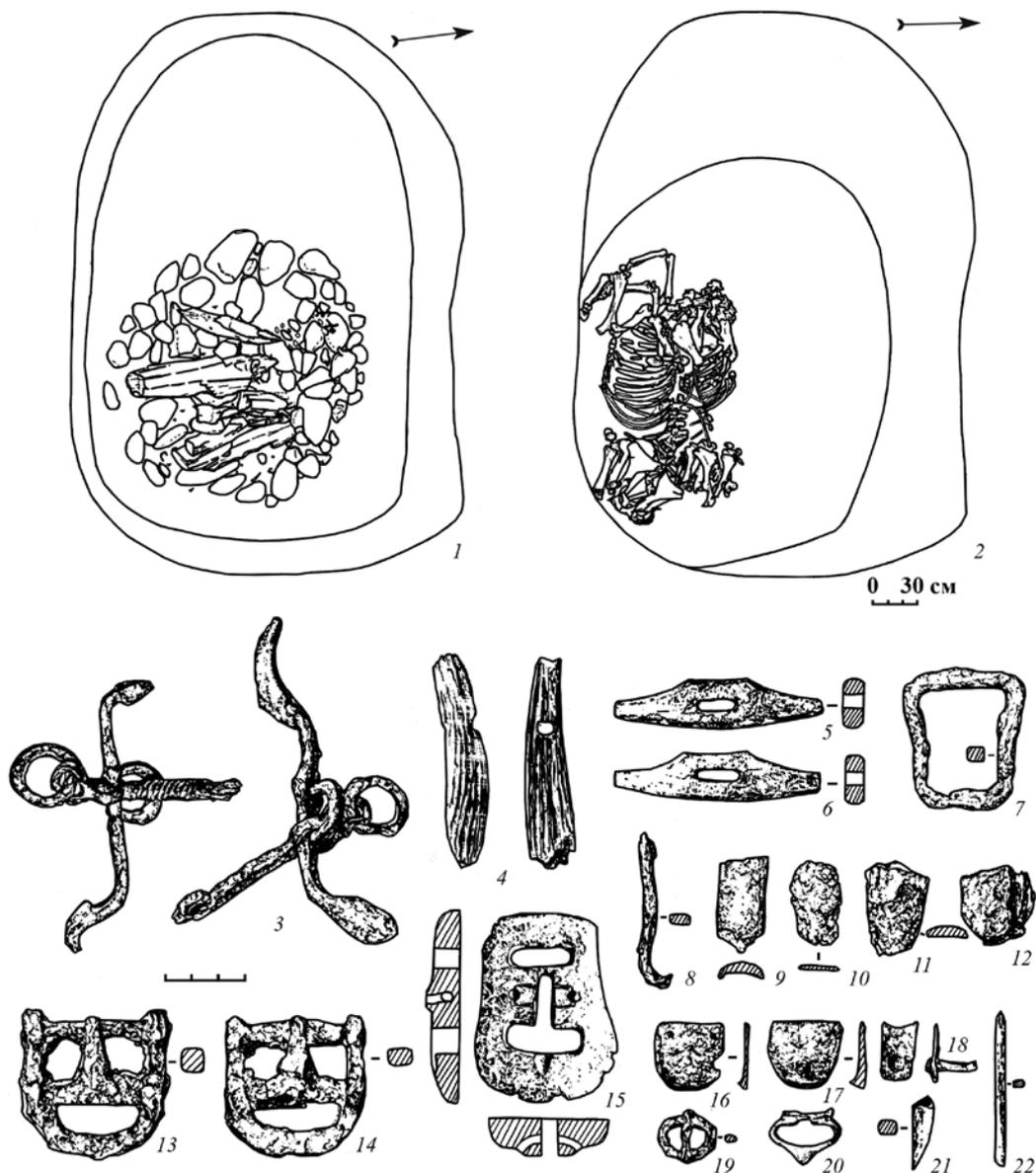

Рис. 1. Впускное захоронение. Бертек-27, курган №1: 1–2 – план могилы; 3–22 – предметный комплекс (по: [Савинов, 1994, рис. 112, 114, 116–117])

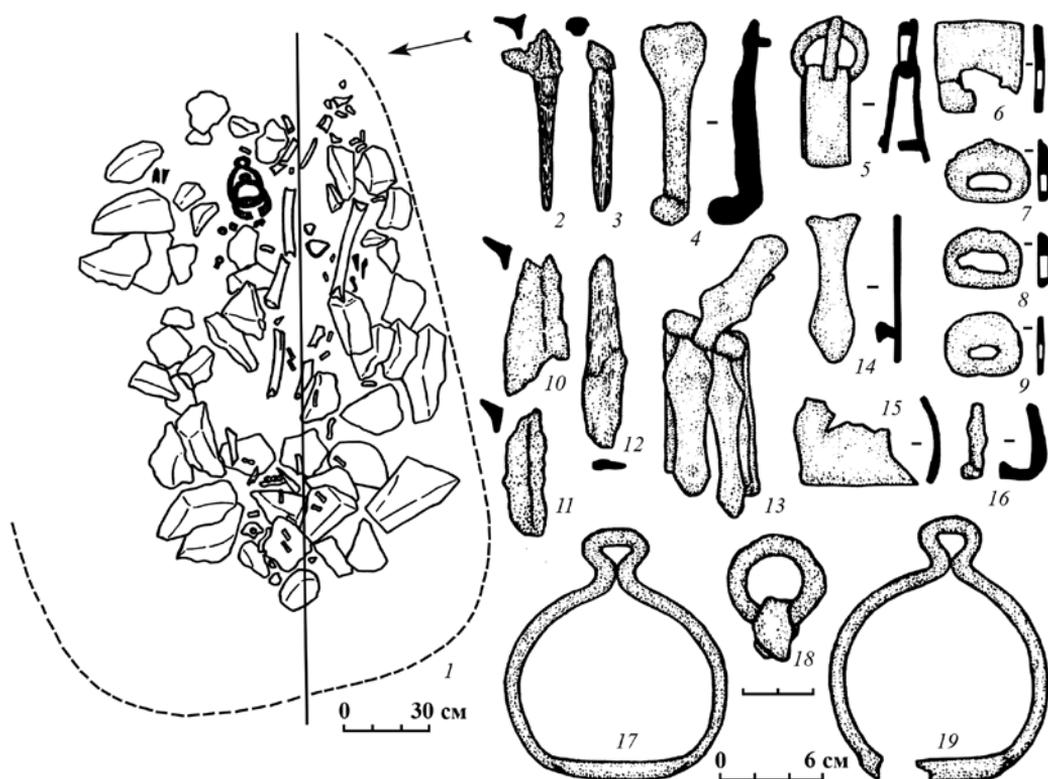

Рис. 2. Впускное погребение. Тянгыс-Тыт, курган №4: 1 – план могилы; 2–19 – предметный комплекс (по: [Худяков, Борисенко, 1997, рис. 1, 2])

Более специфичны особенности ритуала, отмеченные при раскопках впускных могил кочевников Центральной Азии 2-й половины I тыс. н.э. Стандартом обрядовой практики раннесредневекового населения Алтая, Тувы и Монголии может считаться следующая совокупность показателей: восточная ориентировка человека, расположение сопровождавшей его лошади слева параллельно умершему, с направлением в противоположную сторону горизонта [Серегин, 2010б, с. 177]. В этом плане нетипичными являются расположение лошади и человека в одну линию, встреченное на могильнике Улуг-Хорум в Туве (рис. 3), а также помещение животного над погребенным, зафиксированное при исследовании впускной могилы на некрополе Галдура-II на Алтае. Аналогию последнему случаю находим в материалах подкурганного погребения на памятнике Верх-Еланда-I, расположенном в том же регионе. Важно отметить, что зафиксированные особенности ритуала впускных могил, а именно помещение лошади над человеком или у него «в ногах», являются вполне характерными для погребальной практики населения булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Возможность связи обозначенных черт обряда кочевников 2-й половины I тыс. н.э. с традициями предшествующего периода подтверждается тем, что объекты, исследованные на памятниках Улуг-Хорум и Верх-Еланда-I, относятся к раннему этапу в развитии тюркской культуры.

Стандарт погребального ритуала раннесредневековых тюрок Минусинской котловины отличался от традиций населения Алтая и Тувы и включал следующие признаки: западная (с отклонениями) ориентировка человека, расположение животного (лошади, реже овцы) справа в одном направлении с умершим [Серегин, 2014]. В этом плане впускные погребения, исследованные на Среднем Енисее, не выделяются на фоне подкурганных объектов данной территории.

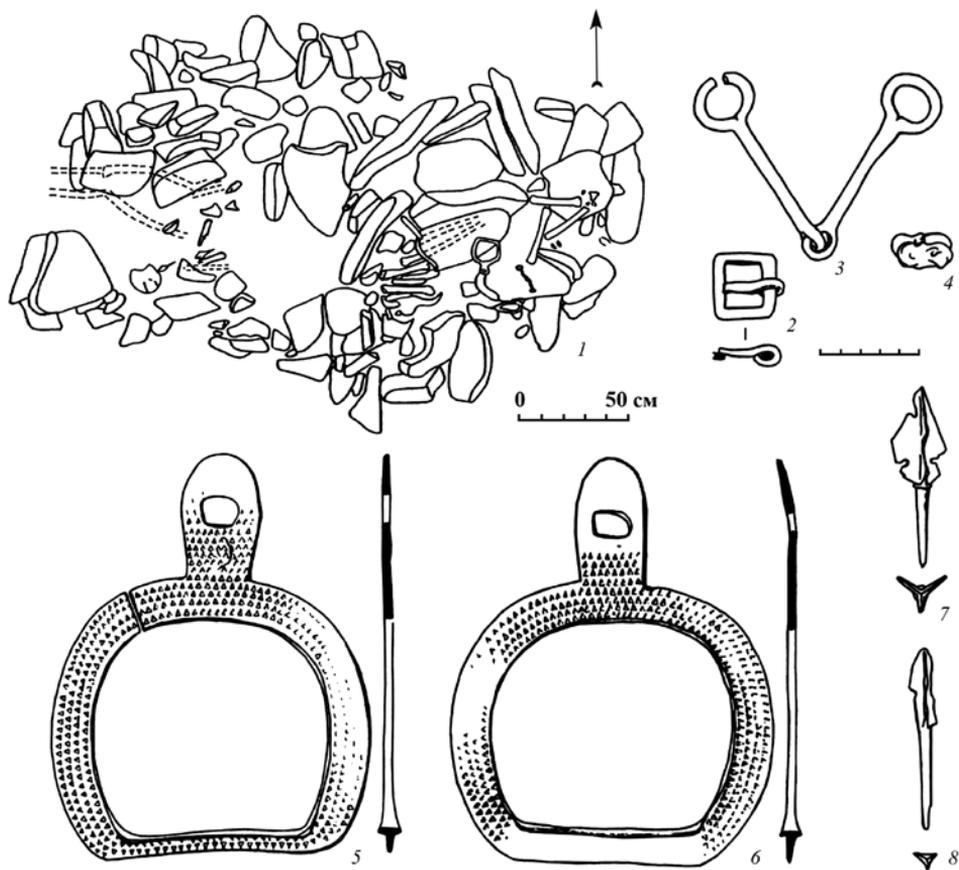

Рис. 3. Впускное погребение. Улуг-Хорум, объект №1: 1 – план могилы; 2–8 – предметный комплекс (по: [Грач, 1982, рис. 1–2])

Среди других характеристик впускных погребений тюрок отметим отсутствие в ряде случаев лошади, а также принадлежность некоторых объектов к кенотафам и отдельным захоронениям коней. Большинство специалистов «одиночные» погребения в культуре кочевников раннего средневековья связываются с традициями, характерными для населения предшествующего времени, сохранившего обряд, не характерный для «алтайских тюрок». На наш взгляд, данный вопрос не столь однозначен и требует целенаправленного рассмотрения с учетом новых материалов, принимая во внимание специфику развития населения конкретной территории [Серегин, 2013, с. 100–108]. Что же касается кенотафов и отдельных захоронений лошадей, то в данном случае при исследовании впускных погребений тюрок зафиксированы те же черты, что и для объектов с курганной насыпью.

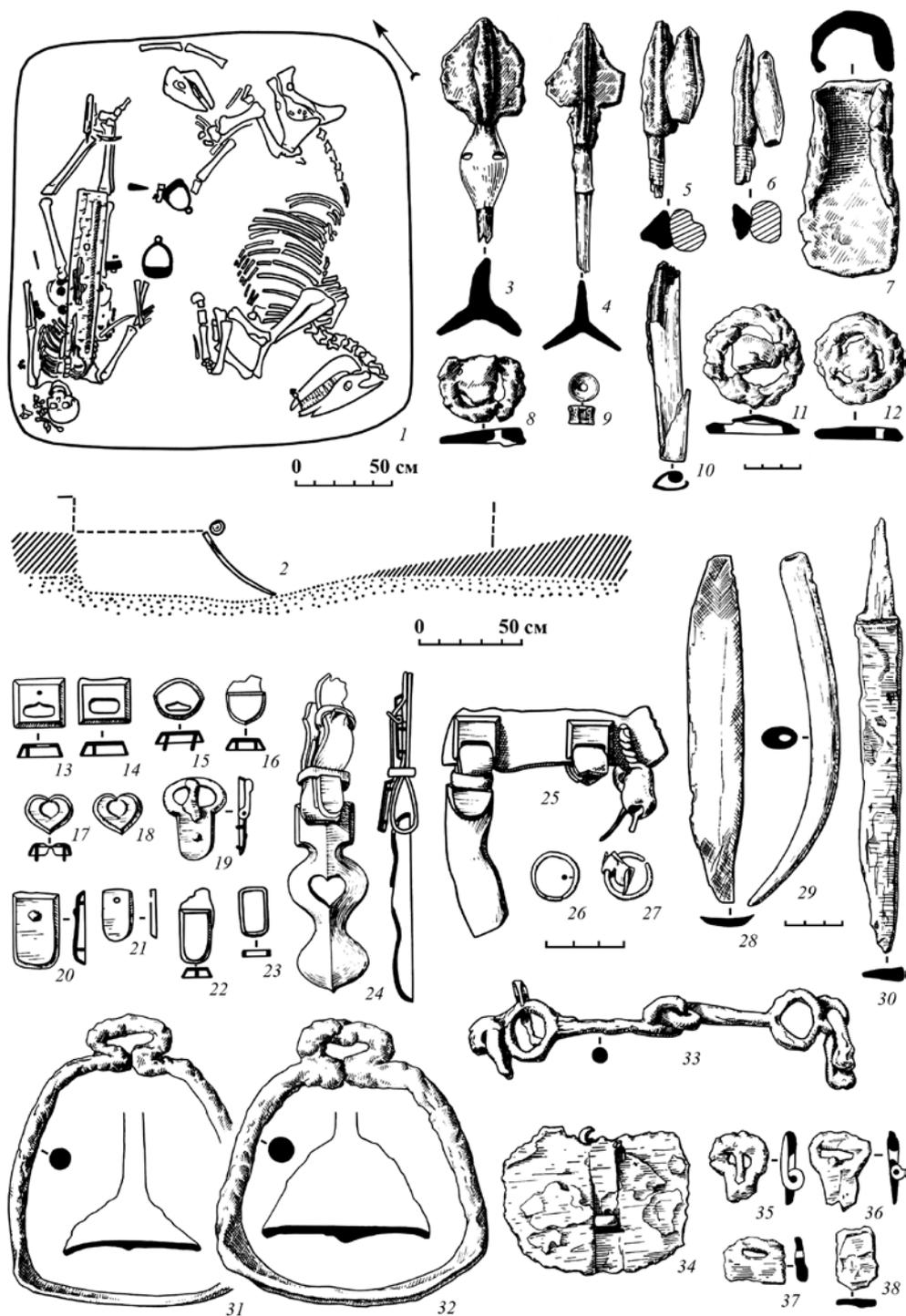

Рис. 4. Впускное погребение. Сабинка-I, курган №1, могила-2: 1, 2 – план и разрез могилы; 3–38 – предметный комплекс (по: [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 1.-1–2; 5–6])

Наиболее специфичная ситуация отмечена в ходе исследования впускного погребения раннего средневековья на комплексе Бурхан-Толгой в Монголии. По информации авторов раскопок, находившийся в могиле человек был похоронен стоя [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 107–108, 271].

Проблемы интерпретации впускных погребений

Рассматривая вопрос об общей семантике традиции сооружения впускных могил в культуре тюрок, необходимо учитывать, что обоснованным является анализ прежде всего объектов, исследованных на территории Алтая. В Туве и Монголии интересующие нас памятники не получили распространения. Впускные погребения, раскопанные на территории Минусинской котловины, исследованы только на двух некрополях, расположенных компактно и в некотором отдалении от района основной концентрации комплексов тюрок. Поэтому логично предположить, что в данном случае мы имеем дело с локальным явлением, которое может иметь различные объяснения [Савинов, 2005, с. 233–234]. На Алтае же не только раскопано наибольшее количество впускных погребений, но и зафиксировано их распространение в различных частях региона на сравнительно большом количестве памятников. Кроме того, впускные могилы, исследованные на указанной территории, относятся к различным хронологическим этапам развития тюркской культуры.

Именно закономерности в датировке могут являться одним из объяснений распространения традиции сооружения впускных погребений. Более 40% рассматриваемых объектов Алтая относятся к раннему кызыл-ташскому и позднему балтарганскому этапам в развитии тюркской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161, 163]. В обоих случаях нестабильность погребального ритуала и несоблюдение норм обрядности могут объясняться особенностями этнокультурной и политической ситуации в регионе. Отмечено, что наибольшая концентрация впускных могил характерна для периодов с напряженной обстановкой [Матренин, 2001, с. 101; Тишкин, Матренин, 2010, с. 298]. Нельзя исключать и того, что сами каноны обряда находились в то время на стадии формирования или, напротив, упадка.

Другое вероятное объяснение связано с причинами социального порядка. Большинство впускных погребений отличаются скудностью сопроводительного инвентаря. Исследованы и вполне «стандартные» в этом отношении объекты [Грязнов, 1940, с. 20; Тишкин, Горбунов, 2003; Могильников, Елин, 1983, с. 129–130], однако общая тенденция очевидна. Поэтому, возможно, в ряде случаев впускные погребения сооружались для представителей общества тюрок, отличавшихся низким социальным статусом. Не стоит исключать и того, что появление подобных объектов связано с обстоятельствами смерти человека, его специфичным прижизненным положением [Матренин, 2001, с. 104] или другими факторами, не всегда фиксируемыми археологически.

Заключение

Таким образом, анализ имеющихся материалов не дает оснований для однозначной интерпретации впускных захоронений тюрок. Вместе с тем выявлены определенные закономерности таких комплексов, что позволило предложить два варианта объяснения распространения рассматриваемой традиции у кочевников Центральной Азии во 2-й половине I тыс. н.э. Отмеченные тенденции дают возможность для продолжения исследований в указанном направлении. Большое значение для этого будет иметь введение в научный оборот неопубликованных материалов раскопок впускных захоронений раннего средневековья.

Библиографический список

- Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Е.Е. Средневековое впускное погребение из Кара-Тобе: биоархеологический анализ особенностей погребального обряда // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. : Восточная литература, 1999. С. 229–245.
- Воронятов С.В. Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра (вторая половина I – начало II в. н.э.) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов на/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 43–52.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
- Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 156–168.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сборник ГЭ. 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н. Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 20–27.
- Гуцалов С.Ю. Впускные погребения Илека предсавроматского времени // Вопросы археологии Западного Казахстана. №1. Самара : Диалог, 1996. С. 156–159.
- Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука, 1975. 164 с.
- Красниенко С.В. Впускные захоронения как элемент тагарского обряда // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб. : ИИМК РАН, 1996. С. 123–130.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 136–148.
- Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск : Наука, 1988. 173 с.
- Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В. Теленгитские погребения Южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 293–297.
- Матренин С.С. Впускные погребения Горного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 98–106.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск : Би., 1983. С. 127–153.
- Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск : Наука, 1994. С. 88–94.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии / Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 180–343.
- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л. : Наука, 1988. С. 83–103.
- Серегин Н.Н. Впускные погребения тюркской культуры Саяно-Алтая // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010а. С. 264–266.
- Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010б. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.
- Серегин Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 100–108.

Серегин Н.Н. Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры ранне-средневековых тюрок: опыт реконструкции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 177–185.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Впускные погребения кочевников Алтая поздней древности // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 297–299.

Тошакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1978. 160 с.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2003. 295 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тяггыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Средневековое впускное захоронение из могильника Цогт-Хиргист-Хоолой в Гобийском Алтае // Древности Алтая. №4. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. С. 173–182.

N.N. Seregin

INLET BURIALS OF TURKS IN ALTAI AND ADJACENT TERRITORIES (2nd half of 1 thousand AD)

The article considers the inlet burials of early medieval Turks. The author analyses materials of sites dated by the 2nd half of the 1 thousand AD in Altai and adjacent regions – Minusinsk Depression, Tuva, Mongolia. The emphasis is made on the study of grave constructions and the features of a ritual ceremony. The analysis of the available materials does not give grounds for unambiguous interpretation of Turkic inlet burials. At the same time, certain regularities of distribution of such complexes are revealed. That allows one to offer two options of the explanation of the tradition in nomads ritual practice in the 2nd half of the 1st thousand AD. The author notes that the considerable part of inlet burials belongs to early and late stages of Turkic culture. Besides, in some cases the objects were constructed for dead persons who had a low social status during the lifetime. The marked trends provide opportunities for further research in this direction.

Key words: Turkic peoples, Altai, Central Asia, inlet burials, interpretation, funeral ceremony, chronology, social history.

References

Buzhilova A.P., Vnukov S.Yu., Antipina E.E. Srednevekovoe vpusknoe pogrebenie iz Kara-Tobe: bioarkheologicheskii analiz osobennostey pogrebal'nogo obryada [Medieval Burial Inlet of the Kara-Tobe: Bioarchaeological Analysis of the Features of the Funeral Rite]. Pogrebal'nyy obryad: rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy [The Funeral Rite: the Reconstruction and Interpretation of the Ancient Ideological Representations]. Moscow : Vostochnaya literature, 1999. Pp. 229–245.

Voronyatov S.V. Pogrebeniya sarmatskoy znati v mezhdurech'ye Yuzhnogo Buga i Dnestra (vtoraya polovina I – nachalo II v. n.e.) [Sarmatian Burials of the Nobility in the Area Between the Southern Bug and Dniester (the second half of the 1st – the beginning of the 2nd century AD)]. Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii. Vyp. III [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on the Archaeology of the South of Russia]. Vol. 3. Rostov-na-Donu : Izd-vo YuNTs RAN, 2011. Pp. 43–52.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [Burial Kudyrge as a Source on the History of Altai Tribes]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1965. 146 p.

Grach V.A. Srednevekovye vpusknye pogrebeniya iz kurgana-khrama Ulug-Khorum v Yuzhnoy Tuve [Medieval Inlet Burial Mound of the Temple Ulug-Horum in South Tuva]. *Arkheologiya Severnoy Azii* [Archaeology of North Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1982. Pp. 156–168.

Gryaznov M.P. Raskopki na Altae [The Excavations in Altai]. *Sbornik GE* [Digest of the State Hermitage]. 1940. Issue. 1. Pp. 17–21.

Gryaznov M.P., Komarova M.N. Afanas'evskaya kul'tura [Afanasyevo Culture]. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [The Complex of Archaeological Sites near the Teps Mountain on the Yenisei]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 20–27.

Gutsalov S.Yu. Vpusknye pogrebeniya Ileka predsavromatskogo vremeni [Inlet Burials of Pre-Sautomatic Time]. *Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of Archaeology of Western Kazakhstan]. №1. Samara : Dialog. 1996. Pp. 156–159.

D'yakonova V.P. Pogrebal'nyy obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskiy istochnik [The Funeral Rite of the Tuvinians as a Historical and Ethnographic Source]. Leningrad : Nauka, 1975. 164 p.

Krasnienko S.V. Vpusknye zakhoroneniya kak element tagarskogo obryada [Inlet Burials as an Element of the Tatars' Rite]. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu* [The Priesthood and Shamanism in the Scythian Epoch]. Saint Petersburg : IIMK RAN, 1996. Pp. 123–130.

Kubarev V.D. Drevnetyurkskie kenotafy Borotala [Ancient Turkic Cenotaphs of the Borotal Valley]. *Drevnie kul'tury Mongolii* [Ancient Cultures of Mongolia]. Novosibirsk : Nauka, 1985. Pp. 136–148.

Kubarev V.D. Drevnie rospisi Karakola [Ancient Paintings of Karakol]. Novosibirsk : Nauka, 1988. 173 p.

Kubarev V.D. Pamyatniki karakol'skoy kul'tury Altaya [Monuments of Karakol Culture in Altai]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2009. 264 p.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [The Culture of the Ancient Turks of Altai (based on funerary monuments)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Kubarev G.V. Telengitskie pogrebeniya Yuzhnogo Altaya [Telengit burials in South Altai]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopedel'nykh territoriy. T. XIII* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 13. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2007. Pp. 293–297.

Matrenin S.S. Vpusknye pogrebeniya Gornogo Altaya [The Inlet Burials of the Altai Mountains]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoy Azii* [Historical and Cultural Heritage of Northern Asia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Pp. 98–106.

Mogil'nikov V.A., Elin V.N. Kurgany Taldura [Mounds of Taldura]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 gg.* [Archaeological Research in the Altai Mountains in 1980–1982]. Gorno-Altaysk : B.i., 1983. Pp. 127–153.

Savinov D.G. Mogil'nik Bertek-27 [Bartek-27 Burial Site]. *Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny* [Ancient Cultures of the Bertekskaya Valley]. Novosibirsk : Nauka, 1994. Pp. 88–94.

Savinov D.G. Drevnetyurkskie plemena v zerkale arkheologii [Ancient Tribes in the Mirror of Archaeology]. *Klyashtorny S.G., Savinov D.G. Stepye imperii drevney Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. Saint Petersburg : Izd-vo SPb. un-ta, 2005. Pp. 180–343.

Savinov D.G., Pavlov P.G., Paul's E.D. Rannesrednevekovye vpusknye pogrebeniya na yuge Khakassii [Early Medieval Inlet Burials in the South of Khakassia]. *Pamyatniki arkheologii v zonakh melioratsii Yuzhnoy Sibiri (po materialam raskopok 1980–1984 gg.)* [Archaeological Monuments in Areas of Southern Siberia Reclamation (based on excavation of 1980–1984)]. Leningrad : Nauka, 1988. Pp. 83–103.

Seregin N.N. Vpusknye pogrebeniya tyurkskoy kul'tury Sayano-Altaya [Inlet Burial of Turkic Culture of Sayano-Altai] // *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in its Historical Context: the Experience of the West-Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk : Agraf-Press, 2010a. Pp. 264–266.

Seregin N.N. Pogrebal'nyy ritual kochevnikov tyurkskoy kul'tury Sayano-Altaya [The Funeral Rite in Turkic Nomadic Culture of Sayano-Altai]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya.* 2010b. T. 9, vyp. 5: *Arkheologiya i etnografiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2010b. Vol. 9, issue 5. *Archaeology and Ethnography.* Pp. 171–180.

Seregin N.N. "Oдиноchnye" pogrebeniya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii: etnokul'turnaya i sotsial'naya interpretatsiya ["Single" Burials of the Early Medieval Turks of the Altai-Sayan Region and Central Asia: Ethno-Cultural and Social Interpretation]. Teoriya i praktika arkhelogicheskikh issledovaniy [The Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. №2 (8). Pp. 100–108.

Seregin N.N. Spetsifika formirovaniya «minusinskogo» lokal'nogo varianta kul'tury rannesrednevekovykh tyurok: opyt rekonstruktsii [Specificity of Formation of the "Minusinsk" Local Variant of Early Medieval Culture of the Turks: Experience of Reconstruction]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. T. 13, vyp. 5: Arkheologiya i etnografiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2014 Vol. 13. Issue 5. Archaeology and Ethnography]. Pp. 177–185.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Rannetyurkskoe pogrebenie na mogil'nike Yakonur (po materialam raskopok M.P. Gryaznova) [Early Turkic Burial in the Yakonur Burial Ground (based on the excavation of M.P. Gryaznov)]. Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]. №10. Gorno-Altaysk : GAGU, 2003. Pp. 107–117.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Kompleks arkhelogicheskikh pamyatnikov v doline r. Biyke (Gornyy Altay) [The Complex of Archaeological Sites in the Biika River Valley (the Altai Mountains)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Vpusknye pogrebeniya kochevnikov Altaya pozdney drevnosti [Inlet Burials of Altai Nomads in the Late Antiquity]. Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkhelogo-etnograficheskikh soveshchaniy [Culture as a System in Its Historical Context: the Experience of West-Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk : Graf-Press, 2010. Pp. 297–299.

Toshchakova E.M. Traditsionnye cherty narodnoy kul'tury altaytsev (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Features of Altai Folk Culture (19 – early 20 century)]. Novosibirsk : Nauka, 1978. 160 p.

Turbat Ts., Amartuvshin Ch., Erdenebat U. Egiyn golyn sav nutgiyn arkhelogiyn dursgaluud. Ulaanbaatar : Soembo printing, 2003. 295 p.

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Svoeobraznoe vpusknoe pogrebenie drevnetyurkskogo vremeni na mogil'nike Tyangys-Tyt [The Peculiar Inlet Entombment of the Ancient Turkic Time on the Tyangys-tyt Time Burial Ground]. Problemy arkhelologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. IV [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. 4]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhelologii i etnografii SO RAN, 1997. Pp. 369–373.

Khudyakov Yu.S., Tseveendorzh D. Srednevekovoe vpusknoe zakhronenie iz mogil'nika Tsogt-Khargist-Khooloy v Gobiyskom Altae [The Medieval Inlet Burial Place from the Tsogt-Hirgist-Hoola in the Gobi Altai]. Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]. №4. Gorno-Altaysk : GAGU, 1999. Pp. 173–182.

ПРЯЖКИ В КУЛЬТУРЕ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам памятника Яломан-II)*

Представлен опыт изучения пряжек, обнаруженных при проведении раскопок курганов жужанского времени на погребальном комплексе Яломан-II. Памятник находится в Онгудайском районе Республики Алтай (Россия). Представленная коллекция включает 17 изделий, среди которых десять являются поясными, четыре – уздечными, три – подпружными пряжками. Проведена классификация данных предметов и осуществлено сравнение их с известными образцами из памятников поздней древности и раннего Средневековья других регионов Евразии. Такой подход позволил установить хронологию разных модификаций пряжек булан-кобинской археологической культуры. Типологический анализ продемонстрировал влияние центральноазиатских традиций на генезис поясных и подпружных пряжек у кочевников Алтая во 2-й половине IV – 1-й половине V в. н.э. Рассмотрение «т-образных» пряжек двух типов указывает на их независимый генезис от похожих изделий, распространенных в Европе. Пряжки с неподвижным шпеньком попадали на Алтай, скорее всего, с территории Тувы. Они выступают хронологическим индикатором погребений булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э. Начальный этап использования роговых пряжек с подвижным язычком на территории Алтая относится к IV в. н.э. Своим происхождением они связаны с сяньбийской культурной традицией. Публикуемый вещественный материал является информативным источником для уточнения относительной хронологии памятников Южной Сибири жужанского времени, а также для реконструкции системы жизнеобеспечения кочевников Алтая предтюркского периода.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, снаряжение, пряжки, классификация, датировка, система жизнеобеспечения.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-04

Введение

Важными элементами системы жизнеобеспечения кочевников Алтая в период поздней древности являлись различные приспособления, позволявшие эффективно реализовать основные виды деятельности. Среди них особое место занимают пряжки, которые широко использовались при формировании конской амуниции, а также в воинском и разном хозяйственном снаряжении. Такие изделия демонстрируют вариативность в зависимости от назначения, времени бытования и традиции применения, что позволяет рассматривать их в качестве этнокультурных и хронологических индикаторов при изучении полученных археологических материалов.

Важной составляющей датирования памятников Алтая является комплексный анализ погребального инвентаря на основе классификации и типологии. Определенные результаты подобного рода исследований уже получены в процессе изучения экипировки верхового коня, предметов вооружения и воинского снаряжения, украшений и других элементов костюма булан-кобинской культуры [Тетерин, 1995, 2001, 2004, 2005; Худяков, 1997, 2002; Эбель, 1998; Горбунов, 2003, 2006, 2007; Трифанова, 2006; Горбунов, Тишкин, 2006; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, 2012а–б, 2014; Матренин, 2011, 2012, 2013; Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014; Тишкин, Матренин, 2010, 2011, 2012, 2013а–б; Матренин, Тишкин, 2014, 2015; и др.]

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

Пряжки (конструкция, предназначенная для застегивания ремня, в состав которой обязательно входят рамка, фиксатор ремня, а в отдельных случаях и щиток) выступают информативным источником для определения относительной хронологии. В настоящей публикации вводятся в научный оборот результаты изучения данной категории ременных гарнитур, обнаруженных в процессе раскопок курганов жужанского времени (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) на погребальном комплексе Яломан-II. Обозначенный некрополь расположен вблизи устья р. Большой Яломан, на четвертой надпойменной террасе левого берега Катуня, в Онгудайском районе Республики Алтай (рис. 1). Он изучался экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи на протяжении шести полевых сезонов (2001–2003, 2005, 2007, 2008 гг.). Данная работа является продолжением исследований в области атрибуции вещественных источников этого информативного памятника [Тишкин, 2005, 2007, 2011; Горбунов, 2006, 2007; Тишкин, Горбунов, 2005, 2006, 2007; Тишкин, Горбунова, 2005; Горбунов, Тишкин, 2006; Тишкин, Матренин, 2010, 2011, 2012; Tishkin, 2011; и др.].

Рис. 1. Место расположения памятника Яломан-II на орографической карте Алтая

Материалы и методы исследований

Для анализа привлечены 17 изделий разной степени сохранности из семи погребений. Среди них десять являются поясными, четыре – уздечными, три – подпружными пряжками. Классификация данных экземпляров осуществлялась на основе таксономической схемы со следующими уровнями обозначенных показателей: группа – материал для изготовления рамки и щитка пряжки; разряд – вид фиксатора свободного конца ремня; раздел – размещение фиксатора ремня на рамке; отдел – наличие или отсутствие щитка, особенности соединения его с рамкой; подотдел – способ крепления щитка к ремню; тип – абрис рамки; вариант – форма и длина лицевой части щитка [Тишкин, Матренин, 2010; Матренин, 2013а; Матренин, Тишкин, 2015]. В результате классификации выделены 12 типов пряжек, дополненных девятью вариантами. Данный опыт таксономического группирования будет полезен при дальнейшем рассмотрении всей совокупности пряжек, найденных при исследованиях памятников жужанского времени Южной Сибири и сопредельных территорий. Объединение всех видов пряжек (поясных, уздечных, подпружных) на данном этапе обусловлено схожим функциональным применением и организацией поиска оптимальных путей для анализа данной категории древних изделий.

Группа I. Железные пряжки.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок размещается на основании рамки.

Отдел I. Без щитка.

Тип 1. Округлые. Две подпружные пряжки: курганы №29 и 30 (рис. 2.-1–2).

Тип 2. Овальные, вытянутые длинной осью по вертикали. Одна поясная пряжка: курган №33, могила-2 (рис. 2.-3).

Отдел II. С подвижным щитком-полуобоймой (выделенным от рамки), фиксирующимся к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 3. Округлые. Вариант *a* – с прямоугольным щитком средней длины. Одна поясная пряжка: курган №31 (рис. 2.-4); 2 экз. уздечных пряжек: курганы №31 и 33 (могила-2) (рис. 2.-4–5, 7).

Тип 4. Овальные, вытянутые по вертикали. Одна уздечная пряжка. Вариант *a* – с прямоугольным щитком средней длины: курган №32 (рис. 2.-6).

Тип 5. Арочные. Вариант *a* – с прямоугольным щитком средней длины. Одна уздечная пряжка: курган №30 (рис. 2.-8).

Тип 6. Восьмерковидные. Вариант *a* – с прямоугольным коротким щитком. Одна поясная пряжка: курган №32 (рис. 2.-9).

Отдел III. С неподвижным щитком (выделенным от рамки), фиксирующимся к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 7. Округлые. Вариант *a* – с прямоугольно-овальным длинным щитком. Две поясные пряжки: курган №31 (рис. 2.-10–11).

Раздел II. Язычок размещается на цельной вертлюге в приемной прорези рамки.

Отдел I. Пряжки без щитка.

Тип 8. «Т-образные». Одна поясная пряжка: курган №32 (рис. 2.-12).

Отдел II. С подвижным щитком-полуобоймой (выделенным от рамки), фиксирующимся к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 9. «Т-образные». Две поясные пряжки. Вариант *a* – с прямоугольным щитком средней длины: курган №30 (рис. 2.-13). Вариант *b* – с прямоугольным длинным щитком: курган №29 (рис. 2.-14).

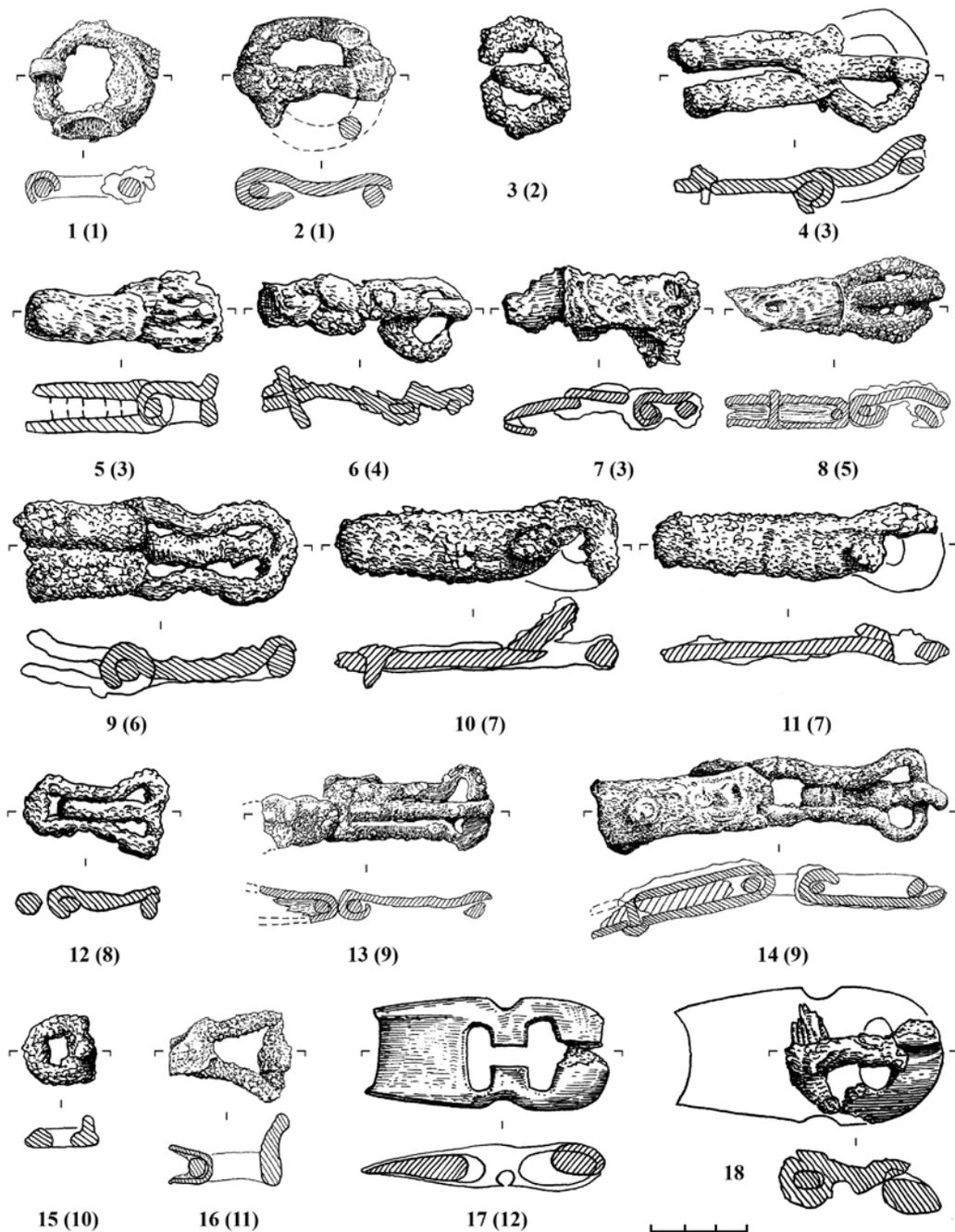

Рис. 2. Пряжки из исследованных курганов жужанского времени на памятнике Яломан-II (Центральный Алтай): 1, 8, 13 – курган №30; 2, 14 – курган №29; 3, 7, 17 – курган №33, могила-2; 4, 5, 10, 11 – курган №31; 6, 9, 12, 18 – курган №32; 15 – курган №33, могила-1; 16 – курган №20 (в скобках указаны номера выделенных типов в представленной классификационной схеме); 1–16 – железо; 17 – рог; 18 – рог, железо

Разряд II. Неподвижный шпенок-язычок.

Раздел III. Неподвижный шпенок располагается на дужке рамки.

Отдел I. Пряжки без щитка.

Тип 10. Подквадратные. Одна поясная пряжка: курган №33, могила-1 (рис. 2.-15).

Отдел II. С подвижным щитком-полуобоймой (выделенным от рамки), фиксирующимся к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 11. Трапециевидные. Вариант *a* – с прямоугольным коротким щитком (щиток пряжки обломан). Одна поясная пряжка: курган №20 (рис. 2.-16).

Группа II. Роговые пряжки.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел III. Язычок располагается на вставной вертлюге в виде железного стержня в основании рамки.

Отдел IIIб. С неподвижным щитком (выделенным от рамки), фиксирующимся к ремню с помощью концевой прорези, соединенной с прорезью для свободного конца ремня.

Тип 12. Арочные. Вариант *a* – с трапециевидным коротким щитком. Одна подпружная пряжка: курган №33, могила-2 (рис. 1.-17).

Обсуждение полученных результатов

На основании осуществленной классификации пряжек приведем некоторые результаты их типологического изучения. Железные изделия (группа I) с подвижным язычком (разряд I) на основании рамки (раздел I) традиционно рассматриваются в качестве хронологического индикатора начала хуннского (сюннского) времени в Центрально-Азиатском регионе. Наиболее ранние экземпляры их происходят из памятников хунну (сюнну) Монголии и Забайкалья II в. до н.э. [Коновалов, 1976, табл. XI, XII; Давыдова, 1996, табл. 1, 3, 8, 10–12, 23, 26, 35, 40, 49, 50, 52; Миняев, 1998, табл. 7, 23, 40, 56, 67, 82, 93, 96, 104, 108, 120; Пань Лин, 2007, с. 63–73]. Распространение данной модификации пряжек на землях Алтае-Саянской горной страны соотносится с проникновением населения, испытавшего сильное влияние культуры хунну (сюнну). Имеющиеся материалы с территории Алтая не снимают проблемы их некоторого «запаздывания» по отношению к центральноазиатским аналогиям.

В Среднюю Азию пряжки с подвижным язычком были занесены в конце II в. до н.э. «восточными» кочевниками во время разгрома Греко-Бактрии и приобрели популярность в I в. до н.э. во многих областях [Мандельштам, 1966, табл. XLIV.-1–3, XLII.-11–12, XLI.-1–7, 9–10, 16–17, с. 111–112; Мандельштам, 1975, с. 140–141, табл. XV.-1–2, XIV.-10–12, XXXI.-3, 8–9, XXXII.-2; Горбунова, 1984, рис. 2.-69; 2001, с. 128–130; Оболдуева, с. 166, рис. 4.-9, 12; Маслов, Яблонский, 1996, с. 176, рис. 2.-4, 5; Подушкин, 2006, с. 214, 226].

Металлические пряжки с подвижным язычком попадают в Верхнее Приобье в I в. до н.э., по-видимому, во 2-й половине столетия [Троицкая, 1979, табл. XXIV.-13–14, XLVI.-88; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 22; Дураков, 1995, с. 50, рис. 6.-18; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2.-9–10].

Пряжки с округлой рамкой типа 1 появились у населения булан-кобинской культуры Алтая во 2-й трети II в. до н.э. и использовались до V в. н.э. включительно. Производными от пряжек типа 1 являются экземпляры с овальной, симметрично изогнутой рамкой (тип 2). Они обнаруживают многочисленные аналогии на территории Алтая и Тувы в погребениях II–V вв. н.э. Для застегивания седельных ремней пряжки типов 1 и 2 использовались редко.

Железные пряжки с подвижным язычком на основании рамки, имеющие щиток в виде подвижной пластины-полуобоймы, которая фиксируется к ремню с помощью вставных шпеньков (отдел I), вероятно, раньше всех стали использовать хунну (сюнну) Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э., но особенно часто в I – начале II в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XI.-13, 17; Цэвэндорж, 1990, рис. 4.-5; Цэвэндорж, 2000, зур. 12; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, зур. 3; Худгийн..., 2003, зур. 18.-4–6; Амартүвшин, Хатанбаатар, 2010, т. 289, зур. 7]. У кочевников Алтая пряжки типов 3 и 4 появились во II в. н.э. под влиянием позднехуннуской или раннесяньбийской материальных культур. Широкою популярностью они получают с конца II – III в. н.э. и будут применяться до финала существования булан-кобинской общности (V в. н.э.) [Матренин, 2013а]. Как массовое явление пряжки данной конструкции исчезли у тюрков (2-я половина V – XI в. н.э.). Сравнительное изучение археологических материалов Центральной и Северной Азии позволяет сделать вывод о том, что щитки средних и удлиненных модификаций появляются позже укороченных (видимо, в III в. н.э.), преобладая в количественном отношении в памятниках IV–V вв. н.э. [Матренин, 2013а].

Пряжки с подвижным язычком на основании рамки арочной формы и с прямоугольным щитком средней длины (тип 5) обнаруживают сходство с экземпляром из позднекозельского комплекса V в. н.э. Усть-Хадынных-III в Западной Туве [Панкова, 2003, рис. 4.-11]. В цветном металле аналогии данному типу зафиксированы в экипировке верхового коня поздних сяньби Северного Китая конца III – начала IV в. н.э. и у когурё в IV–VI вв. н.э. [Dong Gao, 1995, рис. 1.-1, 2; Wang Wei, 1997, fig. 3.-8; 4.-3; 6.-4]. Среди бронзовых изделий также можно назвать пряжку в кургане верхнеобской культуры VI–VII вв. н.э. Тимирязевского могильника-II в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 70.-4]. Принимая во внимание приведенные сравнения, хронологический диапазон бытования пряжек типа 5 у населения булан-кобинской культуры предварительно определяется в рамках III–V вв. н.э. Наиболее близкая аналогия яломанскому экземпляру представлена поясной пряжкой из погребения IV в. н.э. могильника Степушка-I (Центральный Алтай) [Матренин, 2013а, с. 232; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015, рис. 2.-1]. Похожая по оформлению железная уздечная пряжка обнаружена в тюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. на могильнике Кудыргэ (Восточный Алтай) [Илюшин, 2000, рис. 2.-1].

Восьмерковидная пряжка типа 6 представлена вариантом с прямоугольным коротким щитком. Она является производной от пряжек с рамками арочной и вытянуто-арочной форм. В бесщитковом исполнении пряжки с восьмерковидной рамкой известны в памятниках Среднего Енисея I в. до н.э. – II в. н.э. и в сяньбийских погребениях Юго-Восточного Забайкалья II–IV вв. н.э. (Зоргол-I) Большая Канга [Кузьмин, 2011, табл. 40.-19–20; Яремчук, 2005, рис. 96.-3; Вадецкая, 1999, рис. 65]. Пряжки типа 6 обнаружены в погребениях булан-кобинской культуры из могильников Бике-I (1 экз.), Айрыдаш-I (1 экз.), Булан-Кобы-IV (1 экз.). Нижнюю дату их возможного появления у кочевников Алтая можно определить предварительно в рамках III в. н.э. Вопрос о верхней временной границе бытования пряжек типа 6 у булан-кобинского населения условно определяется V в. н.э., что подтверждает находка на могильнике Яломан-II.

Железные подвижноязычковые пряжки (с подвижным язычком на основании рамки и неподвижным четко выделенным щитком, фиксирующимся к ремню с помощью

вставных шпеньков (отдел IIIa)) представлены двумя экземплярами, выделенными в тип 7. У народов Евразии «гунно-сарматского» (хуннско-сяньбийско-жужанского) времени данные модификации поясных пряжек представляют самобытные образцы снаряжения, сформировавшиеся на основе разных исходных прототипов. Пряжки такой конструкции известны у носителей кенкольской культуры Тянь-Шаня в III–IV вв. н.э. [Заднепровский, 1992, табл. 31.-20–21]. Единичные находки железных «догеральдических» пряжек с цельными щитками с территории Северного Кавказа датируются V–VI вв. н.э. [Абрамова, 1997, рис. 19.-23, с. 27–28; рис. 28.-4, с. 29]. В западном лесном Поволжье известна «гибридная» пряжка такой конструкции в памятнике писеральско-андреевского типа, датирующегося II – началом III в. н.э. [Зубов, Михеев, 2006, рис. 4.-9, с. 211]. В Прикамье железные цельнощитковые пряжки распространялись с VI в. н.э. [Генинг, Мырсина, 1967, табл. IV.-15]. У населения булан-кобинской культуры Алтая пряжки типа 7а носят экспериментальный характер и не имеют точных аналогий в снаряжении народов Северной и Центральной Азии II–V вв. н.э. Изготовление данной модификации пряжек кочевниками Алтая жужанского времени основано на развитой местной традиции производства подвижнощитковых пряжек типов 3 и 4. Наиболее вероятный период появления пряжек типа 7 относится к концу IV – 1-й половине V в. н.э.

Железная пряжка с подвижным язычком на цельной вертлюге (раздел I), без щитка (отдел I) и с рамкой «т-образной» формы (тип 8) обнаруживает разновременные аналогии в снаряжении кочевников «западной» и «восточной» частей степного пояса Евразии. У восточно-европейских номадов такие пряжки использовались в среднесарматское время (во 2-й половине I – начале II в. н.э.) и на начальной фазе позднесарматского периода (2-я половина II – 1-я половина III в. н.э.) [Симоненко, 2004, с. 145; Медведев, 2004, с. 91–92, рис. 1.-53; Труфанов, 2004, рис. 4.-1, 3–10; 5; Малашев, 2000, рис. 3Б.- 2–3; 5А.-3; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 8.-37–38]. Похожие экземпляры встречены на территории Тувы в позднем погребении улуг-хемской культуры некрополя Аймырлыг-XXXI, а также в памятниках кокзельской культуры III–V вв. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. XII.-24, 33, 47; Николаев, 2000, рис. 3.-2; 4.-2, 5]. Сходство с поясными гарнитурами европейского облика не является основанием для удревнения пряжек типа 8 с территории Алтая [Матренин, 2013, с. 233–234]. Период использования таких изделий носителями булан-кобинской культуры Алтая приходится на III–V вв. н.э. [Матренин, 2013а, с. 233–234].

Железные пряжки с подвижным язычком на цельной вертлюге в прорези рамки, с подвижным щитком – полуобоймой (отдел IIa), имеющими рамку «т-образной» формы (тип 9), обнаруживают аналогии в погребальных памятниках Тувы и Монголии [Дьяконова, 1970, табл. XII.-24, 33, 47; Николаев, 2000, рис. 3.-2; 4.-2, 5; Худяков, Цэвэндорж, 1986, рис. 1]. Анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод, что начальный период использования пряжек типа 9 кочевниками Алтая приходится на III в. н.э., вероятно, ближе к середине столетия [Матренин, 2013а, с. 234]. «Т-образные» пряжки с подвижным щитком могли повлиять на генезис одного из типов таштыкских пряжек с неподвижным шпеньком [Азбелев, 1992].

Результаты поиска аналогий железным пряжкам с неподвижным шпеньком без щитка типа 10 с территории Алтая продемонстрировали наибольшее их сходство с ременными гарнитурами из погребений кокзельской культуры Тувы и позднеташтыкских

памятников Среднего Енисея [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII.-13–16; Дьяконова, 1970, табл. XII.-11–12; Kenk, 1984, Abb. 21 В.-1; 22 М.-2; 34 С.-3; 35 Е.-5; 50 Е.-2; 51 С.-3; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-26, 29; Памятники..., 2010, с. 68; Грязнов, 1979, рис. 70.-11; Вадецкая, 1999, табл. 66, 71, 88, с. 122]. У носителей булан-кобинской культуры пряжки данного типа появились в результате контактов с племенами Тувы в конце III – начале IV в. н.э. Данные типы встречаются в памятниках локальных групп населения Центрального и Восточного Алтая в IV–V вв. н.э. [Матренин, 2013а; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015]. Они не известны в ранних тюркских комплексах 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э., равно как и в археологических материалах, отражающих более поздние этапы развития материальной культуры средневековых номадов Алтая.

Поясные пряжки с неподвижным шпеньком на рамке трапециевидной формы типа 11, оснащенные щитком-полуобоймой, имеют ограниченный ареал распространения, связанный с Алтае-Саянской горной страной. Центром их широкого применения была Тува, где они известны в памятниках кокзельской культуры со 2-й половины III в. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII.-17; Вайнштейн, 1970, рис. 100.-1; Дьяконова, 1970, табл. XI.-35–38, 41, 58; XII.-30, 32, 48; Памятники..., 2010, с. 34]. На Среднем Енисее аналогичная пряжка найдена в могильнике Староозначенская переправа I [Тетерин, 1999, рис. 2.-12]. Похожие по конструкции изделия из цветного металла представлены в таштыкском склепе №1 Изыхского чаатаса, который относится к более позднему времени (не ранее VI в. н.э.) [Вадецкая, 1999, с. 122, рис. 64, табл. 90]. Населением Алтая пряжки типа 11 могли быть заимствованы от кочевников Тувы на рубеже III–IV вв. н.э. [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012б; Матренин, 2013а, с. 234–235].

Пряжки из рога (группа II), с подвижным язычком на вставной вертлюге в виде железного стержня в основании рамки (раздел III), с неподвижным щитком (выделенным от рамки), фиксирующимся к ремню с помощью прорези, соединенной с отверстием для свободного конца ремня (отдел IIIб), имеют наиболее ранние (известные на сегодняшний день) аналогии в погребениях Бурятии II–I вв. до н.э., близких и более поздних по времени комплексов Восточного Забайкалья, идентифицируемых с археологической культурой хунну (сюнну) [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 77–78, 124, табл. XI.-16, XXIV.-7; Давыдова, 1995, табл. 185.-20; 1996, табл. 58.-13; Ковычев, 2006, с. 255; Яремчук, 2005]. Широкое применение таких пряжек в данных регионах, а также в соседних районах Внутренней Монголии и Маньчжурии связано с сяньби начиная с периода военно-политического господства созданной ими кочевой империи на рубеже I–II вв. н.э. От сяньби или других центральноазиатских номадов единичные экземпляры роговых пряжек с подвижным язычком на вертлюге попадают в Южную и Западную Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, Западное Приуралье и на более отдаленные европейские территории [Тишкин, Матренин, 2010, с. 225–226; 2013б, с. 67]. Булан-кобинские роговые пряжки с подвижным язычком на вертлюге своим происхождением восходят к сяньбийской культурной традиции. Производство их кочевниками Алтая могло быть освоено в конце III – IV в. н.э. [Тишкин, Матренин, 2010, с. 226]. Точные аналогии пряжке с арочной рамкой типа 12 нам пока не известны, несмотря на то, что по отдельности все характерные для него признаки неоднократно фиксируются в памятниках сяньби, тюрков и других средневековых народов, правда, в разных комбинациях. Важно отметить, что пряжка из могильника Яломан-II отличает-

ся от своих сяньбийских прототипов видом прорезей, более изящным исполнением дужки, боковых сторон рамки и абриса щитка, что свидетельствует о ее более позднем возрасте по сравнению с экземплярами II в. до н.э. – начала III в. н.э. Основываясь на сделанных типологических наблюдениях, яломанскую пряжку типа 12 можно датировать 2-й половиной IV – V в. н.э. Следует констатировать значительное сходство буланкобинских и тюркских пряжек. Это отражает их генетическую преемственность, обусловленную развитием данных предметов на одной территории под влиянием общего центральноазиатского импульса кочевой моды в период существования Жужанского каганата, включавшего в свой состав с 359 по 552 г. н.э. земли Алтая.

Заключение

Осуществленный типологический анализ пряжек из могильника Яломан-II позволил определить их датировку и генезис. Сравнительное изучение археологических материалов данного комплекса подтверждает вывод о том, что развитие пряжек у кочевников Алтая жужанского времени (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) происходило под воздействием центральноазиатской моды формирования и использования ременных гарнитур и имело определенное своеобразие по сравнению с эволюцией ременных гарнитур народов Европы.

Библиографический список

- Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа в III–V вв. н.э. М. : Ин-т археологии РАН, 1997. 165 с.
- Азбелев П.П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск : Изд-во Красн. ун-та, 1992. С. 48–52.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 243 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Л. : Наука, 1970. С. 7–79.
- Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 185–291.
- Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Свердловск ; Ижевск : Б.и., 1967. С. 85–115. (Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. 3 : Памятники мазунинской культуры).
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I : Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с. : ил.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II : Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 157–163.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4. С. 79–85.
- Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // Археологический сборник ГЭ. Вып. 25. Л. : Искусство, 1984. С. 99–107.

Горбунова Н.Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // Археологический сборник ГЭ. Вып. 35. СПб. : Изд-во ГЭ, 2001. С. 126–151.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 89–146.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1 : Иволгинское городище. СПб. : АзиатИКА, 1995. 287 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 1).

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2 : Иволгинский могильник. СПб. : Петербургское востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 2).

Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Бытровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск : НОКМ, 1995. С. 47–66.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III : Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970. С. 80–209.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 73–87 (Археология СССР).

Зайцев Ю.П., Мордвицева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 174–204.

Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья: проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа : Гилем, 2006. С. 205–225.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2000. С. 157–169.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. С. 242–258.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов на/Д : Terra, 2000. С. 194–232.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. №136. М. ; Л. : Наука, 1966. 232 с.

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л. : Изд-во АН СССР, 1975. 228 с.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 196–205 (Археология СССР).

Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Могильник Гуяр-IV в Северной Туркмении // Российская археология. 1996. №2. С. 168–181.

Матренин С.С. Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2011. №4/2 (72). С. 141–149.

Матренин С.С. Наконечники ремней кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2012. №4/1 (76). С. 159–168.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. 2013а. №4/1 (80). С. 228–237.

Матренин С.С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам курганной группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013б. С. 201–205.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. №3/2 (87). С. 143–152.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I // Известия Алтайского государственного университета. 2015б. №4/2 (88). С. 116–124.

Матренин С.С., Тишкин А.А., Плетнева Л.М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/2 (84). С. 154–164.

Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 15–26.

Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 86–94.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб. : АзиатИКА, 1998. 233 с. : ил. (Археологические памятники съенну. Вып. 3).

Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С. 70–85.

Оболдуева Т.Г. Курганы на арыке Джун // Советская археология. 1988. №4. С. 157–168.

Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования / Д.Г. Савинов, А.Д. Грач, И.У. Самбу и др. СПб. : ЭликСис, 2010. 252 с.

Панкова С.В. Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // Древности Алтая. №11. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 92–106.

Подушкин А.Н. Программа «Археологические и письменные памятники государства Канцзюй (Кангюй) II в. до н.э. – VI в. н.э.»: динамика реализации и некоторые итоги // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар : Б.и., 2006. С. 208–229.

Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 134–173.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 131–135.

Тетерин Ю.В. Центрально-азиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 : Горизонты Евразии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1999. С. 56–65.

Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. №6. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. С. 107–115.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Труды гуманитар. фак. НГУ. Сер. II. Вып. 1. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2004. С. 37–82.

Тетерин Ю.В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник НГУ. 2005. Т. 4. Вып. 5: Археология и этнография. С. 52–64.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 165–176.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Ч. I. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 164–172.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 118–122.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннского и сяньбийского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4/2 (68). С. 220–229.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 158–173.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Колчаные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, №7. С. 125–133.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. 2013б. Вып. 231. С. 59–71.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. 2015. №1. С. 121–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012а. С. 59–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор : Изд-во Монгольского гос. ун-та, 2012б. С. 116–120.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006. 22 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 124 с.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.

Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. 2004. №4. С. 160–170.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219–226.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 79–87.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Своеобразное впускное погребение из местности Хад Узуур Сагил сомона // *Studia Mongolica*. Т. XI. Улан-Батор, 1986. С. 60–64.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-1 – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Амартувшин Ч., Хатанбаатар П. Хүннү булшны судалгаа // *Археологийн судлал*. 2010. Т. VII. Б. XXVII. Т. 202–296 (на монг. яз.).

Пань Лин Иволгинское городище и могильник, а также исследование связанных с ними вопросов в археологии сиюнну. Пекин : Кэсюэ чубаньшэ, 2007. 219 с. (на кит. яз.).

Төрбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар : Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 т. (на монг. яз.).

Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш. Улан-Батор; Сеул : Б.и., 2003. 277 т. (на монг. яз.).

Цэвэндорж Д. «Хэл Хуур» – губной варган хунну, найденный в могильнике Морин Толгой // *Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдэ. Улаанбаатар : ШУА-ийн Археологийн хүрээлэн*, 1990. С. 72–80 (на монг. яз.).

Цэвэндорж Д. Бага газрын чулуу, Тарвагатай, Хүүшийн хөтөл, Баруун хайрханы хүннү булш // *Археологийн судлал*. 2000. Т. XX. Fasc. 1–11. Т. 35–60 (на монг. яз.).

Dong Gao. A Comparative Study of the Horse Fittings of Murong Xianbei, Gaogouli, Korea and Japan (III – VI Centuries AD) // *Wenwu*. 1995. №10. P. 34–42 (на кит. яз.).

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München, 1984. Band 25. 202 s. (на нем. яз.).

Tishkin A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 539–558 (на англ. яз.).

Wang Wei. Exchanges between the East Asian Countries in the 3-rd–6 th Centuries in the Light of Unearthed Harness // *Kaogu*. 1997. №12. P. 66–84 (на кит. яз.).

S.S. Matrenin, A.A. Tishkin

THE BUCKLES IN THE CULTURE OF ALTAI NOMADS OF THE ZHUZHAN TIME (based on the Yaloman-2 monument)

The article presents the experience of the study of the buckles found in the process of the excavation of the mounds of the Zhuzhan time on the Yaloman-2 burial ground. The monument is located in the Onguday district of the Altai Republic (Russia). The presented collection includes 17 items: ten belts buckles, four bridle buckles, three girth buckles. The classification of the given objects has been made and their comparison with the already known objects from the monuments of the late antiquity and the early Middle Ages in other regions of Eurasia has been carried out. This approach allowed establishing a chronology of different modifications of the buckles of the Bulan-Koba archaeological culture.

The typological analysis demonstrated the influence of Central Asian traditions on the genesis of belt and girth buckles of Altai nomads in the 2nd half of the 4th century – 1st half of the 5th century BC. The research of the T-shaped buckles of two types indicates that their origin is independent from the origin of similar products popular in Europe.

Buckles with the fixed peg most likely came to Altai from the territory of Tuva. They act as a chronological indicator of the burials of the Bulan-Koba culture of the 4 – 5th centuries AD. The initial stage of the use of horn buckles with a movable latch refers to the 4th century AD. Their origin is linked to the Svanbi cultural tradition.

The published material is an informative source to clarify the relative chronology of the monuments of South Siberia of the Zhuzhan time, as well as to reconstruct the Altai nomads life supporting system of the pre-Turkic period.

Key words: Altai, Bulan-Koba culture, equipment, buckles, classification, dating, life-supporting system.

References

- Abramova M.P. Rannie alany Severnogo Kavkaza v III–V vv. n.e. [Early Alans of the Northern Caucasus in the 3–5th Centuries BC]. Moscow : In-t arkhologii RAN, 1997. 165 p.
- Azbelev P.P. Tipogenez kharakternykh tashtytskikh pryazhek [Typological Genesis of the Tashtyk Buckles]. Problemy arkhologii, istorii, kraevedeniya i etnografii Prieniseyskogo kraya. T. II [Problems of Archaeology, History, Regional Study and Ethnography of the Yenisei Province]. Vol. 2. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasn. un-ta, 1992. Pp. 48–52.
- Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. Kochevniki Zabaykal'ya v epokhu srednevekov'ya (po materialam pogrebeniy) [Nomads of the Trans-Baikal in the Middle Ages (based on burial grounds). Novosibirsk : Nauka, 1984. 201 p.
- Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. [The Monuments of the Tomsk Ob Region in the 5–8th centuries. BC] Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1983. 243 p.
- Vadetskaya E.B. Tashtytskaya epokha v drevney istorii Sibiri [Tashtyk Era in Siberian Ancient history]. Saint Petersburg : Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 440 p.
- Vaynshteyn S.I. Raskopki mogil'nika Kokel' v 1962 godu [Excavations of the Coquelles Burial Ground in 1962]. Trudy Tuvinskoy kompleksno arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. III [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. 3]. Leningrad : Nauka, 1970. Pp. 7–79.
- Vaynshteyn S.I., D'yakonova V.P. Pamyatniki v mogil'nike Kokel' kontsa I tysyacheletiya do nashey ery – pervykh vekov nashey ery [The Monuments in the Coquelles Burial of the End of the 1st Millennium BC – the First Centuries AD]. Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. 2]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1966. Pp. 185–291.
- Gening V.F., Myrsina E.M. Mazuninskiy mogil'nik [Mazunino burial]. Voprosy arkhologii Urala. Vyp 7 p [Questions of Archaeology of the Urals. Issue 7]. Trudy Udmurtskoy arkhologicheskoy ekspeditsii. T. 3 : Pamyatniki mazuninskoy kul'tury). [Proceedings of the Udmurt Archaeological Expedition. Vol. 3] Monuments of Mazunino Culture]. Sverdlovsk ; Izhevsk : B.i., 1967. Pp. 85–115.
- Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. I : Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh) [Warfare of the Altai population in the 13–14th centuries. Part I: Defensive armaments (armor)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 174 p. : il.
- Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II : Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Waefare of the Altai population in the 13–14th centuries. Part II: Offensive Armament (Weapons)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.
- Gorbunov V.V. Osnovnye etapy razvitiya voennogo dela u kochevnikov Gornogo Altaya vo II v. do n.e. – V v. n.e. [The Main Stages of the Development of Warfare of the Nomads of the Altai Mountains in the 2nd century BC – 5th century AD]. Problemy sarmatskoy arkhologii i istorii. Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya [The Problems of the Sarmatian Archaeology and History. Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology]. Chelyabinsk : Izd-vo YuUrGU, 2007. Pp. 157–163.
- Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Kompleks vooruzheniya kochevnikov Gornogo Altaya khunnuskogo vremeni [The Complex of the Weapons of the Nomads of the Altai Mountains in the Hun Time]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2006. №4. Pp. 79–85.
- Gorbunova N.G. Nekotorye osobennosti formirovaniya drevnikh kul'tur Fergany [Some Peculiarities of Ancient Cultures of Fergana]. Arkheologicheskii sbornik GE. Vyp. 25 [The Archaeological Collection of the State Hermitage. Vol. 25]. Leningrad : Iskusstvo, 1984. Pp. 99–107.
- Gorbunova N.G. Skotovody Baktrii, Sogda i Tsentral'nykh Kyzylkumov [Pastoralists of Bactria, Sogd and Central Kyzylkum]. Arkheologicheskii sbornik GE. Vyp. 35 [The Archaeological Collection of the State Hermitage. Vol. 35]. Saint Petersburg : Izd-vo GE, 2001. Pp. 126–151.
- Gryaznov M.P. Tashtytskaya kul'tura [Tashtyk Culture]. Kompleks arkhologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee [The Complex of Archaeological Sites near the Tepsey Mountain on the Yenisei]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 89–146.
- Davydova A.V. Ivolginskiy arkhologicheskii kompleks. T. 1 : Ivolginskoe gorodishche [Ivolga Archaeological Complex. Vol. 1: Ivolga Archaeological Site]. Saint Petersburg : AziatIKA, 1995. 287 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu. Vyp. 1) [Archaeological Sites of the Xsiognu. Issue 1]

Davydova A.V. Ivolginskiy arkhеologicheskiy kompleks. T. 2 : Ivolginskiy mogil'nik [Ivolga Archaeological Complex. Vol. 1: Ivolga Archaeological Site]. Arkheologicheskie pamyatniki syunnu. Vyp. 2 [Archaeological Sites of the Xsiogngu. Issue 2].

Durakov I.A., Mzhel'skaya T.V. Issledovaniya mogil'nika Bytrovka-3 [Research of the Bytrovka-3 Burial]. 75 let Novosibirskomu oblastnomu kraevedcheskomu muzeyu [Novosibirsk Regional Museum is 75 years old]. Novosibirsk : NOKM, 1995. Pp. 47–66.

D'yakonova V.P. Bol'shie kurgany-kladbishcha na mogil'nike Kokel' (po rezul'tatam raskopok za 1963, 1965 gg.) [Large Mounds – Cemeteries at the Coquelles Burial Ground (based on the results of excavations 1963, 1965)]. Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. III : Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel' [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. 3: Materials on Archaeology and Anthropology of the Coquelles Burial]. Leningrad : Nauka, 1970. Pp. 80–209.

Zadneprovskiy Yu.A. Rannie kochevniki Semirech'ya i Tyan'-Shanya [Early Nomads of the Seven Rivers and Tien Shan]. Stepi Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [The Steppes of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow : Nauka, 1992. Pp. 73–87 (Arkheologiya SSSR). [Archaeology of the USSR].

Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I. Varvarskie pogrebeniya Kryma II v. do n.e. – I v. n.e. [Barbaric Burial in the Crimea in the 2nd BC – 1st AD]. Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii [Sarmatsk Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar : Firma NSS, 2004. Pp. 174–204.

Zubov S.E., Mikhеev A.V. Etnokul'turnye protsessy v Zapadnom Povolzh'e na rubezhe rannego zheleznogo veka i rannego srednevekov'ya: problemy khronologii i etnicheskoy atributsii pamyatnikov piseral'sko-andreevskogo tipa [Ethno-Cultural Processes in the Western Volga Region at the Turn of the Early Iron Age and the Early Middle Ages: the Problem of Chronology and Ethnic Attribution of the Monuments of Piseralsk-Andreevo Type]. Yuzhnyy Ural i sopedel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya [South Ural and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time]. Ufa : Gilem, 2006. Pp. 205–225.

Ilyushin A.M. Mogil'nik Kudyrge i voprosy drevnetyurkskoy istorii Sayano-Altaya [The Kudyrge Burial and the Issues of the Ancient Turkic History of the Sayano-Altai Region]. Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noy Azii [Monuments of Ancient Turkic Culture at the Sayano-Altai Region and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. un-t, 2000. Pp. 157–169.

Kovychev E.V. Nekotorye voprosy etnicheskoy i kul'turnoy istorii Vostochnogo Zabaykal'ya v kontse I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Some Issues of Ethnic and Cultural History of East Transbaikalia at the End of the 1st Millennium BC – 1 Millennium AD] Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy [Proceedings of the Laboratories of Ancient Technologies. Issue 4]. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2006. Pp. 242–258.

Kononov P.B. Khunnu v Zabaykal'e (pogrebal'nye pamyatniki) [The Huns in Transbaikalia (Funerary Monuments)]. Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo, 1976. 221 p.

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura [Funerary Monuments of the Huns-Syanbi Time in the Steppes of the Middle Yenisei: Tesinskaya Culture]. Saint Petersburg : Aysing, 2011. 456 p.

Malashev V.Yu. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of the Belt Sets of the Late Sarmatian Time]. Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their Neighbors on the Don]. Rostov na/D : Terra, 2000. Pp. 194–232.

Mandel'shtam A.M. Kochevniki na puti v Indiyu [Nomads on the Way to India]. MIA. №136. Moscow. Leningrad: Nauka, 1966. 232 p.

Mandel'shtam A.M. Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii [The Monuments of Nomads of the Kushan Period in North Bactria]. Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1975. 228 p.

Mandel'shtam A.M., Stambul'nik E.U. Gunno-sarmatskiy period na territorii Tuvy [The Hun-Sarmatian Period in Tuva]. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow : Nauka, 1992. Pp. 196–205 (Arkheologiya SSSR) [Archaeology of the USSR]

Maslov V.E., Yablonskiy L.T. Mogil'nik Guyar-IV v Severnoy Turkmenii [The Guyar-4 Burial in Northern Turkmenistan]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. 1996. №2. Pp. 168–181.

Matrenin S.S. Kolchannye krjuki kochevnikov Altaja hunnusko-sjan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni (II v. do n.je. – V v. n.je.): klassifikacija i tipologija [Quiver Hooks of Altai Nomads of the Hunn-Syanbi-Zhuzhan Time (2nd century BC – 5th century BC): Classification and Typology]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, politologija* [The News of Altai State University. Series: History, Political Science]. 2011. №4/2 (72). Pp. 141–149.

Matrenin S.S. Nakonechniki remnej kochevnikov Altaja hunnusko-sjan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni (II v. do n.je. – V v. n.je.) [Belt Tips of Altai Nomads of Xiongnu –Syanbi-Zhuzhan Time (2nd century BC – 5th century AD)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, politologija* [The News of Altai State University. Series: History, Political Science]. 2012. №4/1 (76). Pp. 159–168.

Matrenin S.S. Kompleksnyj analiz pojasnyh prjazhek kochevnikov Altaja sjan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni (po materialam mogil'nika Stepushka-I) [Comprehensive Analysis of Belt Buckles of Altai Nomads of Syanbi-Zhuzhan Time (based on the Stepushka-1 burial)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* [The News of Altai State University. Series: History]. 2013a. №4/1 (80). Pp. 228–237.

Matrenin S.S. Kostjanye nakonechniki strel kochevnikov Altaja sjan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni (po materialam kurgannoj gruppy Stepushka-I) [Bone Arrowheads of Altai Nomads of Syanbi-Zhuzhan time (based on the Stepushka-1 mound group)]. *Sovremennye reshenija aktual'nyh problem evrazijskoj arheologii* [Modern Solutions of Topical Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013b. Pp. 201–205.

Matrenin S.S., Tishkin A.A. Pojasnye prjazhki kochevnikov Altaja hunnuskogo vremeni: klassifikacija i tipologija [Equipment of the Rideable Horse of Nomads of Altai-Syanbi-Zhuzhan Time from the Stepushka-1 Burial]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University]. 2015a. №3/2 (87). Pp. 143–152.

Matrenin S.S., Tishkin A.A., Pletneva L.M. Kompleks vooruzhenija distancionnogo boja sjan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni iz mogil'nika Stepushka-I (Central'nyj Altaj) [Complex of Remote Combat Weapons of Syanbi-Zhuzhan Time from the Stepushka-1 Burial (Central Altai)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University]. 2014. №4/2 (84). Pp. 154–164.

Matrenin S.S., Tishkin A.A., Schmidt A.V. “Vsadnik bez golovy” jepohi velikogo pereselenija narodov iz Central'nogo Altaja [“The Headless Horseman” from the Time of the Great Migration of Peoples from Central Altai]. *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij* [The Theory and Practice of Archaeological Research]. 2014. №1 (9). Pp. 15–26.

Medvedev A.P. Periodizacija i hronologija sarmatskih pamjatnikov na Srednem i Verhnem Donu [Periodization and Chronology of Sarmatian Monuments of the Middle and Upper Don]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noj hronologii* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional History]. Krasnodar : Firma NSS, 2004. Pp. 86–94.

Minjaev S.S. Dyrestujskij mogil'nik [Dyrestuysk Burial]. Saint Petersburg : AziatIKA. 1998. 233 p. : il. (Arheologicheskie pamjatniki sjunnu. Vyp. 3) [Archaeological Sites of the Xiongnu. Issue 3].

Nikolaev N.N. Pojasnye nabory mogil'nika Kokjel' [Belt Kits from the Coquille Burial]. *Mirovozzrenie. Arheologija. Ritual. Kul'tura* [Outlook. Archaeology. Ritual. Culture]. Saint Petersburg : Izd-vo SPbGU, 2000. Pp. 70–85.

Oboldueva T.G. Kurgany na aryke Dzhun [Mounds on the June Irrigation Ditch]. *Sovetskaja arheologija* [Soviet Archaeology]. 1988. №4. Pp. 157–168.

Pamjatniki kokjel'skoj kul'tury Tuvy: materialy i issledovanija [Monuments of Coquille Culture of Tuva: Materials and Research]. D.G. Savinov, A.D. Grach, I.U. Sambu and others. Saint Petersburg : JelikSis, 2010. 252 p.

Pankova S.V. Pogrebenija sere diny I tys. n.je. v Zapadnoj Tuvy [Burials of the Middle of the 1st Millennium AD in Western Tuva]. *Drevnosti Altaja* [Altai Antiquities]. №11. Gorno-Altajsk : GAGU, 2003. Pp. 92–106.

Podushkin A.N. Programma “Arheologicheskie i pis'mennye pamjatniki gosudarstva Kanczuj (Kangzuj) II v. do n.je. – VI v. n.je.”: dinamika realizacii i nekotorye itogi [The “Archaeological and Written Records of the Kantszyuy (Kangyuy) State 2nd century BC – 6th century AD”: the Dynamics of Implementation and Some of the Results]. *Izuchenie pamjatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirys'hja. Vyp. 2* [The study of Archaeological Monuments of the Pavlodar Region. Issue 2. Pavlodar : B.i., 2006. Pp. 208–229.

Simonenko A.V. Hronologija i periodizacija sarmatskih pamjatnikov Severnogo Prichernomor'ja [Chronology and Periodization of Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Coast]. Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noj hronologii [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar : Firma NS, 2004. Pp. 134–173.

Teterin Ju.V. Pojasnye nabory gunno-sarmatskoj jepohi Gornogo Altaja [Belt Kits of the Hun-Sarmatian Time of the Altai Mountains]. Problemy ohrany, izuchenija i ispol'zovanija kul'turnogo nasledija Altaja [Problems of Protection, Study and Use of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. Pp. 131–135.

Teterin Ju.V. Central'no-aziatskie jelementy tashtyckogo kostjuma (po materialam gruntovyh mogil) [Central Asian Elements of the Tashtyck Dress (based on ground tombs)]. Evrazija: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij. Vyp. 2 : Gorizonty Evrazii [Eurasia: the Cultural Heritage of Ancient Civilizations. Issue 2: Horizons of Eurasia]. Novosibirsk : Novosib. un-t, 1999. Pp. 56–65.

Teterin Ju.V. Grivny gunno-sarmatskoj jepohi Juzhnoj Sibiri [Hryvnias of Hun-Sarmatian Time in South Siberia]. Drevnosti Altaja [Altai Antiquities]. №6. Gorno-Altajsk : GAGU, 2001. Pp. 107–115.

Teterin Ju.V. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaja berel'skoj jepohi [The Armament of the Nomads of the Altai Mountains in the Berel Time]. Voennoe delo narodov Sibiri i Central'noj Azii. Trudy gumanit. fak. NGU. Ser. II. Vyp. 1 [Military Science of Siberia and Central Asia. Proceedings of Humanity Faculty. NSU. Series 2. Issue 1. Novosibirsk : Novosib. un-t, 2004. Pp. 37–82.

Teterin Ju.V. Ser'gi gunno-sarmatskoj jepohi Juzhnoj Sibiri (problemy tipologii i hronologii) [Earrings of Hun-Sarmatian Time of Southern Siberia (the problem of typology and chronology)]. Vestnik NGU. 2005. T. 4. Vyp. 5: Arheologija i jetnografija [News of NGU. 2005. Vol 4. Issue 5. Archaeology and Ethnography]. Pp. 52–64.

Tishkin A.A. Keramicheskie sosudy iz kurganov hunnuskogo vremeni mogil'nika Jaloman-II [Ceramic Vessels from the Burial Mounds of Hun Time Yaloman-2]. Zapadnaja i Juzhnaja Sibir' v drevnosti [Western and Southern Siberia in Ancient Times]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 129–135.

Tishkin A.A. Sozdanie periodizacionnyh i kul'turno-hronologicheskikh shem: istoricheskij opyt i sovremennaja koncepcija izuchenija drevnih i srednevekovykh narodov Altaja [Creating of the Periodizational, Cultural and Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of the Study of Ancient and Medieval Peoples of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 356 p.

Tishkin A.A. Derevjannye nahodki iz pamjatnika Jaloman-II [Wooden Artifacts from the Yaloman-2 Monument]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij. Vyp. 6 [The Theory and Practice of Archaeological Research. Issue 6]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2011. Pp. 165–176.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Predmetnyj kompleks iz pamjatnika Jaloman-II na Altae kak otrazhenie vlijanija material'noj kul'tury hunnu [The Subject of the Monument Complex Yaloman-2 in Altai as a Reflection of the Influence of the Material Culture of the Xiongnu]. Sociogenez v Severnoj Azii. Ch. I [Sociogenesis in North Asia. Part 1]. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2005. Pp. 327–333.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Kompleks vooruzhenija "jepohi velikogo pereselenija narodov" iz Gornogo Altaja (po materialam mogil'nika Jaloman-II) [The Complex Weapons of the "Time of the Great Migration of Peoples" of the Altai Mountains (based on the Yaloman-2 burial)]. Vooruzhenie sarmatov: regional'naja tipologija i hronologija [Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology]. Cheljabinsk : Izd-vo JuUrGU, 2007. Pp. 164–172.

Tishkin A.A., Gorbunova T.G. Rekonstrukcija uzdechnyh naborov bulan-kobinskoj kul'tury (po materialam pamjatnika Jaloman-II) [Reconstruction of the Bridle Sets of Bulan-Koba Culture (based on the Yaloman-2 monument)]. Snarjazhenie kochevnikov Evrazii [Equipment of Eurasian Nomads]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 118–122.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Kompleksnyj analiz kostjanyh prjazhek kochevnikov Altaja hunnuskogo i sjan'bijskogo vremeni (po materialam mogil'nika Jaloman-II) [Comprehensive Analysis of the Bone Buckles of Altai Nomads in the Hunn-Syanbi Time (based on the Yaloman-2 burial)]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [The News of Altai State University]. 2010. №4/2 (68). Pp. 220–229.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Kenotaf hunnuskogo vremeni na pamjatnike Jaloman-II v Central'nom Altae [Cenotaph of Hun Time on the Yaloman-2 Monument in Central Altai]. Hunnu: arheologija, proishozhdenie kul'tury, jetnicheskaja istorija [The Hunnu People: Archeology, Cultural Origin, Ethnic History]. Ulan-Udje : Izd-vo BNC SO RAN, 2011. Pp. 158–173.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Kolchannye krjuki bulan-kobinskoj kul'tury iz pamjatnika Jaloman-II (Central'nyj Altaj) [Quiver Hooks of Bulan-Koba Culture of the Yaloman-2 Monument (Central Altai)]. Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija [The News of NGU. Series: History, Philology]. 2012. Vol. 11, №7. 2012. Pp. 125–133.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Pojasnye bljahi sjan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni iz mogil'nika Stepushka-I v Central'nom Altae [Belt Buckles of Syanbi-Zhuzhan Time of the Stepushka-1 Burial in Central Altai] // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2013a. №4/1 (80). Pp. 204–213.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Voinskoe pogrebenie rannezhuzhanskogo vremeni na mogil'nike Stepushka-I v Central'nom Altae [Military Burial of Early Zhuzhan Time at the Stepushka-1 Burial in Central Altai]. Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 2013b. Issue 231. 2013b. Pp. 59–71.

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. Zhenskie metallicheskie ukrashenija iz pogrebenij sjan'bijskogo vremeni na Altae (po materialam issledovanija pamjatnika Stepushka-I) [Women's Metal Decoration from the Graves of Syanbi Time in Altai (based on the study of the monument Stepushka-1)]. Voprosy arheologii Kazachstana. Vyp. 3 [Questions of Archeology of Kazakhstan. Issue 3]. Almaty : In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2011. Pp. 420–431.

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. Boevye nozhi kochevnikov Altaja jepohi "velikogo pereselenija narodov" (po materialam mogil'nika Stepushka-I) [Combat Knives of Altai Nomads in the Time of "Great Migration of Peoples" (based on burial Stepushka-1)]. Istorija i kul'tura srednevekovyh narodov stepnoj Evrazii [History and Culture of Medieval Peoples of the Eurasian Steppe]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012a. Pp. 59–65.

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. Nabornyj pojas sjan'bijskogo vremeni iz mogil'nika Stepushka-I v Central'nom Altae [Inlaid Belt of Syanbi Time from Stepushka-1 Burial in Central Altai]. Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Bator : Izd-vo Mongol'skogo gos. un-ta, 2012b. Pp. 116–120.

Trifanova S.V. Ukrashenija naselenija Sajano-Altaja gunno-sarmatskoj jepohi : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Jewellery of the Population in the Sayano Altai Region of Hun-Sarmatian Time: Synopsis of the Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Gorno-Altajsk, 2006. 22 p.

Troickaja T.N. Kulajskaja kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Kulaysk Culture in the Novosibirsk Ob Region]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 124 p.

Troickaja T.N., Borodovskij A.P. Bol'sherechenskaja kul'tura lesostepnogo Priob'ja [Bolsherechensk Culture of the Steppe Ob Region]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 184 p.

Trufanov A.A. Prjazhki rannih provincial'no-rimskih form v Severnom Prichernomor'e [Buckles of Earlier Provincial Roman Forms in the Northern Black Sea Coast]. Rossijskaja arheologija [Russian Archaeology]. 2004. №4. Pp. 160–170.

Frolov Ja.V., Shamshin A.B. Mogil'niki rannego zheleznoogo veka Firsovskogo arheologicheskogo mikrorajona (Firsovo-III, XI, XIV) [Cemeteries of Early Iron Age in the Firsovo Archaeological District (Firsovo-3,4,9,14)]. Itogi izuchenija skifskoj jepohi Altaja i sopredel'nyh territorij [Results of the Study of the Scythian Period of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 219–226.

Hudjakov Ju.S. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaja hunnskogo vremeni (po materialam raskopok mogil'nika Ust'-Jedigan) [Armament of Nomadic in the Hun Time of the Altai Mountains (based on excavation burial Ust-Edigan)]. Izvestija laboratorii arheologii [News of Archaeology Laboratory] №2. Gorno-Altajsk : GAGU, 1997. Pp. 28–37.

Hudjakov Ju.S. Predmety vooruzhenija iz pamjatnika Ulug-Choltuh v Gornom Altae [Objects of Arms from the Monument Ulug-Choltuh in the Altai Mountains]. Materialy po voennoj arheologii Altaja i sopredel'nyh territorij [Materials on Military Archaeology of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 79–87.

Hudjakov Ju.S., Cjevjendorzh D. Svoeobraznoe vpusknoe pogrebenie iz mestnosti Had Uzuur Sagil somona [The Original Inlet of the Burial Ground from the Hud Uzuur Sagil Somon Region]. Studia Mongolica. Vol. 11. Ulan-Bator, 1986. S. 60–64.

Jebel' A.V. Vooruzhenie i voennoe delo naselenija Gornogo Altaja v gunno-sarmatskuju jepohu : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Weapons and Military Affairs of the Population of the Altai Mountains in

the Hun-Sarmatian Time: Synopsis of the Dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Barnaul, 1998. 23 p.

Jaremchuk O.A. Mogil'nik Zorgol-1 – pamjatnik hunno-sjan'bijskoj jepohi stepnoj Daurii : dis. ... kand. ist. nauk [Burial Zorgol-1 – a Monument of the Hun-Syanbi Time in the Dauria Steppe: Dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Chita, 2005. 296 p.

Amartuvshin Ch., Hatanbaatar P. Hүнны bulshny sudalгаа // Arheologijn sudlal. 2010. T. VII. B. XXVII. T. 202–296 (in Mongolian).

Pan' Lin Ivolginskoe gorodishhe i mogil'nik, a takzhe issledovanie svjazannyh s nimi voprosov v arheologii sjunnu [Pan Lin Ivolga Archaeological Site and Cemetery, as well as the Study of Related Issues in Archaeology of Xiongnu]. Pekin : Kjesjuje chuban'shje, 2007. 219 p. (in Chinese).

Tөрбат С., Амартүвшин Ч., Јердјенјебат У. Јегјин голын сав археологјин дурсгалууд (һүрлийн үејес моголын үе). Улаанбаатар : Улсын багшјин их сургуул' Mongolyn түүһјин тјенһим, 2003. 295 p. (in Mongolian).

Hudgijn tolgojn hunnugijn ueijn bulsh. Ulan-Bator; Seul : B.i., 2003. 277 p. (in Mongolian)

Cjevjendorzh D. «Hjel Huur» – gubnoj vargan hunnu, najdennyj v mogil'nike Morin Tolgoj // Shinzhljeh Uhaany Akademijn Mjedje. Ulaanbaatar : ShUA-ijn Arheologijn һүрјејелјен, 1990. Pp. 72–80 (in Mongolian).

Cjevjendorzh D. Baga gazryn chuluu, Tarvagataj, Hүүshijn һөтөл, Баруун һајрһаны һүнны bulsh // Arheologijn sudlal. 2000. T. XX. Fasc. 1–11. Pp. 35–60 (on Mongolian).

Dong Gao. A Comparative Study of the Horse Fittings of Murong Xianbei, Gaogouli, Korea and Japan (III – VI Centuries AD) // Wenwu. 1995. №10. P. 34–42 (на кит. яз.).

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München, 1984. Band 25. 202 s. (in German).

Tishkin A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 539–558 (in English).

Wang Wei. Exchanges between the East Asian Countries in the 3-rd–6 th Centuries in the Light of Unearthed Harness. Kaogu. 1997. №12. P. 66–84 (in Chinese).

ДЕРЕВЯННЫЕ НАХОДКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЦЗЯОХЭ (ЯР-ХОТО) В ТУРФАНСКОЙ ВПАДИНЕ В СИНЬЦЗЯНЕ: АНАЛОГИИ И ДАТИРОВКИ*

Городище Цзяохэ (Яр-Хото) расположено в 10 км к западу от г. Турфана, центра одноименного уезда в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. В начале 90-х гг. XX в. раскопан могильник к северу от городища. Всего встречено около 40 деревянных изделий. Выделяются стрелы, колчаны, ножи, футляры-пеналы, застежки, пряжки, статуэтки, посуда и другие категории. Китайские археологи считают культуру могильника Цзяохэ местной, турфанской. Анализ керамики позволяет согласиться с таким мнением, но предложенная китайскими исследователями датировка памятника только ханским временем вызывает обоснованные сомнения. Очень многие деревянные изделия, в первую очередь, связанные с предметами вооружения, костяные (роговые) детали конского снаряжения и особенно седельные принадлежности из Цзяохэ имеют прямые аналогии на российской территории, прежде всего в памятниках пазырыкской культуры. Это обстоятельство позволяет датировать многие его погребения IV в. до н.э. Другая часть находок из дерева встречает аналогии в памятниках «гунно-сарматского» времени, так что могильник к северу от городища Цзяохэ оказывается разновременным и разнокультурным.

Ключевые слова: Китай, археология, Синьцзян, Турфанская впадина, могильник к северу от городища Цзяохэ (Яр-хото), деревянные изделия, датировка, аналогии.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-05

Введение

Исследователи в ходе раскопок погребальных памятников Алтая нередко сталкиваются с остатками археологической древесины или изделиями из нее. В литературе уже подчеркивалась важность изучения этого исторического источника, в том числе и с использованием методов естественных наук: ксилотомическими определениями, дендрохронологией и радиоуглеродным датированием [Тишкин, 2011, с. 165–166]. В то же время не следует сбрасывать со счета и традиционные археологические методы, в частности поиски аналогий на сопредельных территориях.

Одной из ближайших к Алтаю областей за пределами нашей страны, где хорошо сохраняется археологическая древесина, является Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. Этот регион издавна привлекал внимание сибирских исследователей, но в основном в плане поиска аналогий изделиям пазырыкской культуры (см., напр.: [Полосьмак, 1998]). Между тем древняя древесина хорошо представлена в Синьцзяне не только на памятниках раннего железного века, но и в культурах эпохи неолита и бронзы, а также в «гунно-сарматское» время и в Средневековье. Проблема заключается в том, что китайские материалы зачастую оказываются труднодоступными для отечественных специалистов, а археологические памятники Синьцзяна и происходящие из них находки далеко не всегда надежно (или вообще правильно) датированы китайскими учеными. В качестве примера приведем могильник к северу от городища Цзяохэ (Яр-Хото).

* Работа выполнена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№33.702.2014/К).

Городище Цзяохэ (Яр-Хото) расположено в 10 км к западу от г. Турфана, центра одноименного уезда в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Китайские письменные источники зафиксировали, что городище Цзяохэ было столицей владения *Цзюйши* (*Гуши*) в эпоху династии Хань. Спорадически археологические работы в районе Цзяохэ (Яр-Хото) велись еще с начала XX в., однако основную массу находок составляли средневековые древности. В 1-й половине 90-х гг. XX в. на городище Цзяохэ работала совместная китайско-японская археологическая экспедиция под эгидой ЮНЕСКО. Ход раскопок освещался в китайской археологической периодике [Ду Гэньчэн, 1998; Ян Июн, 1999], а полностью результаты исследований за 1993–1994 гг. увидели свет в 1998 г. [Цзяохэ, 1998]. Сообщения об этих работах оперативно публиковались на русском языке [Варенов, Шойдина, 1999; 2000].

На самом городище исследовались поселенческие и храмовые комплексы эпохи Средневековья, а также был раскопан и издан могильник к северу от городища, принадлежавший, как считается, знати и рядовым жителям *Цзюйши* (*Гуши*). Этот могильник изучен не целиком. Исследовано три участка: два – вокруг больших курганов М16 и М01, а третий раскоп длиной 48 м и шириной 12 м расположен примерно в 100 м к югу от кургана М01. Всего расчищено 55 погребений. Как крупные курганы, так и большинство рядовых захоронений ограблены, в них мало что сохранилось [Варенов, 2010; 2012]. Только в некоторых могилах найдены разрозненные вещи.

Деревянные изделия из Цзяохэ (Яр-Хото)

Всего на могильнике к северу от городища Цзяохэ встречено около 40 деревянных изделий. Китайские археологи выделяют стрелы, колчаны, ножи, футляры, застежки, пряжки, статуэтки, посуду и другие категории находок [Цзяохэ, 1998, с. 55–60]. Опираясь на их классификацию, мы дадим описание деревянных вещей из могильника Цзяохэ (Яр-Хото).

(1) *Наконечник стрелы* – 1 экз. М27:5. Трехгранный наконечник с коротким пером, черешок круглый, от середины до хвоста раздвоен, окрашен в черный цвет (рис. 1.-4).

(2) *Древки стрел* – свыше 10 экз., однако целых мало. Круглые в сечении, отшлифованы до блеска, диаметром около 1 см, хвостовик древка с выемкой под тетиву. Хвостовик или участок перед ним маркированы красной или черной краской.

Стрелы с наконечником – 3 экз. М21:12. Стрела сломана, сохранилась только головная часть (рис. 2.-1).

(3) *Колчаны для стрел* – 3 экз. М21:13. Сохранилась поврежденная деревянная каркасная основа колчана (рис. 2.-2). На внутренней стороне пять или шесть пар отверстий диаметром по 0,4 см, служивших для скрепления с кожаным контейнером. Вдоль внешней стороны идет окрашенное черной краской выпуклое ребро. Ниже него пять отверстий для ремня. Длина – 73,5 см, ширина – 4,4–5,7 см.

(4) *Футляры-пеналы* – 2 экз. Делятся на два типа:

I тип – М16md:4 – 1 экз. Футляр в плане прямоугольный, с закругленными углами, в поперечном сечении первоначально, видимо, был полукруглым. Поскольку находка раздавлена, сейчас она выглядит уплощенной, однако дно ее в поперечном сечении сохранило первоначальную округлую форму дерева, оба конца прямые (рис. 2.-3). Крышка пенала плоская (рис. 2.-4). С обеих сторон в крышке и стенках футляра есть по 1–3 парных отверстия (на прорисовке не видны), чтобы скреплять обе части. На внешней поверхности крышки и пенала вырезан узор в виде удлиненных ромбов. Длина – 19,6 см, ширина – 7,6 см, высота – 3,2 см;

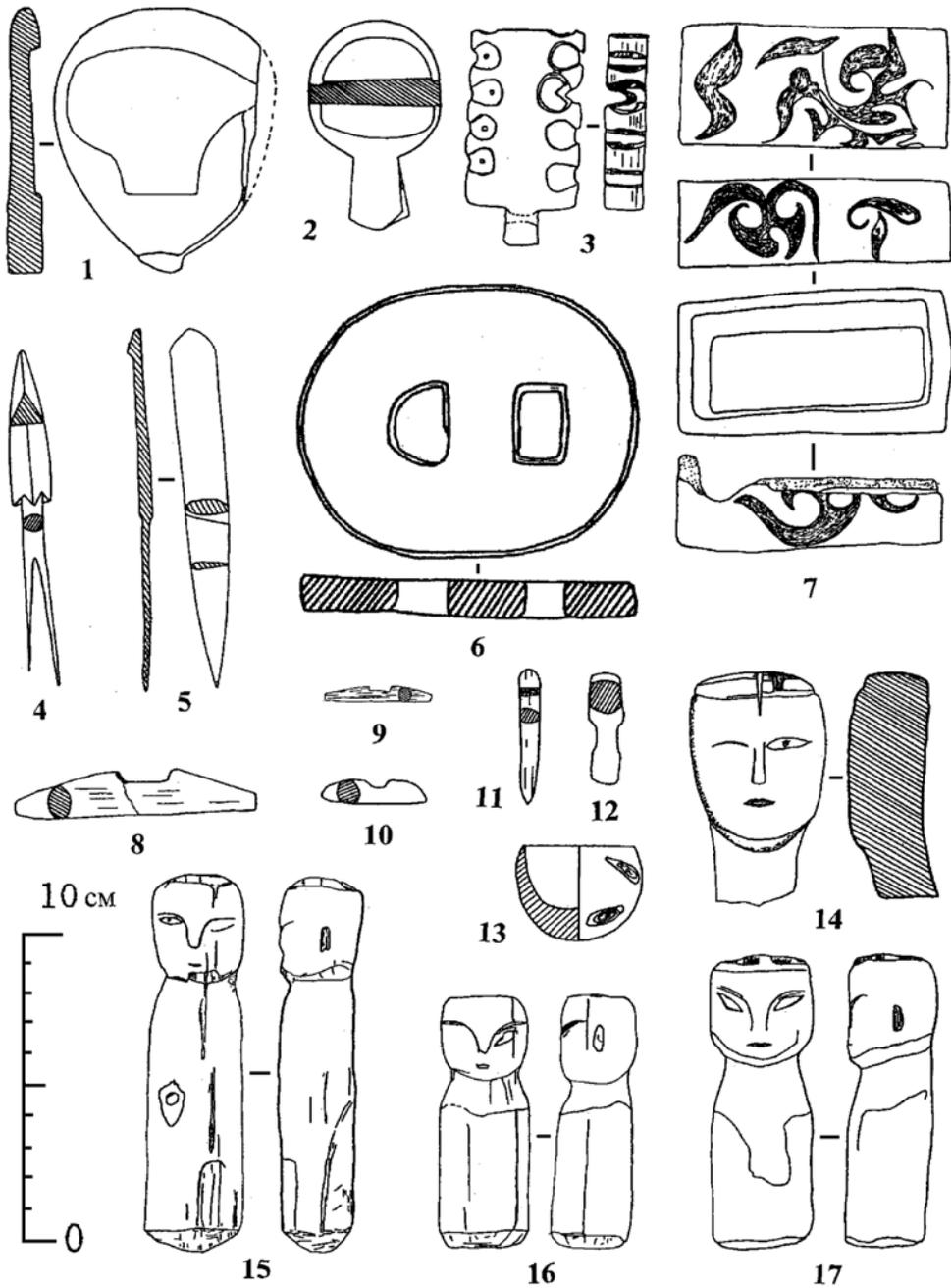

Рис. 1. Деревянные изделия могильника Цзяохэ (Яр-Хото): 1 – из погребения М16ме; 2 – из погребения М01mj; 3, 6 – из погребения М30; 4 – из погребения М27 (северная яма с лошадью); 5 – из погребения М01mg; 7, 13, 14 – из погребения М15; 8, 15–17 – из погребения М10; 9 – из погребения М16mk; 10 – из погребения mk2; 11 – из погребения М16к6; 12 – из погребения М01mm. Сведения рисунков к одному масштабу и компоновка таблицы выполнены А.В. Вареновым по: [Городище Цзяохэ, 1998, с. 57, рис. 44; с. 58, рис. 45]

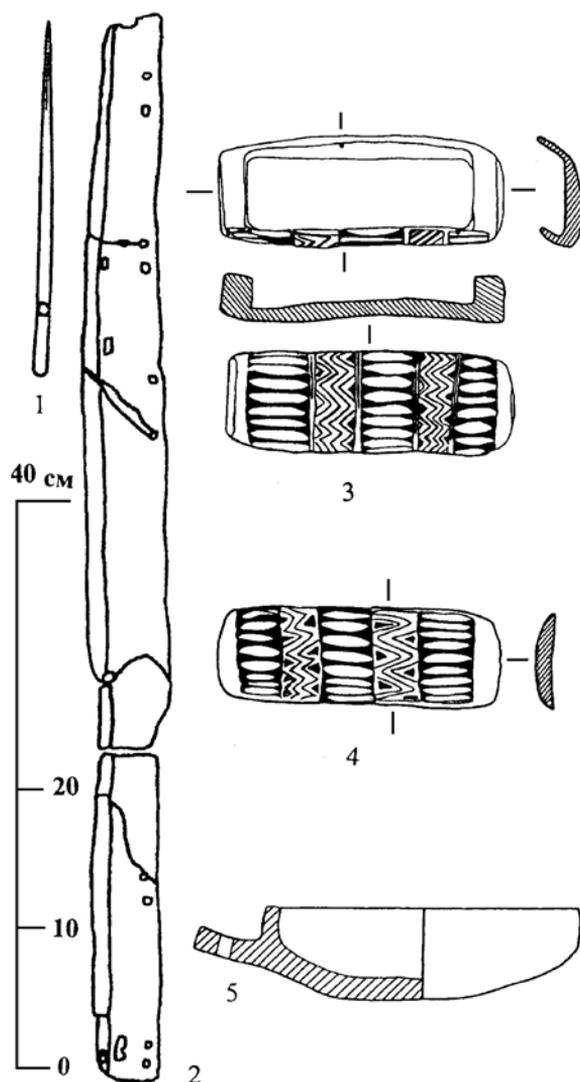

Рис. 2. Деревянные изделия могильника Цзяохэ (Яр-Хото):
 1, 2 – из погребения M21; 3, 4 – из погребения M16md; 5 – из погребения M01me.
 Сведение рисунков к одному масштабу и компоновка таблицы выполнены
 А.В. Вареновым по: [Городище Цзяохэ, 1998, с. 57, рис. 44; с. 58, рис. 45].

II тип – M15:1 – 1 экз. Футляр прямоугольной формы, сломан, стенки прямые, неравной толщины, на поверхности вырезан негативный узор (рис. 1.-7). Длина – 8,5 см, ширина – 4,5 см, высота – 2,9 см, толщина стенки – 0,5–1 см.

(5) Чаша бо – 3 экз. Делятся на три типа: I – маленький, II и III типы – в 3–4 раза крупнее:

I тип – M15:5. Прямое устье, изогнутое тулово, круглое дно, внешняя поверхность отполирована, сохранились следы древесной структуры. Диаметр устья – 3,5 см, максимальный диаметр тулова – 3,9 см, высота – 3,05 см (рис. 1.-13);

II тип – M26:1. Диаметр устья – 12,7 см, диаметр дна – 10,2 см, максимальный диаметр тулова – 13,4 см, высота – 6,1 см;

III тип – M21:9. Диаметр устья – 9,7 см, диаметр дна – 7,7 см, высота – 3,2 см.

(6) *Шило* – 1 экз. M01ma:10.

(7) *Нож* – 2 экз. Делятся на два типа:

I тип – M01mg:6. Нож с дугообразной спинкой и прямым лезвием. Прямая, овальная в сечении рукоять с треугольным ребром на конце. Граница между рукоятью и клинком выражена отчетливо (рис. 1.-5). Длина – 11,7 см;

II тип – M01mm:1. Длина – 11 см.

(8) *Прибор для добывания огня* – 1 экз. M30:2. С одной из коротких сторон – ручка длиной 1,1 см с круглым отверстием. Длина – 6,9 см, ширина – 3,6 см, толщина – 1,4 см (рис. 1.-3).

(9) *Пряжки* – 2 экз. M30:3. Плоская пряжка овальной формы, в центре – два противоположных отверстия: прямоугольное и полукруглое (рис. 1.-6). Длина – 10,4 см, максимальная ширина – 8,5 см, толщина – 1 см. M03:3. Пряжка по форме аналогична M30:3, только оба противоположных отверстия в центре полукруглые. Длина – 10,1 см, максимальная ширина – 7,8 см, толщина – 1 см.

(10) *Застежки* – 5 экз. Сделаны из круглых деревянных палочек. Делятся на три типа:

I тип – 1 экз. M01mm:2. Длина – 3,65 см (рис. 1.-12);

II тип – 3 экз. M10:9. Длина – 7,6 см (рис. 1.-8). M16mk:4. Длина – 3,35 см (рис. 1.-9). Mk2:1 (рис. 1.-10);

III тип – 1 экз. M16k6:1. Близ одного конца есть кольцевой желобок, в котором сохранились два витка шерстяной нитки диаметром около 0,1 см. Длина – 4,4 см (рис. 1.-11).

(11) *Зеркало с бронзовой вставкой* – 1 экз. M01mj:5. Рукоятка заострена, одна сторона зеркала отшлифована, в другую вставлена бронзовая полукруглая пластинка толщиной 0,1 см, длиной 6,7 см (рис. 1.-2).

(12) *Статуэтки* – 4 экз. M10:6. Фигурка вырезана из круглого куска дерева и выкрашена в белый цвет, выделяется пара глаз, рот окрашен алой краской (рис. 3). Затылок черного цвета, передающий прическу. Длина – 9,4 см, диаметр – около 3 см (рис. 1.-17). M10:7. Длина – 8 см, диаметр – 1,85 см (рис. 1.-16). M10:1. Длина – 12,2 см, диаметр – 3 см (рис. 1.-15). M15:4. Статуэтка изготовлена из плоского куска дерева. Вырезана пара глаз, один из них поврежден. Тонкие и ровные брови, нос плоский и длинный, контур губ четкий, уши переданы круглыми отверстиями. Вся фигурка выкрашена в белый цвет (рис. 1.-14). Длина – 7,5 см, толщина – 2,4 см.

(13) *Украшения* – 6 экз. Разделены китайскими археологами на три типа, все веерообразной или эллиптической формы, с ручками. Это те же деревянные зеркала, но без бронзовых вставок. M16me:1. Отполированная поверхность изделия плоская и ровная, с одного конца – сломанная ручка. На лицевой стороне вырезано грибовидное в плане углубление, видимо, под бронзовую пластину-вставку. Длина сохранившейся части – 8,9 см, максимальная ширина – 6,5 см, толщина – 0,75 см (рис. 1.-1). M16md:3. Фрагмент изделия веерообразной формы с ровной отполированной поверхностью, с одного конца есть ручка, на лицевой стороне вырезано углубление под бронзовую пластину-вставку в виде маленького веера. Длина сохранившейся части – 9 см, максимальная ширина – 6,9 см. M30:4. Фрагмент изделия в форме правильного эллипса, выпуклого в середине, с ручкой с одной стороны. Длина – 13,8 см, максимальная ширина – 12,8 см, толщина – 1,2 см.

Рис. 3. Деревянная статуэтка из погребения М10
могильника Цзяохэ (Яр-Хото) (по: [Синьцзян вэнь, 1999, с. 159])

(14) *Ковш* – 1 экз. М01те:1. Прямое устье, мелкое тулово, круглое дно, с одной стороны – ручка с отверстием. Диаметр устья – 21,8 см, высота – 6,7 см (рис. 2.-5).

(15) *Блюдо пань* – 1 экз. М05:3. Сломано, ровная поверхность в форме полумесяца, одна сторона прямая, образует округлую дугу, прямое устье, мелкое тулово, плоское дно. Длина – 31,1 см, максимальная ширина – 14,2 см, высота – 3,8 см.

(16) *Чаша доу* – 1 экз. М21:10. Сломана, прямое устье, мелкое изогнутое тулово, короткая ручка, поддон в форме раструба. На кромке устья есть выпуклое ребро шириной 0,6 см. Диаметр устья – 10,2 см, диаметр дна – 8,55 см, высота – 6,4 см.

Аналогии и датировки

Китайские археологи считают культуру могильника Цзяохэ местной, турфанской, характерной для знати и рядовых жителей *Цзюйши*. Анализ керамики позволяет согласиться с таким мнением [Варенов, Бауло, 2003]. Но предложенная китайскими учеными датировка погребений исключительно ханьским временем вызывает

обоснованные сомнения [Варенов, 2008; 2009]. Произошло это, надо полагать, из-за слабого знакомства первых исследователей памятника с материалами эпохи раннего железного века сопредельных территорий, в первую очередь Южной Сибири. Например, находку категории (11) – деревянное зеркало с боковой ручкой и бронзовой вставкой – они назвали «изделием в форме ракетки для пинг-понга», не определив его предназначения, а такие же зеркала, но только сломанные и без бронзовых вставок, вообще отнесли к украшениям. Между тем деревянные имитации бронзовых зеркал с боковой ручкой известны в пазырыкской культуре Горного Алтая [Кубарев, 1987, с. 90–92; 1991, с. 98; 1992, с. 88–89]. Очень многие костяные (роговые) детали конского снаряжения и особенно седельные принадлежности из Цзяохэ имеют прямые аналогии на российской территории, в первую очередь в памятниках пазырыкской культуры [Варенов и др., 2009, с. 243–245]. Это обстоятельство позволяет датировать многие из погребений могильника к северу от городища Цзяохэ IV в. до н.э. [Шульга, Варенов, 2008, с. 284–285].

Прямые аналогии среди пазырыкских находок с Алтая встречает деревянная каркасная основа колчана из Цзяохэ. Очень похожие деревянные ребра жесткости, покрытые резьбой или окрашенные красной краской, длиной от 53 до 75 см и шириной 2,3–4,7 см найдены в курганах №1 могильников Уландрык-I, Уландрык-IV, Ташанта-I, в курганах №18 и 25 могильника Барбугазы-I [Кубарев, 1987, с. 72; 1992, с. 72–73]. Отличие заключается лишь в том, что в алтайских дощечках проделано по 10 пар отверстий для скрепления с кожаным контейнером для стрел, а в Цзяохэ – только пять или шесть пар. Следует подчеркнуть, что и пазырыкские, и турфанский колчаны конструктивно отличаются от тубусообразного колчана с круглым резным деревянным донышком, придававшим ему жесткость, что найден в кургане №31 «гунно-сарматского» времени памятника Яломан-II на Алтае [Тишкин, Мыльников, 2008, с. 98]. Между тем деревянные древки стрел с вырезом для тетивы и в Яломане-II, и в пазырыкской культуре, и в Синьцзяне очень похожи [Кубарев, 1987, с. 69–71; 1991, с. 83; 1992, с. 73–74; Тишкин, Мыльников, 2008, с. 96–97]. Есть в кургане №7 могильника Юстыд-I и в кургане №60а памятника Яломан-II деревянные модели ножей, как в Цзяохэ [Кубарев, 1991, с. 69, табл. XII; Тишкин, 2011, с. 168, рис. 1.-10].

Что касается найденного в Цзяохэ устройства для добывания огня сверлением, то остатки огневых приборов на памятниках пазырыкской культуры практически не встречаются [Митько, 2014, с. 203]. Среди многочисленных деревянных огнив, обнаруженных в Синьцзяне, ближе всего к образцу из Цзяохэ изделие из погребения М3 могильника Субаши (Субэйши), с двумя параллельными рядами сверлений, по пяти углублений в каждом ряду, вдоль длинных боковых сторон прямоугольной дощечки с выделенной концевой частью в виде ручки с отверстием, которое О.А. Митько [2011, с. 362–363] датирует по аналогиям «рубежом эр и первыми веками н.э.». По мнению О.А. Митько [2006, с. 113–114], в Сибири и Центральной Азии можно выделить четыре исторических типа подобных приспособлений: «скифский», «хуннский», «древнетюркский» и «палеоазиатский». На наш взгляд, согласно рисункам, приводимым в его сводке, для «скифских» огневых приборов характерна длинная нижняя часть с одним рядом сверлений [Митько, 2006, рис. 1], для «хуннских» – два параллельных ряда сверлений вдоль длинных боковых сторон узкой нижней деревянной части [Митько, 2006, рис. 4], а для «тюркских» – полукруглая или подпрямоугольная

нижняя часть со множеством сверлений, не образующих правильных параллельных рядов [Митько, 2006, рис. 5–6]. Поскольку одна из двух плоских овальных деревянных пряжек из Цзяохэ длиной по 10 см каждая, с двумя противолежащими отверстиями в центре встречена в той же могиле М30, что и прибор для добывания огня, обе они также должны датироваться «гунно-сарматским» временем.

О степени сходства найденной в Цзяохэ деревянной посуды с образцами из Саяно-Алтая сложно сказать что-либо определенное ввиду отсутствия ее рисунков или фотографий. Если ориентироваться только на названия категорий, то и чаши, и блюда, и ковши встречаются и в пазырыкской культуре, и на памятнике Яломан-II. Напротив, деревянные футляры-пеналы оказываются для пазырыкской культуры совершенно не характерны, зато на памятнике Яломан-II они встречены в курганах №29, 30, 31 [Мыльников, Тишкин, 2015, с. 342–344]. Правда, эти пеналы несколько больше по длине, а иногда и по ширине, чем найденные в Цзяохэ. Совершенно оригинальной оказывается серия деревянных статуэток из Цзяохэ. Прямых аналогий им на Алтае нет. Ханьские погребальные статуэтки, как деревянные, так и керамические, отличаются тем, что изображали сопровождавших покойного людей (слуг или рабов), с руками, ногами, а иногда и с признаками пола [Ибрагимова, 2013, с. 200]. На территории Средней Азии и Казахстана деревянные статуэтки не встречаются, вероятно, в силу особенностей местных почв и климата. Зато на целом ряде памятников, датирующихся I в. до н.э. – III–IV вв. н.э., обнаружены керамические и/или алебастровые «идолы», конструктивно напоминающие турфанские образцы: короткий цилиндр, на котором выделены только шея и голова с лицевой частью [Смагулов, 2014, рис. 5.-1–4; с. 561, рис. 6]. Обычно считается, что такие статуэтки являются инновацией, привнесенной из Западного Китая (т.е. Синьцзяна) *юэчжами* и *усунями*. В этой связи примечательны контакты, фиксируемые древнекитайскими письменными источниками между *Цзюй-ши* (*Гуши*) и *усунями*. Так, когда в 68 г. до н.э. главный город этого владения Цзяохэ был взят после осады ханьцами, его правитель бежал к *усуням* [Восточный Туркестан, 1988, с. 291]. Кроме того, несомненно, «гунно-сарматским» временем датируется погребение М01mj могильника Цзяохэ, где найдены костяная (роговая) накладдка на лук, костяная ложка и ханьская монета *у-шу* (*у-чжу*), отливавшаяся начиная с 118 г. до н.э. [Варенов и др., 2009, с. 245].

Заключение

Таким образом, подтверждается сделанный нами ранее вывод о том, что погребения могильника к северу от городища Цзяохэ (Яр-хото) являются разновременными и разнокультурными. Анализ распределения различных категорий деревянных изделий данного памятника по большим курганам и рядовым могилам может помочь уточнить их культурно-хронологическую атрибуцию.

Библиографический список

Варенов А.В. Могильник к северу от городища Цзяохэ (Яр-Хото) в Синьцзяне и проблема датирования его художественных изделий // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 145–150.

Варенов А.В. Могильник к северу от городища Цзяохэ (Яр-Хото) в Синьцзяне и проблема его культурно-хронологической атрибуции // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 4: Востоковедение. С. 27–31.

Варенов А.В. Княжеские курганы скифо-сакского времени на могильнике Цзяохэ (Яр-Хото) в Синьцзяне // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 68–79.

Варенов А.В. Погребальные конструкции могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Синьцзяне // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 10: Востоковедение. С. 41–48.

Варенов А.В., Бауло И.А. Керамика могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине в Восточном Туркестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 294–298.

Варенов А.В., Бауло И.А., Шульга П.И. Костяные и роговые изделия могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине в Восточном Туркестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 240–245.

Варенов А.В., Шойдина О.С. Археологические памятники городища Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине (по результатам раскопок 1993–1994 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 312–316.

Варенов А.В., Шойдина О.С. Могильник к северу от городища Цзяохэ (Яр-Хото) – памятник гуннского времени в Турфанской впадине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 257–262.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М. : Наука, 1988. 456 с.

Ибрагимова Р.Р. Глиняные фигурки в погребениях эпохи Хань // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 198–201.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 304 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 192 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюнема. Новосибирск : Наука, 1992. 224 с.

Митько О.А. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 110–127.

Митько О.А. Деревянные огневые приборы из памятников скифского времени на территории СУАР (Китай) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; М. ; Великий Новгород : ИИМК РАН, 2011. С. 361–363.

Митько О.А. Деревянный огневой прибор скифского времени из могильника Ала-Гаил-3 в Горном Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 202–208.

Мыльников В.П., Тишкин А.А. Футляры-хранилища инструментов у кочевников гунно-сарматского времени на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 341–345.

Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналоги в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 337–343.

Смагулов Е.А. К изучению мелкой культовой пластики древнего Туркестана // Восхождение к вершинам археологии : сборник материалов Междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана». Алматы : Б.и., 2014. С. 548–577.

Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2011. №6 (6). С. 165–176.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №1 (33). С. 93–102.

Шульга П.И., Варенов А.В. Материалы могильника Цзяохэ и проблема синхронизации памятников скифского времени на Саяно-Алтае и в Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 282–286.

Ду Гэньчэн. Сычоу чжи лу шан дэ каогу синь фасянь 杜根成。丝绸之路上的考古新发现 // 故宫博物院院刊 [Новые археологические открытия на “Шелковом пути” // Гугун боуюань юанькань]. 1998. №3. С. 14–19 (на кит. яз.).

Синьцзян вэньу гуцзи дагуань 新疆文物古迹大观. [Большой обзор памятников археологии Синьцзяна]. Урумчи : Синьцзян мэйшу шэин, 1999. 440 с. (на кит. яз.).

Цзяохэ гучэн – 1993, 1994 няньду каогу фацзюе баогао 交河故城 – 1993 · 1994 年度考古发掘报告。北京: 东方出版社, 1998. [Городище Цзяохэ – отчет об археологических раскопках за 1993–1994 годы]. Пекин : Дунфан чубаньшэ, 1998. 206 с., X, XXXVIII л. илл. (на кит. яз.).

Ян Июн. Тулуфань Цзяохэ гучэн гоубэй ихао тайди муцзан фацзюе цзяньбао 羊毅勇。吐鲁番交河故城沟北1号台地墓葬发掘简报 // 文物 [Краткое сообщение о раскопках погребений на 1 террасе за оврагом к северу от городища Цзяохэ в Турфане // Вэньу]. 1999. №6. С. 18–25 (на кит. яз.).

A.V. Varenov

WOODEN ARTIFACTS FROM JIAOHE (YAR-HOTO) CEMETERY IN TURFAN BASIN IN XINJIANG: ANALOGIES AND DATINGS

The ancient city of Jiaohe (Yar-Hoto) is situated 10 km to the west from the city of Turfan, the center of the Xinjiang – Uygur province in the autonomous region of the People’s Republic of China. In the beginning of the 90-s of the 20th century the excavation was made of a burial ground to the north of the city. About 40 wooden pieces were found. Among them are arrows, quivers, knives, wallets, pencil cases, clasps, buckles, figurines, tableware and other categories. Chinese archaeologists consider the culture of the Jiaohe burial grave to be of the local Turpan type. Analysis of ceramics allows agreeing with this opinion, but the dating attributed by Chinese researchers of the monument exclusively to the Han time is a matter of doubt. Many wooden artifacts, primarily related to the armament objects, bone (horn) details of harness and especially saddle accessories from Jiaohe have direct analogies in the Russian territory, especially in the monuments of the Pazyryk culture. This makes it possible to attribute many of the burials to the 4th century BC. Another part of the wooden findings has analogies in the monuments of the Hun-Sarmatian time, so that the burial ground in the north of the ancient city of Jiaohe turns out to be different in the time and culture.

Key words: China, archaeology, Xinjiang, Turfan, cemetery to the north of the ancient city Jiaohe (Yar-hoto), wooden artifacts, dating, analogies.

Referenes

Varenov A.V. Mogil’nik k severu ot gorodishcha Tszyaokhe (Yar-Khoto) v Sin’tszyane i problema datirovaniya ego khudozhestvennykh izdeliy [The Burial Ground to the North of the Ancient City of Jiaohe (YD-Hoto) in Xinjiang and the Problem of the Dating of its Artistic Products]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 14. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2008. Pp. 145–150.

Varenov A.V. Mogil’nik k severu ot gorodishcha Tszyaokhe (Yar-Khoto) v Sin’tszyane i problema ego kul’turno-khronologicheskoy atributsii [The Burial Ground to the North of the Ancient City of Jiaohe (YD-Hoto) in Xinjiang and the Problem of its Cultural and Chronological Attribution]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Section : History, Philology. 2009. Vol. 8. Issue 4: Orientalism]. Pp. 27–31.

Varenov A.V. Knyazheskie kurgany skifo-sakskogo vremeni na mogil’nike Tszyaokhe (Yar-Khoto) v Sin’tszyane [Princely Mounds of the Scythian-Saka Time on the Jiaohe (YD-Hoto) Burial Ground in Xinjiang]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2010. T. 9, vyp. 7: Arkheologiya i etnografiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Section: History, Philology. 2010. Vol. 9. Issue 7. Archaeology and Ethnography]. Pp. 68–79.

Varenov A.V. Pogrebal'nye konstruksii mogil'nika Tszyaokhe (Yar-Khoto) v Sin'tsyzane [Burial Constructions of the Jiaohe (YD-Hoto) Burial Ground in Xinjiang]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija. 2012. T. 11, vyp. 10: Vostokovedenie [Bulletin of Novosibirsk State University. Section: History, Philology. 2012. Vol. 11, Issue 10: Orientalism]. Pp. 41–48.

Varenov A.V., Baulo I.A. Keramika mogil'nika Tszyaokhe (Yar-Khoto) v Turfanskoy vpadine v Vostochnom Turkestane [The Pottery of the Jiaohe (YD-Hoto) Burial Ground in the Turpan Basin in East Turkistan]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent territories. Vol. 9]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2003. Pp. 294–298.

Varenov A.V., Baulo I.A., Shul'ga P.I. Kostyanye i rogovye izdeliya mogil'nika Tszyaokhe (Yar-Khoto) v Turfanskoy vpadine v Vostochnom Turkestane [Bone and Horn Products of the Jiaohe (YD-Hoto) Burial Ground in the Turpan Basin in East Turkistan]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. XV [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. 15]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2009. Pp. 240–245.

Varenov A.V., Shoydina O.S. Arkheologicheskie pamyatniki gorodishcha Tszyaokhe (Yar-Khoto) v Turfanskoy vpadine (po rezul'tatam raskopok 1993–1994 godov) [Archaeological Monuments of the Ancient Settlement Jiaohe (YD-Hoto) in the Turfan Depression (as a result of excavations of 1993–1994)]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. V. [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. 5]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1999. Pp. 312–316.

Varenov A.V., Shoydina O.S. Mogil'nik k severu ot gorodishcha Tszyaokhe (Yar-Khoto) – pamyatnik gunnskogo vremeni v Turfanskoy vpadine [The Burial Ground to the North of the Ancient City of Jiaohe (YD-Hoto) – a Monument of the Hun time in the Turpan Depression]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. VI [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol 6]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2000. Pp. 257–262.

Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Oчерки истории [East Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages. Sketches of History]. Moscow : Nauka, 1988. 456 p.

Ibragimova R.R. Glinyanye figurki v pogrebeniyakh epokhi Khan' [Clay Figures in the Han Burials]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. XIX [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. 19]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2013. Pp. 198–201.

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 304 p.

Kubarev V.D. Kurgany Yustyda [Mounds of Yustyd]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 192 p.

Kubarev V.D. Kurgany Saylyunema [Mounds of Saylyugem]. Novosibirsk : Nauka, 1992. 224 p.

Mit'ko O.A. Derevjannye ognеvye pribory v pogrebal'nyh pamjatnikah narodov Sibiri i Central'noj Azii [Wooden Fire Appliances in the Funerary Monuments of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija, filologija. 2006. T. 5; vyp. 3: Arheologija i jetnografija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2006. Vol. 5. Issue 3. Archaeology and Ethnography]. Pp. 110–127.

Mit'ko O.A. Derevjannye ognеvye pribory iz pamjatnikov skifskogo vremeni na territorii SUAR (Kitaj) [Wooden Fire Appliances from Scythian Time Monuments in Xinjiang (China)]. Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s#ezda. Posvjashaetsja 100-letnej godovshhine provedenija XV Vserossijskogo arheologicheskogo s#ezda v g. Novgorode [Proceedings of the 3rd (19) All-Russian Archaeological Congress. Dedicated to the 100th Anniversary of the 15th All-Russian Archaeological Congress in Novgorod]. Institut istorii material'noj kul'tury RAN, Saint Petersburg; Institut arheologii RAN, Moscow; Institut arheologii i jetnografii SO RAN, Novosibirsk, 2011. Pp. 361–363.

Mit'ko O.A. Derevjannyj ognеvoj pribor skifskogo vremeni iz mogil'nika Ala-Gail-3 v Gornom Altae [Wooden Fire Appliance of the Scythian time from the Burial of Ala-Gail-3 in the Altai Mountains]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija, filologija. 2014. T. 13; vyp. 3: Arheologija i jetnografija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series.: History, Philology. 2014. Vol. 13. Issue 3. Archaeology and Ethnography]. Pp. 202–208.

Myl'nikov V.P., Tishkin A.A. Futljary-hranilishha dlja instrumentov u kochevnikov gunno-sarmatskogo vremeni na Altae [Enclosures for Storage of Tools of the Nomads of Hun-Sarmatian time in Altai]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent territories]. Vol. 21. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 2015. Pp. 341–345.

Polos'mak N.V. Pazyrykskie analogi v mogilah Sin'czjana [Pazyryk Analogies in the Xinjiang Graves]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 4. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 1998. Pp. 337–343.

Smagulov E.A. K izucheniju melkoj kul'tovoj plastiki drevnego Turkestana [To the Studying of the Cult Sculpture in Ancient Turkestan]. Voshozhdenie k vershinam arheologii : sbornik materialov Mezhdunar. nauch. konf. "Drevnie i srednekovye gosudarstva na territorii Kazahstana" [The Ascent to the Heights of Archaeology: a Collection of Materials of the International Scientific Conference "Ancient and Medieval State on the Territory of Kazakhstan"]. Almaty, 2014. Pp. 548–577.

Tishkin A.A. Derevjannye nahodki iz pamjatnika Jaloman II na Altae [Wooden Artifacts from the Yaloman 2 Monument in Altai]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [The Theory and Practice of Archaeological Research]. 2011. №6 (6). Pp. 165–176.

Tishkin A.A., Myl'nikov V.P. Derevjannye izdelija iz kurgana 31 pamjatnika Jaloman II na Altae [Wooden Products from the Mound 31 of the Yaloman 2 monument in Altai]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2008. №1 (33). Pp. 93–102.

Shul'ga P.I., Varenov A.V. Materialy mogil'nika Czjaohje i problema sinhronizacii pamjatnikov skifskogo vremeni na Sajano-Altae i v Kitae [Materials of the Jiaohe Repository and the Problem of Synchronization of the Scythian Time Monuments in Sayano-Altai and China]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 14. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 2008. Pp. 282–286.

Du Gjen'chjen. Sychou chzhi lu shan dje kaogu sin' fasjan' 杜根成。丝绸之路上的考古新发现 // 故宫博物院院刊. Novye arheologicheskie otkrytija na "Shelkovom puti"[New Archaeological Discoveries in the "Silk Road"]. Gugun boujuan' juan'kan'. 1998. №3. Pp. 14–19 (in Chinese).

Sin'czjan vjen'u guczy daguan' 新疆文物古迹大观. Bol'shoj obzor pamjatnikov arheologii Sin'czjana [[Great Review of Archaeological Monuments of Xinjiang]. Urumchi : Sin'czjan mjejsju shjein, 1999. 440 p. (in Chinese).

Czjaohje guchjen – 1993, 1994 njan'du kaogu faczjue baogao 交河故城 – 1993 · 1994 年度考古发掘报告。北京: 东方出版社, 1998. Gorodishhe Czjaohje – otchet ob arheologicheskikh raskopkah za 1993–1994 gody [Ancient City of Jiaohe – a Report on Archaeological Excavations for 1993–1994]. Pekin : Dunfan chuban'shje, 1998. 206 p., X, XXXVIII l. ill. (in Chinese).

Jan Ijun. Tulufan' Czjaohje guchjen goubjej ihao tajdi muczan faczjue czjan'bao 羊毅勇。吐鲁番交河故城沟北1号台地墓葬发掘简报 // 文物. Kratkoe soobshhenie o raskopkah pogrebenij na 1 terrace za ovragom k severu ot gorodishha Czjaohje v Turfane [A brief Report on the Excavation of Burials on the Terrace 1 of the Ravine to the North of the Ancient City of Jiaohe in Turpan]. Vjen'u. 1999. №6. Pp. 18–25 (in Chinese).

УСТРОЙСТВО ПОГРЕБАЛЬНЫХ КАМЕР КУРГАНОВ ЭПОХИ КОФУН НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РАЙОНА КАНСАЙ, ЯПОНИЯ*

Период кофун Японии (III–VII вв. н.э.) получил свое название от курганов-«кофунов», создававшихся в качестве погребений представителей родоплеменной элиты. Среди основных типов курганов, отличающихся по внешнему строению, крупные квадратно-круглые курганы считаются погребениями императоров. Для высших сановников, местных вождей, представителей кланов также создавались курганы, но других форм и размеров. Отличаются также внутреннее строение курганов и используемые для погребения колоды или саркофаги. Истоки традиции создания каменных погребальных камер кофунов находят в погребениях (*функюбо*) позднего периода эпохи яёй. На разных этапах периода кофун наблюдается трансформация устройства погребальных камер. В начальный период создавались вертикальные погребальные камеры (*татэана сэкисицу*) с глиняным основанием, на котором устанавливали деревянную колоду. Для стен использовались каменные плиты, которые плотно подгонялись друг к другу. Сверху камера также закрывалась плитами. Для герметичности отверстия засыпались грунтом либо запечатывались глиняной массой. В целях предотвращения попадания воды на колоду внутри камеры создавались водоотводные каналы. На следующем этапе для погребения в вертикальных камерах начали использовать каменные саркофаги. Создание горизонтальных каменных камер связывают с заимствованием данной традиции с Корейского полуострова в конце IV – начале V в. Горизонтальная погребальная камера (*ёкоана сэкисицу*) сооружалась в круглой части квадратно-круглого кургана. В поздний период эпохи кофун, когда квадратно-круглые кофуны перестали возводить, такие камеры создавались в круглых и квадратных курганах. Для погребения в горизонтальных камерах использовались каменные саркофаги. При создании горизонтальных камер на поздних этапах применялись мегалиты. Прекращение практики строительства кофунов стало следствием принятия буддизма и применения практики кремации.

Ключевые слова: Япония, Ямато, эпоха кофун, погребения, конструкция, погребальная камера, археология.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-06

Введение

Курганы периода кофун, давшие название эпохе раннего железного века Японии, представляют собой внешнее «проявление» традиций погребальной обрядности, сформировавшейся к началу IV в. н.э. на территории Японского архипелага (за исключением островов Рюкю и Окинава).

Сооружение кофунов (прежде всего это относится к сооружению гигантских «императорских» кофунов) стало возможным в силу изменения экономической и политической ситуации на архипелаге. К началу IV в. наблюдалась интенсификация земледелия (рисоводства) за счет применения железных орудий и создания ирригационных систем, охватывающих значительные территории, что, с одной стороны, позволяло прокормить большее количество населения, а с другой – способствовало формированию сложной социальной организации. Происходил процесс образования протогосударственных структур, сопровождавшийся социальной дифференциацией и усилением контроля над населением, что позволяло привлекать большие группы людей для строительства огромных сооружений, таких как кофуны [Мещеряков, Грачёв, 2010, с. 86].

* Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-01-00018а «Время великих вождей и каменных гробниц: древние культуры Тихоокеанского бассейна на рубеже эр».

По внешнему строению выделяются 12 основных типов курганных насыпей. Самые крупные квадратно-круглые курганы считаются погребениями представителей высшей власти: императоров, высших сановников, членов влиятельных кланов, местных вождей и т.п. Для представителей более низких ступеней также строились крупные погребения, но других форм и размеров.

Квадратно-круглые курганы создавались от небольших (длиной около 10 м) до гигантских. Самый большой – кофун Дайсэн (район Дайсэнтё, г. Сакаи, преф. Осака) – считается усыпальницей императора Нинтоку, его общая длина 486 м. Все большие курганы с длиной основания более 200 м – только квадратно-круглой формы [Хиросэ, 2015, с. 64].

Помимо квадратно-круглых курганов (*дзэнпо:ко:энфун*), в период кофун сооружались также квадратно-квадратные курганы (*дзэнпо:ко:хо:фун*), квадратные (*хо:фун*), круглые (*энфун*), парные (двойные) круглые (*со:энфун*), парные (двойные) квадратные (*со:хо:фун*), курганы, круглые сверху квадратные снизу (*дзё:энкахо:фун*), курганы в форме морского гребешка (*хотатекайгата кофун*), парные квадратные с круглой средней частью курганы (*со:хо:тё:энфун*), парные квадратные с квадратной средней частью (*со:хо:тё:хо:фун*), курганы в форме шестиугольника (*роккакуфун*), в форме восьмиугольника (*хаккакуфун*).

Помимо внешнего строения, ранжировалось также внутреннее устройство погребения. Наличие каменной погребальной камеры, размеры, форма и материал колоды, инвентарь, форма и расстановка ханива (глиняных цилиндрических предметов, глиняных сосудов либо скульптур зооморфных, антропоморфных форм, в форме предметов быта и т.д. [История..., 1998, с. 57]) также свидетельствуют о социальном статусе. Погребальный инвентарь включал в себя короны, бронзовые зеркала, металлическое оружие, доспехи, орудия труда и украшения (бусы, подвески-*магатама*, браслеты) [Мещеряков, Грачёв, 2010, с. 2]. В период кофун строго определенной системы устройства погребения в зависимости от статуса не существовало, однако размеры погребения, сложность внутреннего устройства и представительность инвентаря могут служить маркером социального положения в обществе. В простых погребениях деревянную колоду, обмазанную глиной, или (начиная со среднего периода кофун) каменную колоду устанавливали на подготовленный глиняный пол погребения и затем засыпали землей. Только для людей высокого социального статуса в погребении создавались каменные комнаты [Хиросэ, 2015, с. 82].

Для обозначения каменной конструкции, создаваемой внутри погребения, в японской научной литературе применяется несколько терминов.

Различия в терминах связаны с тем, что каменная кладка, с помощью которой создавалась комната на ранних этапах периода кофун, возводилась вокруг колоды. И заходить как в комнату (как мы представляем в обычном смысле) невозможно, поэтому некоторые исследователи предлагают именовать эту конструкцию как «вертикальный каменный внешний саркофаг», «внешняя погребальная камера» или «вертикальная каменная комната». Однако, начиная примерно с конца начального периода кофун, стали создаваться каменные комнаты в полном смысле этого слова, они имели пол, потолок, стены и каменный коридор со входом. Такие строения именуются как «каменная комната с боковым входом» или «горизонтальная каменная комната» [Окабаяси, 2006, с. 25]. Учитывая преобладание горизонтальных каменных комнат, которые пришли

на смену вертикальным, и тот и другой тип представляет собой разновидность каменной погребальной камеры, и правильнее будет применять термины «вертикальная погребальная камера» и «горизонтальная погребальная камера».

Об устройстве погребальных камер курганов в отечественной историографии известны описания строений некоторых кофун (например, кофун Цукинова) [Воробьев, 1958, с. 76].

В рамках данной работы планировалось уделить внимание археологическому материалу, который в меньшей степени представлен в работах, посвященных периоду кофун Японии, охарактеризовать устройство погребальных камер, а также применяемых деревянных и каменных гробов в курганах периода кофун на материалах исследований групп кофун в центральной части района Кансай, и ограничиться анализом именно погребальных камер, не затрагивая проблем применяемого инвентаря, ханива, типов внешнего устройства погребений (рвов, мостов, сопроводительных насыпей и т.п.).

Происхождение традиции создания погребальных камер кофун находят в трансформации данного типа устройства от погребений, именуемых *функюбо*, второй половины позднего периода яёй. В областях Окаяма и Кинки (побережье Внутреннего Японского моря) создавались *функюбо* с круглой или квадратной формой насыпи и с одним или двумя квадратными выступами [Imamura, 1996, с. 191].

При строительстве курганов в период позднего яёй на данной территории стали использовать двойные конструкции погребений. Деревянная колода устанавливалась внутри каменного ящика. Подобная конструкция известна среди погребений яёй только в этот период и на данной территории. Более распространенным способом погребения было использование только деревянной колоды. Погребения в двойных конструкциях строились более крупными, и каменные саркофаги стали создавать большими. Например, длина каменного саркофага из *функюбо* Татэцуки (преф. Окаяма, о. Хонсю) составляет 3,6 м, ширина – 1,6 м [Окабаяси, 2006, с. 25]. Применение каменного материала для создания погребения здесь тоже отмечается впервые.

Формирование элементов погребальной обрядности периода кофун можно проследить по памятникам, встречающимся вдоль побережья Внутреннего Японского моря. Окончательное оформление традиции кофун и дальнейшая их трансформация происходили на территории равнины Нара, которая и считается местом формирования протогосударственного образования Ямато, откуда традиция распространялась на другие регионы древней Японии. Материалы исследований курганов разных этапов периода кофун в центральной части района Кансай и прежде всего в группе курганов Ооямато – Янагимото (преф. Нара) позволяют рассмотреть основные конструктивные особенности внутреннего строения курганов представителей элиты.

К концу III – IV в. относятся крупные курганы, расположенные на юго-востоке равнины Нара, куда входит и курган, считающийся погребением императора Судзина (кофун Ондонъяма, г. Тэнри, преф. Нара). В IV в. местом захоронения императоров стал район Саки (северо-западная окраина современного г. Нара). Но самые масштабные курганы, относящиеся к V в., сооружались в районах северного Идзуми и южного Кавати [Мещеряков, Грачёв, 2010, с. 131]. Сюда входят группы курганов Модзу и Фуруити. Так, в районе г. Сакаи (преф. Осака) расположен самый крупный курган в Японии – кофун Дайсэн, считающийся погребением императора Нинтоку.

Археологические исследования «усыпальниц императоров» крайне ограничены, они находятся под охраной Агентства императорского дворца Японии. В некоторых случаях проводятся необходимые восстановительные работы либо изучаются находки из окружающих курганы ровов. Возможны исследования так называемых дополнительных курганов и насыпей (*байтё*), практика сооружения которых получила широкое распространение примерно с V в., и особенно в курганах групп Модзу и Фуруити. Среди дополнительных кофунув встречаются погребения, а также насыпи без погребений, содержащие оружие, орудия, украшения [Pearson, 2009, с. 525]. Возможно, погребения в таких кофунув предназначались для приближенных, входящих в сформировавшийся к V в. разветвленный административный аппарат.

Исследования «императорских» кофунув ограничены, однако активно изучаются остальные курганы, которые относятся к погребениям высших сановников, представителей влиятельных кланов, местных «вождей». Результаты археологических исследований позволяют сделать выводы о внутреннем устройстве кофуна, которое представляет собой собственно гроб (деревянная колода или каменный саркофаг), куда помещали тело, и погребальный инвентарь. Гроб устанавливался внутри погребальной камеры. Порядок создания погребальной камеры зависел от ее конструкции. Вертикальная погребальная комната сооружалась частично при подготовке погребения, а окончательно закрывалась и засыпалась уже после проведения погребального обряда. Горизонтальные каменные камеры строились заранее и представляли собой каменную комнату или искусственную пещеру внутри кофуна, у которой вход при необходимости мог открываться.

Для погребения в кофунув использовались деревянные, каменные колоды или саркофаги. Следует учитывать, что четкого разделения в специфике применяемого материала нет. В вертикальных каменных камерах устанавливались как деревянные колоды, так и каменные саркофаги, так же, как и в горизонтальных камерах.

Деревянные колоды и каменные саркофаги

В начальный период эпохи кофунув для погребения использовались деревянные колоды, по форме они близки к цилиндру, в японской научной литературе именуется как «деревянный гроб в форме разрезанного бамбука». Из дерева изготавливались и колоды других форм. На смену деревянным колодам пришли каменные саркофаги, которые повторяли форму деревянных (рис. 1).

Деревянная колода в форме разрезанного бамбука. Изготавливалась путем распиливания круглого цельного ствола дерева и выдалбливания внутренней части. Встречается в курганах начального периода эпохи кофунув.

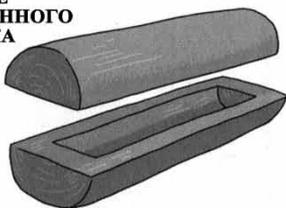
Деревянная колода в форме лодки. По форме близка к предыдущему типу, но торцы колоды имеют выступы. Также была распространена в курганах начального периода кофунув.

Деревянный саркофаг в форме ящика. Изготавливался путем соединения нескольких досок. Встречается в курганах начиная со среднего периода кофунув.

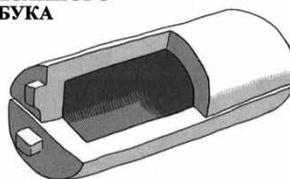
Каменный саркофаг в форме ящика. Каменный саркофаг изготавливался из подготовленных плит. Находятся на курганах всего периода кофунув.

Каменная колода в форме разрезанного бамбука. Появляется с IV в. н.э. Выступы на торцах саркофага использовались для привязывания веревки.

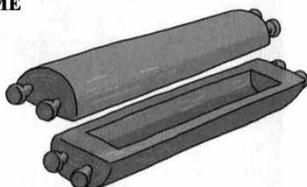
**ДЕРЕВЯННАЯ КОЛОДА
В ФОРМЕ
РАЗРЕЗАННОГО
БАМБУКА**

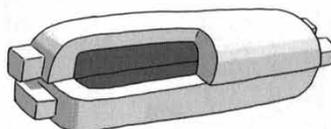
**КАМЕННАЯ КОЛОДА
В ФОРМЕ
РАЗРЕЗАННОГО
БАМБУКА**

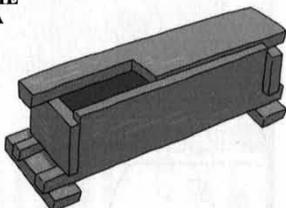
**ДЕРЕВЯННАЯ КОЛОДА
В ФОРМЕ
ЛОДКИ**

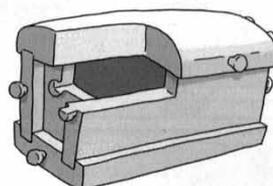
**КАМЕННАЯ КОЛОДА
В ФОРМЕ
ЛОДКИ**

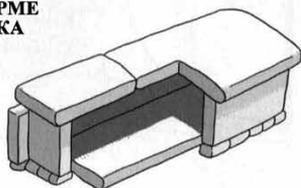
**ДЕРЕВЯННЫЙ САРКОФАГ
В ФОРМЕ
ЯЩИКА**

**КАМЕННЫЙ САРКОФАГ
В ФОРМЕ
СУНДУКА**

**КАМЕННЫЙ САРКОФАГ
В ФОРМЕ
ЯЩИКА**

**КАМЕННЫЙ САРКОФАГ
В ФОРМЕ
ДОМА**

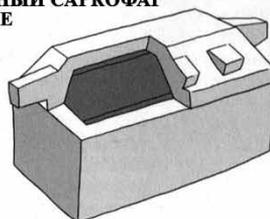

Рис. 1. Типы деревянных колод и каменных саркофагов эпохи кофун
(илл. по: [Хиросэ, 2015, с. 83])

Каменная колода в форме лодки. Повторяет форму деревянных колод в форме лодки. Находят в кофунгах конца IV – 1-й половины VI в.

Каменный саркофаг в форме сундука (ящика для домашних вещей). Имеет выступы на каменной крышке, длинных сторонах и на дне; название получил вследствие схожести с формой домашних сундуков. Появляется в курганах V в. в центральной части региона Кансай (Осака, Киото, Нара).

Каменный саркофаг в форме дома. Крышка саркофага имеет форму, похожую на шатровую крышу. Использовался длительное время со среднего до позднего периода эпохи кофун [Хиросэ, 2015, с. 83].

Только для людей высокого социального статуса было принято создавать каменные погребальные камеры, куда и помещались колоды; среди рядовых захоронений нет примеров погребений с камерами, но встречаются погребения в колодах без создания камеры. Наличие камеры в погребении, для строительства которой требовались существенные трудозатраты, может свидетельствовать о достаточно высоком статусе человека, который мог позволить себе выделить людей, а также материалы на создание такого монументального сооружения.

Вертикальные погребальные камеры

Наиболее ранним примером создания вертикальной каменной камеры является кофун Хокэнояма, который находится в окрестностях современного города Сакураи (преф. Нара), имеет классическую для Японии квадратно-круглую форму. Общая длина кофуна – около 80 м. В круглой части кургана была создана яма и сделано каменное основание, на котором находилась деревянная колода. Колода огорожена деревянной оградой. За ней выложены каменные плиты. Деревянная колода изготовлена в форме лодки из целого ствола дерева *Sciadopitys verticillata* (японская зонтичная пихта, вечнозеленое дерево с пирамидальной кроной; произрастает только в Японии), длиной примерно 5,3 м, шириной в самой широкой части – 1,3 м. В результате раскопок стали понятны размеры внутреннего деревянного саркофага (деревянной ограды) и внутренние размеры внешнего саркофага (каменный): деревянный саркофаг длиной примерно 5,5 м, шириной 2,6 м; каменный саркофаг (по внутренним параметрам) длиной 6,7 м, шириной 2,7 м, предположительная высота камеры достигала 1,5 м [Окабаяси, 2006, с. 27].

Строение погребальной камеры кофуна Хокэнояма можно отнести к переходному этапу к классической форме погребения начального периода эпохи кофун. Здесь, помимо сооружения камеры из каменных плит, была создана деревянная ограда, за которой сделано каменное ограждение. В то же время, в отличие от размеров деревянных колод и погребальных камер с курганов функюбо периода яэй, длина которых обычно не превышает 2–3 м, здесь примечательно увеличение размера колоды. Типичные деревянные колоды начального периода кофун, как правило, в длину могут достигать 5–6 м, и по этому параметру колода из кофуна Хокэнояма уже отвечает требованиям.

Классический вариант устройства погребальной камеры, распространенный примерно до второй половины среднего этапа эпохи кофун, представляет собой вертикальную каменную комнату (*татэана сэкисичу*) (рис. 2).

На вершине круглой части кургана делалось углубление, куда на подготовленный глиняный пол устанавливали деревянную колоду. Затем вокруг колоды плотными рядами выкладывались каменные плиты. Сверху камера также закрывалась плитами. Затем погребальная камера засыпалась землей. Погребальный инвентарь располагали как внутри колоды, так и снаружи (в погребальной камере) [Хирозэ, 2015, с. 82].

Устройство погребения на кофуне Накаямаооцука в г. Тенри (преф. Нара) имело уже более близкое к классическому варианту строение. Это квадратно-круглый курган из группы курганов Ооямато. Общая длина кургана составляет 130 м, диаметр круглой части – 67 м, высота – 11,3 м, круглая насыпь выстроена тремя ступенями. Общие размеры погребальной камеры: с севера на юг – 17 м, с востока на запад – примерно 12 м; внутренние параметры: длина – 7,51 м, ширина северной стены – 1,42 м, ширина южной стены – 1,26 м, высота камеры – примерно 2,05 м. Считается, что большие параметры северной стены связаны с традицией погребения головой на север, распространенной

в районе Кинай. Стены каменной камеры выстроены при помощи наложения каменных плит. В нижней части примерно до высоты 0,4–0,6 м плиты выложены практически вертикально полу, затем стены имеют наклон внутрь камеры. На дне погребальной камеры располагалась деревянная колода в форме лодки, примерные размеры которой составляют в длину 6,3 м, в ширину – 1,1 м. Для обеспечения герметичности на кофуне Накаямаоцука с внешней стороны каменной комнаты отверстия между каменными плитами засыпали землей. В отличие от более поздних курганов, в данном случае при постройке погребальной камеры не была устроена дренажная канава, и здесь создан незначительный подъем в центральной части на дне погребения, а для расположения колоды устроено глиняное основание, на котором она и располагалась [Окабаяси, 2006, с. 28].

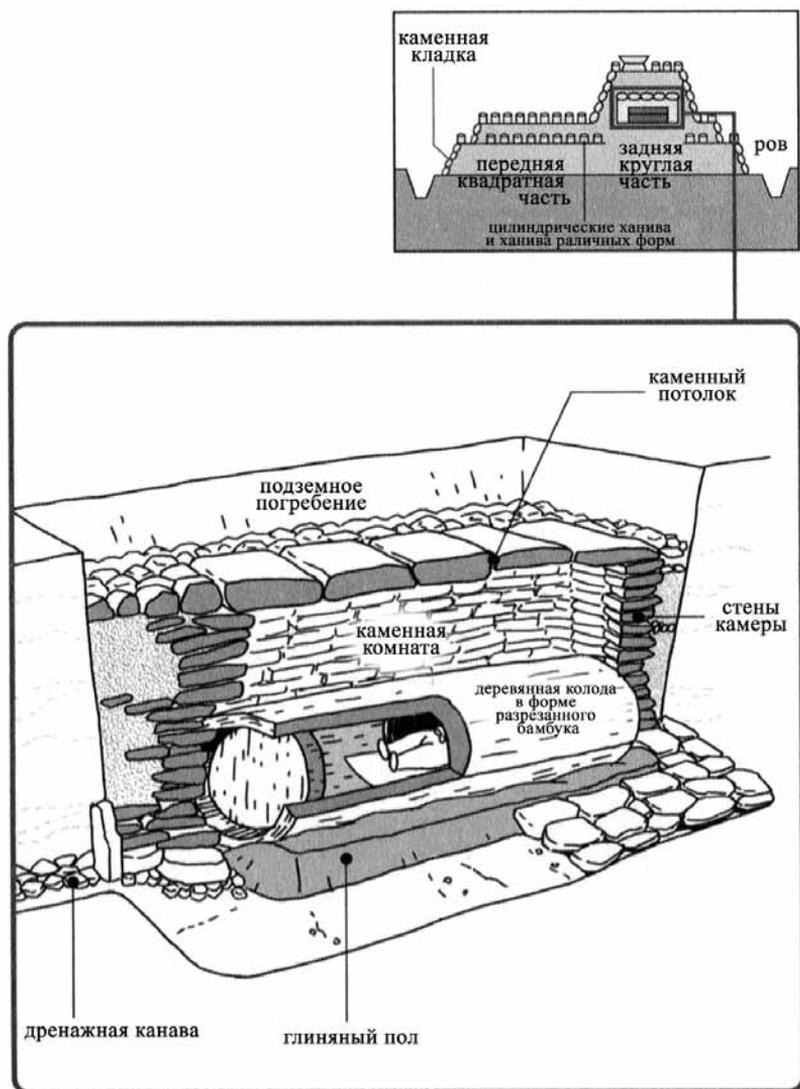

Рис. 2. Устройство вертикальной погребальной каменной камеры первой половины эпохи кофун (илл. по: [Хиросэ, 2015, с. 80])

Типичным примером устройства погребальной камеры первой половины эпохи кофун является устройство погребения на кофуне Симоикэяма (г. Тэнри, преф. Нара).

Кофун Симоикэяма представляет собой квадратно-круглый курган, общая длина которого 120 м. Вертикальная погребальная камера кофуна Симоикэяма имеет размеры: с юга на север – примерно 18 м, с востока на запад – 12 м; ее внутренние параметры: длина – 6,8 м, ширина северной стороны – 1,3 м, ширина южной стороны – 0,9 м, высота – 1,8 м. На основе датирования погребального инвентаря примерное время строительства кофуна – 1-я половина IV в. н.э. [Окабаяси, 2006, с. 29].

Наблюдается совершенствование техники создания погребальных каменных камер, и они приобретают форму, близкую именно погребальной камере (комнате), а не внешнему саркофагу.

В результате исследований кофуна Симоикэяма стали известны важные моменты, указывающие на изменения в технике строительства. Прежде всего, это устройство основания. Дно погребения полностью было покрыто мелким гравием, в центральной части сделано небольшое возвышение высотой примерно 30 см и шириной около 1 м. В конструкции кофуна предусмотрена дренажная канава, которая выводила дождевую воду в наружную часть кургана. Длина канавы составляет 46 м. Дождевая вода, попадавшая на курган, не проникала внутрь камеры благодаря плотному слою покрытия и (по направляющим) уходила на дно погребения. Глиняный пол построен на вершине высокого основания, вода могла временно скапливаться на полу погребения, но деревянная колода не подвергалась ее воздействию. Далее вода протекала сквозь щели в гравии и собиралась, вытекая по дренажной канаве в сторону передней квадратной части [Окабаяси, 2006, с. 29]. Подобное устройство водосбора является показателем высокого мастерства древних строителей. Данная технология получила широкое распространение при строительстве вертикальных каменных камер. По всей видимости, важным считалось, чтобы деревянная колода с останками была защищена от воздействия воды.

Потолок вертикальных камер, как правило, представлял собой плиты крупнее по размеру, нежели плиты, используемые для стен. Отверстия между плитами стен и потолка также для герметичности закрывались глиной или грунтом.

При характеристике устройства курганов с вертикальными погребальными камерами следует обратить внимание на конструкции применяемых колод.

На кофуне Симоикэяма сохранились останки деревянной колоды в форме разрезанного бамбука длиной примерно 5,2 м. Изначально длина колоды превышала 6 м, внутренняя часть колоды была выдолблена не полностью, а только на длину примерно половины общей длины в центральной части. Глубина также не превышала примерно 20 см, и стало очевидным, что колода большая и длинная, но пространство для погребения небольшое.

Среди кофунных района Кансай подобную конструкцию деревянной колоды, как на кофуне Симоикэяма, имела деревянная колода кофуна Куроцука (г. Тэнри). В результате исследований 1997–1999 гг. была раскопана деревянная колода в форме разрезанного бамбука. Длина составляла примерно 6,2 м, диаметр в самой широкой части достигал 1 м, размер пространства в центральной части – примерно 2,8 м [Каваками и др., 1999, с. 99].

Также на кофуне Яматотэндзиньяма (г. Тэнри) внутри вертикальной каменной комнаты сохранилась часть деревянной колоды длиной примерно 2,7 м. Изначально это была деревянная колода в форме разрезанного бамбука длиной 5 м, диаметром

примерно 70–90 см. Внутри колоды сохранились деревянные перегородки, которые разделяли ее на три части, в одной из частей (центральной) находились останки. Предполагается, что такая конструкция трехчастной колоды среди деревянных колод начального периода была одной из установленных форм [Окабаяси, 2006, с. 29].

Для изготовления колод на кофунах Симоикэяма, как и на кофуне Тэндзиньяма, использовали целые стволы дерева *Sciadopitys*. При изготовлении колод применялись гигантские деревья, возраст которых достигал 400–500 лет. Деревянные колоды из *Sciadopitys* встречаются и на погребениях периода яёй, а с наступлением эпохи кофун применение этого материала получило широкое распространение на территории района Кансай. Кроме этого, редки случаи применения *Cryptomeria Japonica* (*суги*, криптомерия японская), *Chamaecyparis pisifera* (*савара*, кипарисовик горохоплодный), *Cinnamotum camphora* (*кусунуки*, камфорное дерево), *Japanese zelkova* (*кэяки*, дзельква японская), *Castanea crenata* (*кури*, японский каштан). Примечателен случай на кофуне Куроцука, где в качестве материала для деревянной колоды использовали *Morus* (*кува*, шелковица) [Окабаяси, 2006, с. 30].

Остается открытым вопрос о причинах создания колод больших размеров для погребения. Японские ученые высказывали некоторые теории по этому поводу. Прежде всего, это теория необходимости свободного пространства в колоде для размещения многочисленного погребального инвентаря. Другая теория гласит, что свободное пространство необходимо было для проведения особого ритуала по передаче духа вождя, когда внутри колоды кандидат на место нового вождя запирался вместе с умершим на определенное время [Окабаяси, 2006, с. 30]. Однако при ближайшем рассмотрении обращает на себя внимание тот факт, что колоды имеют большие только внешние параметры, внутри колоды выдалбливалось небольшое углубление (как, например, у колоды на кофуне Симоикэяма). Внутри колоды не помещался весь сопроводительный инвентарь. Трехчастные колоды (кофун Тэндзиньяма) невозможно было применять для проведения ритуала, потому что места для размещения еще одного человека нет. Но, если учитывать стремление древних строителей при создании курганов сделать их как можно более герметично закрытыми, устраивая водоотводные каналы и запечатывая отверстия между каменными плитами, то вполне возможно, что при создании колоды основной целью было защитить тело от внешнего воздействия.

Следующим этапом в развитии погребальной практики Ямато стало применение каменных саркофагов в вертикальных погребальных камерах.

В группе кофунов Сакитагэнами (окрестности г. Нара) существует четыре достаточно близких друг другу по времени создания больших квадратно-круглых кофуна: Госаси, Сакимисасагияма (Мисасагияма), Сакиисидзукаяма (Исидзукаяма), Хораияма, длина каждого превышает 200 м. Все они считаются погребениями представителей элиты. В древности курганы подверглись грабительским раскопкам, и в результате проведения восстановительных работ были получены данные о строении погребальных камер и установленных саркофагах.

На всех курганах в вертикальные каменные камеры были установлены каменные саркофаги. На кофуне Сакиисидзукаяма саркофаг был длиной примерно 2,1 м, шириной и высотой – примерно 1,2 м. На кофуне Хораияма саркофаг длиной примерно 1,8 м, шириной примерно 0,9 м и такой же высотой. По форме это каменные саркофаги в форме сундуков. На обоих кофунах у саркофагов на крышках были сделаны высту-

пы, образующие геометрические узоры. Такие крышки получили название «в форме черепашьего панциря» [Окабаяси, 2006, с. 32].

Вместе с появлением традиции больших квадратно-круглых курганов установилась система больших деревянных колод и вертикальных каменных комнат. В средний период эпохи кофун на смену деревянным колодам пришли каменные саркофаги, и некоторое время продолжался переходный период, когда каменные саркофаги устанавливали в вертикальные погребальные камеры.

Затем горизонтальные камеры сменили вертикальные, которые достаточно быстро распространились в период позднего кофуна. Почти полностью вытеснив вертикальные, они стали основным типом устройства погребения в кофунах знати. Однако в поздний период эпохи кофун наблюдалось расширение слоя общества, для которого возводились кофуны, что способствовало снижению (деградации) роли кофунов.

Горизонтальные погребальные каменные камеры

Горизонтальные погребальные камеры пришли на смену вертикальным примерно во второй половине периода кофун (конец IV – начало V в. н.э.).

Традиция создания погребений в боковых пещерах была заимствована с Корейского полуострова, и первые такие погребения встречаются на памятниках севера острова Кюсю. Например, своеобразное устройство одной из погребальных камер кофуна Родзи (преф. Фукуока) считается начальным этапом создания горизонтальных камер или «вертикальной каменной камерой с боковым входом» [Каваками, 2006, с. 35]. К наиболее ранним горизонтальным камерам также относят кофун Сукидзаки (преф. Фукуока), кофун Танигути (преф. Сага). Однако достаточно быстро данная традиция распространилась на запад Японии до районов современной преф. Айти [Хиросэ, 2015, с. 82].

Горизонтальная погребальная камера (*ёкоана сэкиситцу*) создавалась, как правило, в круглой части квадратно-круглого кургана, а также в круглых и квадратных курганах. Состояла собственно из самой погребальной камеры, создаваемой при помощи каменной кладки, и коридора с выходом, который был сооружен при помощи каменных плит либо больших камней (рис. 3).

Возникновение данной традиции на территории Кюсю и затем заимствование вождями Ямато свидетельствует о достаточной самостоятельности региональных властей и возможности варьирования погребальной обрядности.

В качестве причин перехода к горизонтальным камерам японские ученые считают возможность вторичного использования таких камер для погребения. Вертикальные камеры после установки колоды и совершения погребального обряда плотно закрывались и засыпались землей. При создании горизонтальной камеры предусматривался вход, заложённый камнями, который при необходимости можно было открыть. В кофунах с горизонтальными камерами могли хоронить нескольких человек (например, родственников). И примеры курганов с несколькими саркофагами в погребальных камерах действительно встречаются [Хиросэ, 2015, с. 82].

Внедрение горизонтальных каменных комнат на территории района Кансай с конца V в. начиналось с небольших по размеру кофунов, затем уже распространилось на средние и большие курганы. Следующей ступенью стало возведение горизонтальных камер на квадратно-круглых курганах. К наиболее ранним памятникам относят погребение кофуна Минэгадзука, который является квадратно-круглым курганом среднего размера в группе кофунов Фуруити (преф. Осака).

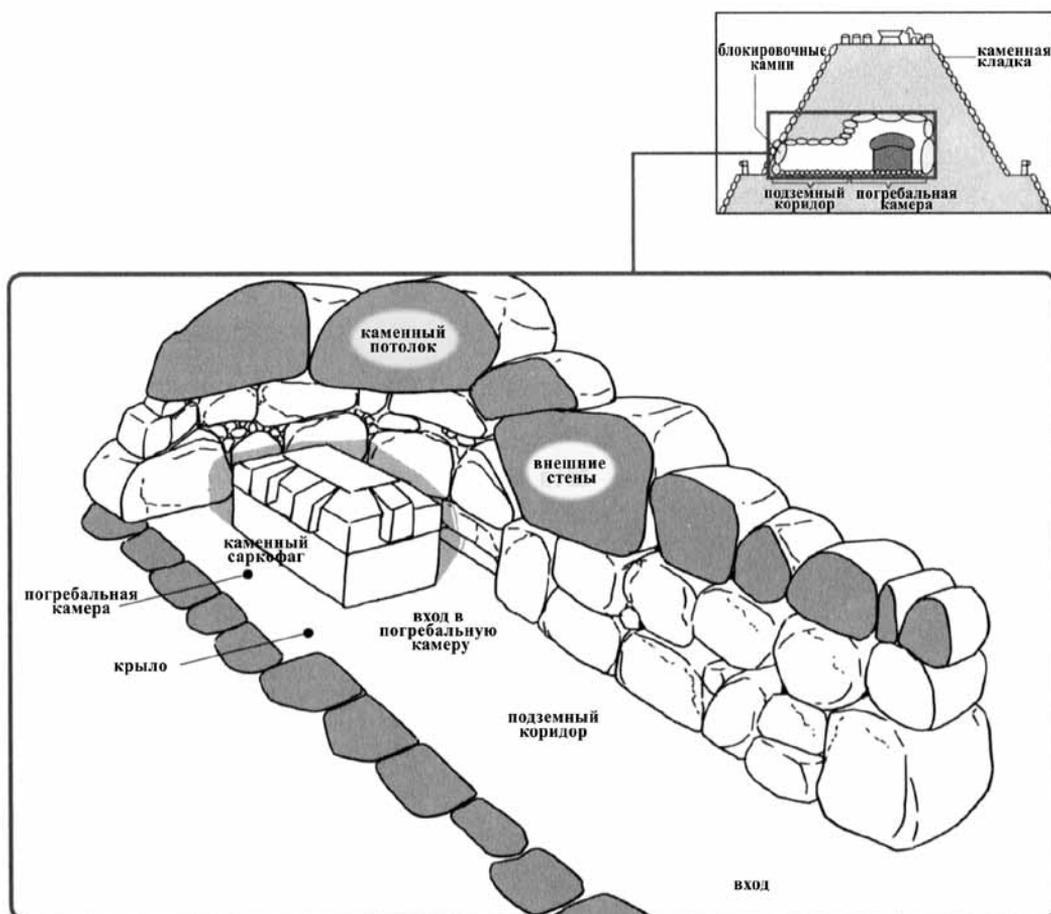

Рис. 3. Устройство горизонтальной погребальной каменной камеры второй половины эпохи кофун (илл. по: [Хиросэ, 2015, с. 81])

Территорией создания гигантских квадратно-круглых кофун (предположительно, императорских усыпальниц) в то время становятся прибрежные районы Осацкого залива. Там находятся кофун Дайсэн (г. Сакаи, преф. Осака), считающийся погребением императора Нинтоку, кофун Такавасимаруяма (г. Хабикино, преф. Осака) – погребение императора Юряку, кофун Одатяусуяма (г. Ибараки, преф. Осака) – погребение императора Кэйтай.

В группе кофун Ооямато наиболее ранней считается погребальная камера 28-го кургана группы курганов Терагитиосими в г. Синдзё (преф. Нара). Конструкция представляла собой горизонтальную камеру со входом, внутри которой находилась деревянная колода в форме разрезанного бамбука. На основе данных о датировании керамики время создания кургана было определено 2-й половиной – концом V в. В дальнейшем строительство горизонтальных камер продолжилось на кофун Цубаимиямадзука (г. Хэгури) и Дзидо:коэн (г. Сакураи). Оба кофун имеют круглую форму [Каваками, 2006, с. 35].

Горизонтальные погребальные камеры на начальных этапах их применения относятся к районам проживания натурализовавшихся кланов переселенцев, также они возводились в районах проживания родов, которые имели тесные связи с полуостровом. В VI в. такой способ стал использоваться другими кланами и высшими сановниками, активно применялся при создании курганов в группах Модзу и Фуруити (преф. Осака). Именно в тот период горизонтальные камеры стали создаваться и при строительстве квадратно-круглых кофун.

Самым ранним квадратно-круглым кофуном с горизонтальной камерой в группе кофун Ооямато считается кофун Итиохака (г. Такатори, преф. Нара). Кофун строился в качестве погребения одного из представителей клана Косэ. Размеры насыпи кургана – 250 м, в круглой части кургана находилась горизонтальная погребальная камера, где был установлен каменный саркофаг из вулканического туфа. Сооружался кофун в начале VI в. [Каваками, 2006, с. 35].

В дальнейшем кофуны представителей элиты стали традиционно создаваться с погребальными холмами квадратно-круглой формы и с погребениями в виде горизонтальных каменных комнат. Подобные кофуны в Ямато встречаются по 2–4 погребения в каждом из групп кофун, и даже наблюдается преемственность определенных устойчивых традиций у курганов, принадлежащих отдельным кланам [Каваками, 2006, с. 36].

С наступлением VI в. на территории групп кофун Ооямато – Янагимото намечается тенденция сокращения количества квадратно-круглых курганов, и крупные кофуны стали возводить квадратными или круглыми с длиной стороны или диаметром примерно 50 м. К таким кофунам относятся курган Бакуяко (уезд Китакацураги, преф. Нара), где в погребальной камере было обнаружено два каменных саркофага, курган Хамицука (г. Тэнри, преф. Нара) – квадратный кофун с длиной стороны квадрата 48 м, а также курган Цукаанаяма (г. Тэнри, преф. Нара) – круглый курган, время строительства которого конец VI – начало VII в. [Каваками, 2006, с. 36]. При возведении курганов в данный период можно отметить некоторые особенности: при упрощении и сокращении размеров курганных насыпей размеры каменных камер увеличивались. У вышеперечисленных курганов общая длина погребальных камер составляла от 12 до 17 м (с учетом коридора).

Одной из самых больших считается погребальная камера кофуна Исибутай (д. Асука, уезд Такаити, преф. Нара), где для строительства использовались гигантские мегалиты.

VII в. ознаменовался появлением кофун, где по сравнению с размерами камеры большее значение стали уделять эстетике каменной комнаты. Теперь каменные плиты для погребальных комнат отшлифовывали (иногда только со стороны, обращенной внутрь камеры). Таким способом были построены погребальные камеры на кофун Иваяма (д. Асука, уезд Такаити, преф. Нара), Котани (д. Сиракаси, уезд Касихара, преф. Нара), Мондзюинниси (г. Сакураи, преф. Нара). Предполагается, что подобные кофуны были первым шагом на пути к уменьшению размеров погребений и принятию закона «Хакусю:рэй», который ограничивал размеры погребения в зависимости от статуса [Каваками, 2006, с. 40].

Простые и лаконичные горизонтальные каменные камеры, теперь и без коридора, появившиеся в начале VII в., продолжали возводиться вплоть до окончания столетия. В районе группы кофун Ооямато подобное устройство погребения встречается, на-

пример, на кофуне Ани-но Манаита – Ани-но Сэттин и на кофуне Гобояма. Для создания погребальной камеры здесь использовались мегалиты, которые обрабатывались и приобретали форму буквы «П». Такие мегалиты устанавливались на каменное основание, и получалась достаточно лаконичная, но монументальная погребальная камера [Каваками, 2006, с. 40].

Со 2-й половины VI в. распространяется традиция росписи погребальных камер кофунов, которая первоначально применялась в погребениях районов севера и запада Кюсю (современные преф. Фукуока и Кумамото). Из наиболее ранних памятников известен кофун Оодзука (г. Кэйсэ, преф. Фукуока). На территории равнины Нара подобная практика появилась позднее – на кофунах Такамацудзука и Китора (дер. Асука, преф. Нара). Оба кофуна датируются концом VII – началом VIII в. На потолке погребальной камеры кофуна Такамацу изображено звездное небо. На восточной стене – солнце и синий дракон, окруженные четырьмя мужскими фигурами с одной стороны и четырьмя женскими – с другой. Западную стену украшают луна и белый тигр и изображения восьми фигур мужчин и женщин. На северной стене изображена черепаха, обвитая змеей. Роспись южной стороны, видимо, должна была изображать птицу [Хирозэ, 2015, с. 57].

Окончание периода кофун и прекращение практики возведения квадратно-круглых кофунов стало следствием изменения политической ситуации.

Стремление к усилению централизованной власти и созданию прочного государственного аппарата способствовало распространению буддизма на территории Японии [Эйдус, 1968, с. 10]. Следствием усиления китайского влияния и упорядочивания государственной жизни стали регламентация и единообразие погребального обряда, в результате чего начиная с VI в. умершему правителю присваивается посмертное имя в соответствии с китайской практикой, запрещается традиция временного захоронения (могари), за исключением самого правителя и принцев крови (что тоже может считаться подтверждением возрастающего влияния правящего рода). Также стали регламентироваться размеры погребений и количество дней для постройки (за исключением гробниц правителей) [Мещеряков, Грачёв, 2010, с. 105]. В дальнейшем возрастающее влияние буддизма и принятие его в качестве государственной религии способствовали распространению обряда кремации. Однако некоторое время традиция ингумации продолжала сохраняться.

Заключение

Сооружение кофунов на территории Японского архипелага началось с конца III в. и продолжалось до VII в. н.э. Наиболее представительным регионом в плане археологических памятников является район Кансай. Там наблюдается наибольшее скопление крупных курганов, которые традиционно считаются погребениями представителей элиты Ямато. На ранних этапах периода кофун основными районами строительства погребений императоров были группы кофунов Ооямато – Янагимото (преф. Нара), с середины периода кофун центр сооружения гигантских кофунов переместился к побережью залива Осака, группы кофунов Фуруити – Модзу (преф. Осака). Материалы археологических исследований, проводимых на территории района Кансай, и прежде всего групп кофунов Ооямато, позволяют сделать некоторые выводы, характеризующие погребальные камеры курганов эпохи кофун Японии. На начальных этапах периода кофун получила распространение традиция устройства вертикальных

каменных камер на погребениях представителей высокого социального статуса. Камеры создавались при помощи каменных плит практически вокруг колоды. В то время использовались деревянные колоды различных форм и больших размеров. Среди деревянных наибольшее распространение получили колоды в форме разрезанного бамбука. В дальнейшем наблюдалась тенденция к увеличению размеров как курганной насыпи, так и колоды и погребальных камер. Отсутствие строго регламентированной системы погребальной обрядности на данном этапе может служить свидетельством относительной слабости политического центра и временного выдвигания на политической арене того или иного клана.

Во второй половине эпохи кофун получила распространения традиция погребения в горизонтальных каменных комнатах. Подобные камеры имели горизонтальный проход к камере. При необходимости они использовались для размещения нескольких саркофагов. Заимствование традиции сооружения горизонтальных комнат происходило с материка через районы северного Кюсю, где встречаются наиболее ранние примеры применения данной практики. Заимствование данной практики правителями Ямато, с одной стороны, свидетельствует о существовании развитой системы сообщения между регионами архипелага, с другой – говорит о возможности взаимного влияния и достаточной самостоятельности регионов.

Происходит и постепенный переход к использованию каменных саркофагов, первые из которых встречаются еще на погребениях в вертикальных камерах. Увеличение размеров погребальных камер одновременно сопровождается уменьшением размеров курганных насыпей. Следующим этапом развития кофунов стало сокращение количества квадратно-круглых курганов, которые были заменены на квадратные или круглые. При создании погребальных камер в курганах во время позднего периода эпохи кофун стали использовать мегалиты, также была заимствована традиция росписи стен погребальных камер. Окончательному завершению традиции кофунов способствовали распространение буддизма и заимствование традиции кремации.

Библиографический список

- Воробьев М.В. Древняя Япония. М. : Изд-во восточной литературы, 1958. 181 с.
- История Японии. Т. 1: С древнейших времен до 1868 года. М. : Изд-во Института востоковедения РАН, 1998. 659 с.
- Каваками К., Идзуми Т., Мияхара С., Урабэ Ю., Окабаяси К., Нагура С. Раскопки кофуна Куроцука в Янагимото, г. Тенри, преф. Нара // Археологический журнал = Journal of the Japanese Archaeological Association. 1999. Т. 6, №7. С. 65–104 (на яп. яз.).
- Каваками К. Горизонтальные каменные комнаты и каменные саркофаги в форме дома // Кофуны Ямато II. Киото : Дзимбунсёин, 2006. С. 35–42 (на яп. яз.).
- Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии : учебное пособие для вузов. М. : Наталис, 2010. 544 с.
- Окабаяси К. Колода и саркофаг // Кофуны Ямато II. Киото : Дзимбунсёин, 2006. С. 25–34 (на яп. яз.).
- Хирозэ К. Справочник по кофунам. Токио : Гэнтося, 2015. 174 с. (на яп. яз.).
- Эйдус Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. М. : Наука, 1968. 224 с.
- Imamura K. Prehistoric Japan. New Perspectives on Insular East Asia. Honolulu : University of Hawai'i Press, 1996. 246 p.
- Pearson R. Fifth-century rulers of the Kawachi Plain, Osaka, and early state formation in Japan: some recent publications. *Antiquity*. June 2009. V. 83, I. 320 (DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0003598X00098641>). Pp. 523–527.

I.S. Gnezdilova

BURIAL CHAMBERS OF THE KOFUN PERIOD MOUNDS IN THE CENTRAL AREA OF THE KANSAI REGION, JAPAN

The Kofun period is named after the tomb mounds or kofuns that were built for the members of the ruling class of that time in the 3–7 centuries AD.

Among the main types of tumuli differing in their external structure, the large square-round mounds were supposedly built for the Emperors. Mounds of various shapes and sizes were constructed for the high-ranking officials, local chieftains, and clan representatives. There is a certain difference in the structure of the mounds and in the sarcophagi used for burying. The origins of stone cist construction in kofuns can be traced back to the funkyubo burials in late period of the Yayoi era. The transformations of burial chamber structure can be observed at different stages of the Kofun period. On the initial stage, “tateana sekisitsu” or vertical burial chambers with a wooden coffin fixed on a clay floor were constructed. The walls were made of stone slabs tightly fit together. Ceiling rocks were laid to close the chamber. Then the holes were filled with soil or hermetically sealed with clay mass. Drainage channels were constructed inside the chamber to prevent the ingress of water on the coffin. On the next stage, stone sarcophagi were used in the vertical burial chambers. The tradition to construct horizontal stone chambers is thought to have been borrowed from the Korean peninsula at the end of the 4th – beginning of the 5th century. The horizontal burial chamber (“Yokoana sekishitsu”) was constructed in a round part of the square-round mounds.

In the late Kofun period, when square-round kofuns were not constructed any more, such chambers were built in round and square tumuli. Stone sarcophagi were used in the horizontal burial chambers. On the late stages, megaliths were used in the construction of horizontal chambers.

The introduction of Buddhism and strengthening of the cremation practice stopped the practice of Kofuns construction.

Key words: Japan, Yamato, the Kofun period, burial mound, construction, burial chamber, archaeology.

References

- Vorob'ev M.V. *Drevnyaya Yaponiya* [Ancient Japan]. Moscow : Izd-vo vostochnoy literatury, 1958. 181 p.
- Istoriya Yaponii. Vol. 1: S drevneyshikh vremen do 1868 goda [From the Earliest Times until 1868]. Moscow : Izd-vo Instituta vostokovedeniya RAN, 1998. 659 p.
- Kavakami K., Idzumi T., Miyakara S., Urabe Yu., Okabayasi K., Nagura S. Raskopki kofuna Kurotsuka v Yanagimoto, g. Tenri, pref. Nara [Nara]. *Arkheologicheskiy zhurnal* [Archaeological Journal]. Journal of the Japanese Archaeological Association. 1999. Vol. 6, №7. C. 65–104 (in Japanese).
- Kavakami K. Gorizonta'nye kamennye komnaty i kamennye sarkofagi v forme doma [Horizontal Stone Kitchen Rooms and Stone House-Shaped Sarcophagi]. *Kofuny Yamato II* [Kofuns of Yamato 2]. Kyoto : Dzimbunsein, 2006. Pp. 35–42 (in Japanese).
- Meshcheryakov A.N., Grachev M.V. *Istoriya drevney Yaponii : uchebnoe posobie dlya vuzov* [The History of Ancient Japan: a Textbook for Colleges]. Moscow : Natalis, 2010. 544 p.
- Okabayasi K. Koloda i sarkofag [Wooden Blocks and Sarcophagus]. *Kofuny Yamato II* [Kofuns of Yamato 2]. Kyoto : Dzimbunsein, 2006. Pp. 25–34 (in Japanese).
- Khirose K. *Spravochnik po kofunam* [Reference Book on Kofuns]. Tokio : Gentosya, 2015. 174 p. (in Japanese).
- Eydukh Kh.T. *Istoriya Yaponii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Japan from Ancient Times to the Present Day]. Moscow : Nauka, 1968. 224 p.
- Imamura K. *Prehistoric Japan. New Perspectives on Insular East Asia*. Honolulu : University of Hawai'i Press, 1996. 246 p.
- Pearson R. Fifth-century rulers of the Kawachi Plain, Osaka, and Early State Formation in Japan: Some Recent Publications. *Antiquity*. June 2009. V. 83, I. 320 (DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0003598X00098641>). Pp. 523–527.

НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ*

Монгольский Алтай в археологическом плане до сих пор остается слабо изученным регионом. Особенно это касается выявления и исследования памятников древнейшей истории (эпоха камня). Основная проблема заключается в специфических природно-ландшафтных условиях. Известные объекты являются стоянками с разрушенным или несформировавшимся культурным слоем. Несмотря на это, необходимо продолжать поиск комплексов, которые позволят дать существенную информацию, а также фиксировать все находки каменного века. В 2013 г. участниками Буянтской археологической экспедиции, созданной при участии университетов г. Барнаула (Россия), г. Улаанбаатара и г. Ховда (Монголия), проведены обследования отдельных участков с целью поиска каменных артефактов. В данной статье представлены результаты такой работы, осуществленной на территории Монголии и Китая. Полученные сведения дополняют уже имеющуюся информацию, а также определяют перспективы проведения археологических раскопок и разведок. Среди обнаруженных памятников особое значение имеет стоянка Чошакбет, которая расположена в верховьях Иртыша (к юго-востоку от китайского города Фуюнь) и находится в аварийном состоянии.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, древнейшая эпоха, стоянка, экспедиция, каменные артефакты, палеолит, обследование.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-07

Введение

В настоящее время остается актуальным выявление и изучение памятников каменного века на территории Монгольского Алтая. Уже известные такие археологические объекты в основном являются стоянками с разрушенным или с несформировавшимся культурным слоем, что связано со специфическими условиями осадконакопления. Стратифицированные комплексы встречаются редко. Однако именно они демонстрируют наборы каменных орудий, которые соотносятся с хронологическими этапами различных периодов древнейшей эпохи [Деревянко и др., 1990].

Рассматриваемый регион представляет собой обширную горную систему с множеством отрогов. В административном плане он относится к Ховдскому и Баян-Ульгийскому аймакам Монголии, а также частично – к Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая. Основные хребты Монгольского Алтая направлены с северо-запада на юго-восток. Средняя их высота составляет 3500–3800 м. Протяженность Монгольского Алтая с севера на юг достигает около 1000 км. Ширина колеблется от 150 км (на юго-востоке) до 300 км (на северо-западе). В строении рассматриваемой горной системы наблюдается резкая асимметрия. Северная часть, обращенная к долинам рек Ховд, Буянт и котловине Больших озер, – короткая и относительно пологая, а южная, направленная к Джунгарской впадине, – длинная и достаточно крутая. Восточная сторона характеризуется наличием степей и полупустынь. Увлажненные западные склоны имеют леса и луга. К южным отрогам гор

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

подступает пустыня. В долинах и на плато имеются альпийские участки. В межгорных котловинах фиксируются полупустыни. По Монгольскому Алтаю проходит хорошо известный в Азии водораздел.

На кратко представленной территории сосредоточено значительное количество археологических памятников, системное изучение которых, по сути, началось совсем недавно. Предыдущие исследования заложили определенный фундамент для решения задач культурно-хронологического плана. С 2007 г. в этом ключе целенаправленно работает Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция, созданная классическими университетами Барнаула, Улаанбатаара и Ховда. В течение всего времени плановые исследования в основном осуществлялись на территории Ховдского аймака Монголии. В 2013 г. осматривались западные отроги Монгольского Алтая на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Кроме древних и средневековых памятников, обнаружены стоянки каменного века. Результаты их обследований будут представлены в данной статье.

Результаты обследований

Краткая история изучения археологических памятников Ховдского аймака, в том числе периода палеолита, изложена в переизданной монографии Б. Банмунха [2008]. После этого были опубликованы материалы, обнаруженные около г. Ховда [Кунгуров, Тишкин, 2008; Кунгуров, Тишкин, Мунхбаяр, 2011], а также хранящиеся в местном краеведческом музее [Кунгуров, Тишкин, Мунхбаяр, 2015]. Кроме них, имеются находки каменного века, полученные в ходе сборов подъемного материала в долине р. Буянт и ее притоков. Они еще не введены в научный оборот.

С целью выявления памятников палеолита в 2013 г. участниками Буянтской экспедиции обследовался участок, расположенный к северо-западу от г. Ховда (рис. 1) и к западу от центра Ховд сомона (рис. 2). Выбор данной местности был обусловлен проводимыми неподалеку археологическими раскопками.

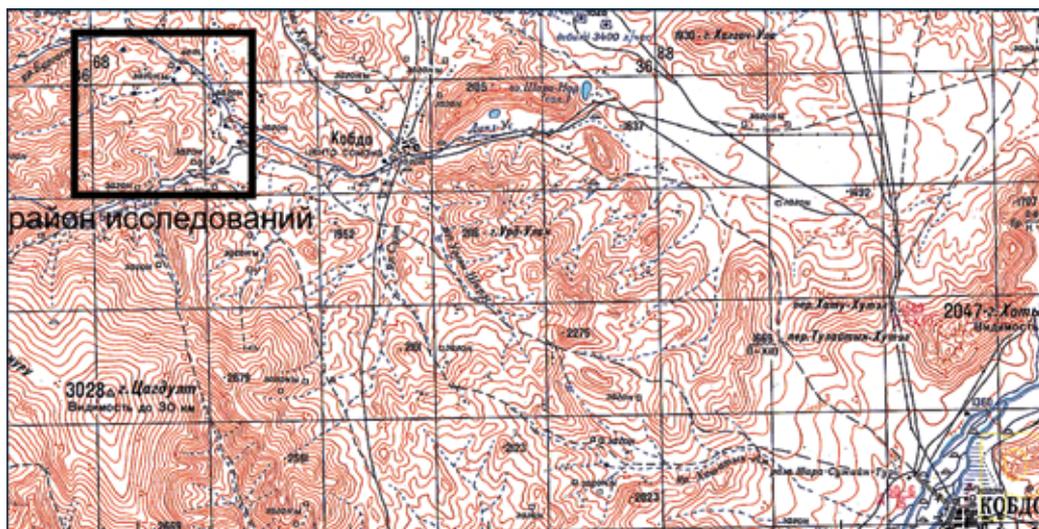

Рис. 1. Территория археологических обследований на фрагменте карты Ховдского аймака (Монголия)

В геоморфологическом плане рассматриваемая территория представляет собой долину р. Дунд ус в месте впадения ручья, который на карте обозначен как Баруун салаа (рис. 2 и 3). Долина хорошо проработана, имеет U-образный профиль. Фиксируется наличие хорошо выраженных террас. При обследовании были обнаружены три пункта местонахождений каменных артефактов (рис. 2 и 3).

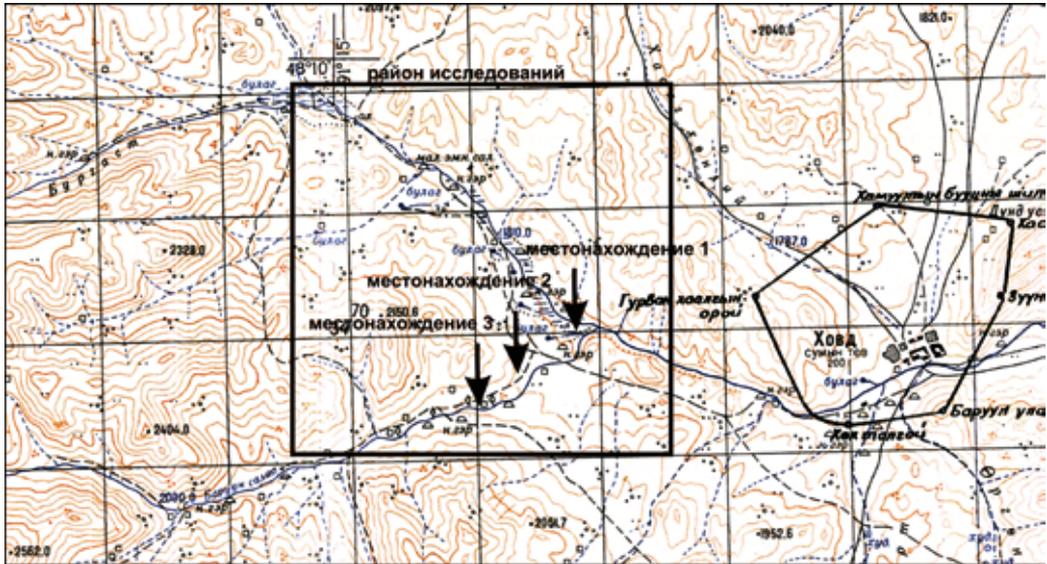

Рис. 2. Обнаруженные местонахождения в долине ручья Баруун салаа, рядом с центром Ховд сомона

Рис. 3. Вид на долину ручья Баруун салаа

Местонахождение Баруун салаа-1 расположено в районе впадения ручья Баруун салаа в р. Дунд ус (рис. 2–4). Памятник занимает площадку на второй надпойменной террасе правого борта долины. Часть памятника разрушена руслом ручья (рис. 4 и 5). Культурный слой залегает в толще грубообломочного материала делювиально-пролювиального происхождения (рис. 5).

Рис. 4. Палеолитическое местонахождение Баруун салаа-1.
Общий вид на разрушающийся памятник

Рис. 5. Место размыва культурного слоя
палеолитического местонахождения Баруун салаа-1

Археологический материал местонахождения Баруун салаа-1 представлен нуклеусом одноплощадочным для отщепов, подчетырёхугольной формы (рис. 6.-1). Фронт скалывания – выпуклый, оформлен серией поперечных сколов, площадка скошена в сторону контрфронта. Кроме этого, найдены пластинчатый отщеп (рис. 6.-3), зубчато-выемчатое орудие, выполненное на медиальном фрагменте пластины (рис. 6.-8), и серия обычных отщепов (например: рис. 6.-4, 7).

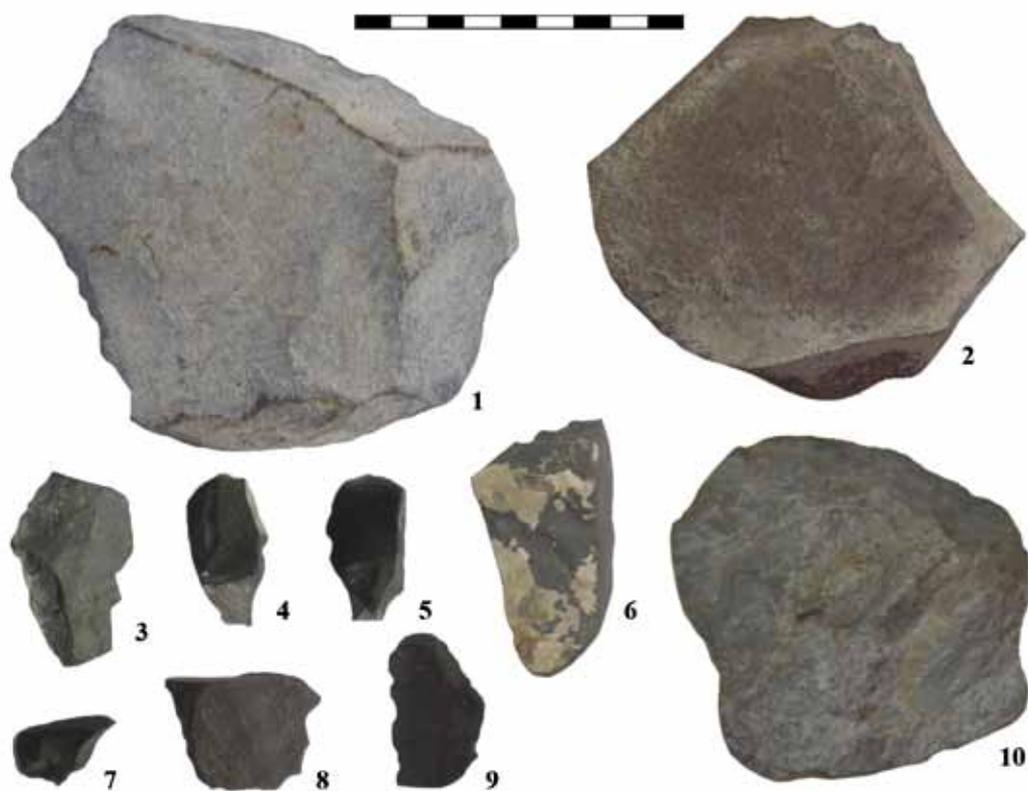

Рис. 6. Каменные артефакты, обнаруженные на палеолитических местонахождениях Баруун-1, 2 и 3

Местонахождение Баруун салаа-2 располагается на второй надпойменной террасе правого борта долины (рис. 2 и 3). Памятник занимает площадку, образованную конусом выноса (рис. 7).

Археологический материал местонахождения Баруун салаа-2 представлен крупным леваллуазским сколом (рис. 6.-2) и обычными отщепами (например: рис. 6.-7).

Местонахождение Баруун салаа-3 расположено на первой надпойменной террасе правого борта долины ручья Баруун салаа (рис. 2 и 3). Памятник занимает площадку, образованную мысовидным выступом первой надпойменной террасы (рис. 8).

Археологический материал местонахождения Баруун салаа-3 представлен бифасиально подготовленной преформой нуклеуса для отщепов (рис. 6.-10). Плоский контрфронт сохраняет естественную поверхность. Гладкая ударная площадка скошена к контрфронтну. Собраны и обычные отщепы с ретушью (рис. 6.-6, 9).

Рис. 7. Местонахождение Баруун салаа-2

Рис. 8. Местонахождение Баруун салаа-3

Незначительный орудийный набор местонахождений Баруун салаа-1–3 демонстрирует такие верхнепалеолитические типы, как зубчатые орудия, концевые скребки, при сохранявшемся доминировании мустьерского технокомплекса. Данный комплекс отражает заключительный этап ранней поры верхнего палеолита.

Все обнаруженные археологические находки были переданы в музей Ховдского государственного университета. Эти материалы дополняют не только сведения о древнейшей эпохе Монгольского Алтая, но и обозначают новые памятники на археологической карте Ховдского аймака.

Археологические обследования, предпринятые сотрудниками Алтайского государственного университета в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, осуществлялись впервые. Они были реализованы совместно с китайскими коллегами*. Основной целью ознакомительных работ являлся осмотр археологических памятников, музейных коллекций и отдельных находок для проведения сравнительного анализа с материалами, полученными на сопредельных территориях Монголии, России и Казахстана. Среди других задач следует отметить поиск стоянок каменного века, а также выявление комплексов разных периодов древней и средневековой истории. При этом особое внимание уделялось фиксации объектов чемурческой культуры, «коленных» камней, тюркских изваяний и наскальных рисунков.

Отдельной деятельностью являлось изучение музейных экспозиций. Большая часть осмотренных находок уже известна специалистам. Однако были зафиксированы и новые материалы, в том числе касающиеся эпохи камня. Прежде чем представить полученные результаты, кратко изложим состояние дел в изучении палеолита Синьцзяна на основании уже опубликованных сведений в русскоязычных изданиях [Деревянко и др., 1990; 2007; 2012; Деревянко, Комиссаров, 1997; и др.].

Первые сборы древнейших каменных артефактов на рассматриваемой территории связываются с именами Тейяра де Шардена и Яна Чжунцзяня. В 1931 г. на трех местонахождениях в районе Хамийской котловины ими было обнаружено несколько крупных, сильно патинизированных изделий архаичного облика. В 1950-е гг. в том же регионе исследования проводили китайские археологи. Была собрана коллекция каменных орудий из крупных оббитых галек. В 1950–1970-е гг. на разных выявленных стоянках преобладали микролиты. На берегу р. Ташкурган на Памире (запад Синьцзяна) были обнаружены изделия палеолитического облика [Деревянко, Комиссаров, 1997]. Только с конца 1980-х гг. результаты этих исследований стали вводиться в научный оборот.

Во 2-й половине 1980-х – начале 1990-х гг. совместными экспедициями Академии наук КНР и Аризонского университета (США) было выявлено несколько местонаждений. В Джунгарии исследования концентрировались в долине р. Эрциси (Иртыш), на территории уезда Хабахэ. Бифасы, найденные там, и скребки, обнаруженные в той же долине на местонахождении Киченжи, могут являться формами, которые представляют леваллуазскую технологию. В 1993 г. в долине Иртыша были открыты шесть местонаждений, два из которых дали важные находки. Среди материалов выделены группы остроконечников, концевых скребков и выемчатых орудий. Такой же типологический набор был обнаружен при обследовании в 1995 г. местонаждений Цзяохэ и Чайвопу [Деревянко, Комиссаров, 1997, с. 45]. Палеолитические объекты, обнаруженные в Синьцзяне, являются памятниками с открытым залеганием артефактов.

Несмотря на постепенно расширяющуюся источниковую базу по палеолиту Синьцзяна, актуальным являлось и остается проведение планомерных изыскательских работ. Китайские археологи только приступают к организованному выявлению и изучению исходных данных по палеолиту Синьцзян-Уйгурского автономного района. В этом процессе в основном участвуют археологи из Пекина, а также зарубежные специалисты.

* Авторы статьи выражают благодарность профессору Л. Чжану за организацию поездки.

«В июне 2004 г. исследовательским отрядом совместной Китайско-Российско-Американской археологической экспедиции (руководители: с российской стороны – академик А.П. Деревянко (ИАЭТ СО РАН), с американской – профессор Д. Олсен (Университет штата Аризона), с китайской – профессор Гао Син (Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской АН)) в северо-западной части Синьцзяна (Джунгария) была проведена археологическая разведка. Она стала своего рода логическим продолжением археологических исследований, проводившихся в середине 1980-х гг. Советско-Монгольской комплексной археологической экспедицией на территории Монгольского Алтая. Некоторые маршруты этой экспедиции проходили по восточной (относительно Джунгарии) части Алтая, в долинах рек Барлагин-Гол и Уэнч [Деревянко и др., 1990]. Территория Джунгарии и так называемого Джунгарского прохода (разрыв в цепи системы горных хребтов Центральной Азии, находящихся на стыке Российского и Казахского Алтая, горных систем Монголии и бассейна р. Желтой) была выбрана объектом изучения с учетом ее исключительно важного географического положения» [Деревянко и др., 2012, с. 4].

Материалы, полученные на обнаруженном местонахождении Лотоши с поверхностным залеганием артефактов, которое было обнаружено в 2004 г. исследовательским отрядом совместной Китайско-Российско-Американской археологической экспедиции, опубликованы [Деревянко и др., 2012]. В результате было установлено, что найденный комплекс «...относительно гомогенный». Он характеризуется «...сочетанием леваллуазской и пластинчатой подпризматической технологий расщепления». Орудия местонахождения Лотоши находят аналоги в индустриях памятников Горного Алтая, «...стоянок Орхон-1 и Толбор-4 (Монголия), а также в комплексах стоянки Шуйдонгоу (Ордос), относящихся к начальной стадии верхнего палеолита». Лотоши оказалось «...первым местонахождением, обнаруженным в Северо-Западном Китае, которое принадлежит к ареалу пластинчатых культур ранней стадии верхнего палеолита» [Деревянко и др., 2012, с. 2].

В связи с вышеизложенным, перед отрядом из Алтайского государственного университета стояла задача выявления древнейших стоянок в районе запланированных обследований и осмотров (по западным отрогам Монгольского Алтая и в других местах намеченного маршрута). В этом процессе был важен опыт одного из авторов статьи, полученный при выявлении и изучении памятников палеолита в Южном Казахстане в составе экспедиций Института археологии и этнографии СО РАН. Следует указать, что наши китайские коллеги не могли в этом плане помочь, так как данная тема была вне поля их компетенций. Поиск необходимых археологических объектов и находок усложняло сильное антропогенное воздействие в ходе современной хозяйственной деятельности. Тем не менее перспективы имелись, особенно на территориях, которые используются исключительно скотоводами.

В археологическом обследовании участка к юго-востоку от города Фуюнь, расположенного в долине Иртыша (в Китае этот участок реки называется Черный Иртыш), приняли участие не только сотрудники Алтайского государственного университета и профессор Северо-Западного университета Л. Чжан, но и представители местного органа охраны культурного наследия и музея (рис. 9). Основной задачей перед выездом был осмотр крупного комплекса с петроглифами в урочище, где располагается так называемая «Высокая могила» (рис. 10) – памятник над казахским погребением этнографического времени. При этом осматривалась ближайшая территория урочища.

Рис. 9. Российские и китайские участники проведенных обследований стоянки Чошакбет и ближайших петроглифических комплексов

Рис. 10. Казахское захоронение «Высокая могила» и вид на долину в месте расположения стоянки Чошакбет

В результате визуального обследования с точки зрения геоморфологии было выделено несколько участков, перспективных для поиска памятников эпохи палеолита. На одном из таких участков, расположенном на правом борту долины реки Иртыша, и был обнаружен археологический объект, получивший обозначение «Палеолитическая стоянка Чошакбет» (в переводе с казахского языка – «Высокая могила») (рис. 11, 12).

Геоморфологически стоянка Чошакбет (рис. 11) расположена на высоких террасах правого борта долины Черного Иртыша, в месте впадения в него безымянного ручья с нестабильным водотоком (рис. 13 и 14). Географические координаты памятника такие: N – 47°01'33,79", E – 89°01'22,91". Рядом находится гора с петроглифами, датируемыми в основном аржано-майэмирским временем (рис. 14). Этот комплекс выявлен недавно и еще не изучался специалистами. Сведения о нем не отражены в научных публикациях.

Рис. 11. Место расположения палеолитической стоянки Чошакбет (снимок из космоса)

Рис. 12. Геоморфология палеолитической стоянки Чошакбет (снимок из космоса)

Рис. 13. Вид на разрушающуюся часть палеолитической стоянки Чошакбет

Рис. 14. Вид на скальный массив с петроглифами

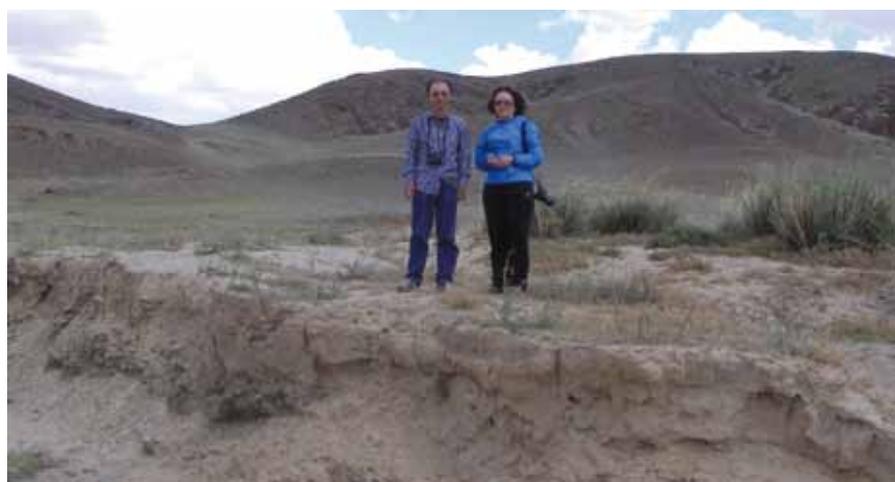

Рис. 15. Китайские коллеги на месте размыва культурного слоя палеолитической стоянки Чошакбет

Питание имеющегося ручья, по всей видимости, снежно-дождевое. В период половодья ручей размывает лессовые отложения высокой террасы, которые и вмещают культурный слой памятника (рис. 13, 15). На косах ручья и в обрыве размывших им лессовых отложений найдены многочисленные орудия и отходы производства, представленные нуклеусами, нуклеидными изделиями, пластинами и их фрагментами и ощепами (рис. 16). Все собранные находки были переданы сотрудникам местного музея, которые участвовали в проведении работ. Сначала они отказывались брать с собой каменные артефакты. Однако через переводчика удалось убедить использовать их для экспозиции музея.

Рис. 16. Каменные артефакты из размывого слоя стоянки Чошакбет

Коллекция каменных изделий данного комплекса насчитывает несколько десятков артефактов, представленных в основном различными типами сколов, осколками и обломками исходного сырья (рис. 16; 17.-2), каменной пластиной (рис. 16.-1) и дистальным фрагментом призматического нуклеуса (рис. 16.-2). Среди обнаруженных каменных изделий особое внимание заслуживает нуклеус для получения подтреугольной заготовки. Оформление выпуклости фронта скалывания и контрфронта осуществлено центростремительными сколами. Ударная площадка оформлена несколькими среднего размера сколами, произведенными со стороны фронта скалывания, которыми задана скошенность площадки к контрфронту. Фронт скалывания и контрфронт – выпуклые, оформлены, как и латерали, тщательной бифасиальной отделкой (рис. 17.-1).

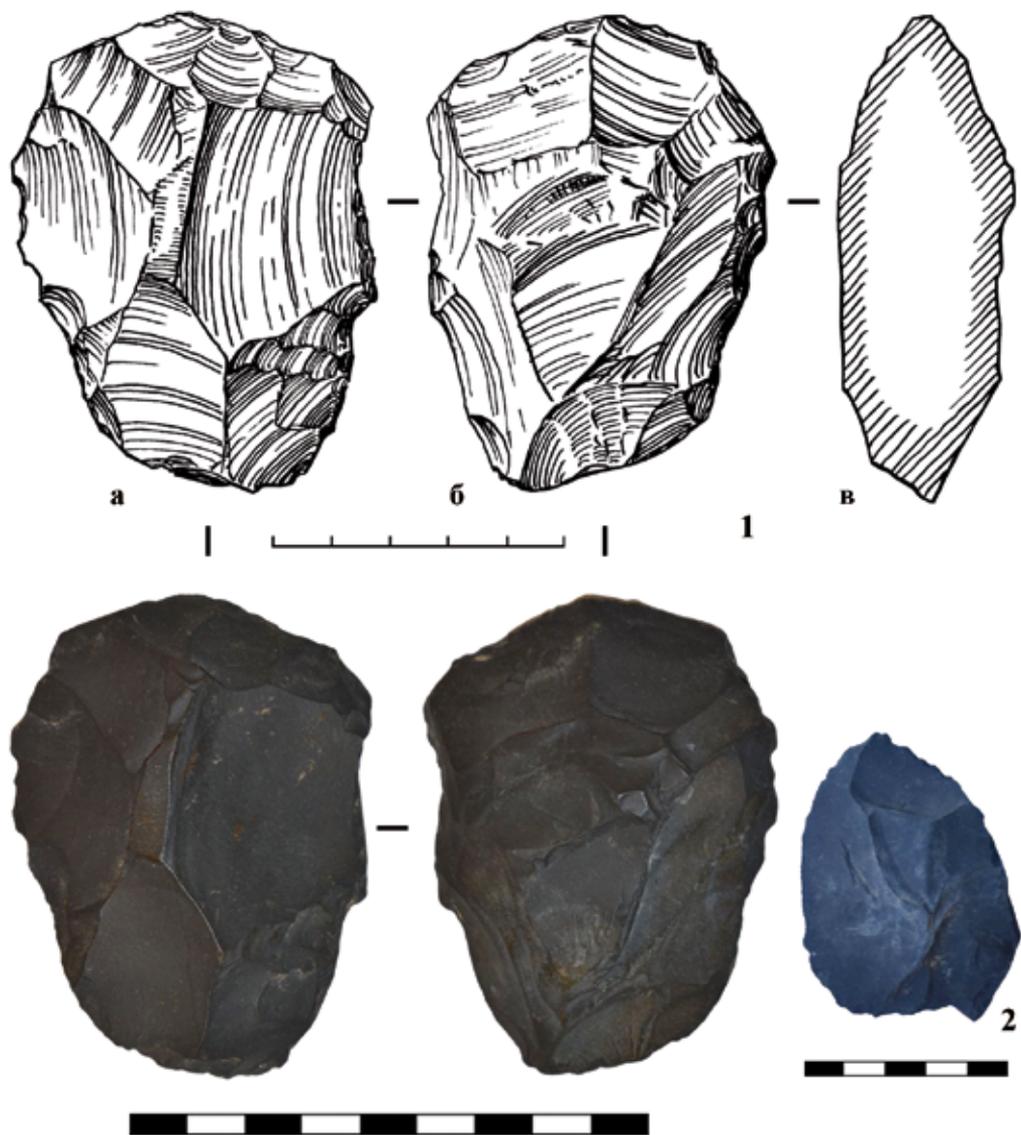

Рис. 17. Стоянка Чошакбет. Обнаруженные бифасы

Заключение

Синьцзян, по всей видимости, в далеком прошлом представлял собой межрегиональный «коридор», по которому осуществлялся транзит культурных достижений древних охотников юго-запада и населения пространств северо-востока и востока. Палеолитический Синьцзян мог быть аккумулятором особенностей леваллуазских литотехнологий, но древнее население этого региона могло выступать и в роли самостоятельного генератора новых форм технопродукцирования, оказавших определенное влияние на соседей [Деревянко, Комиссаров, 1997; Деревянко и др., 2012].

Палеолитический памятник, впервые обнаруженный и идентифицированный специалистами Алтайского государственного университета, имеет хорошие перспективы для стационарных исследований. Данная необходимость обусловлена и аварийным состоянием комплекса. Следует продолжить обследования с целью выявления древнейших археологических объектов в Джунгарии.

Обследования, проведенные на отдельном участке Ховдского аймака Монголии и в западных отрогах Монгольского Алтая в Синьцзяне, показали перспективность продолжения данной деятельности.

Библиографический список

Бантмунх Б. Монгол Алтай нуруулны тов хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : БИТПРЕСС, 2008. 141 т (на монг. яз.).

Деревянко А.П., Гао Син, Олсен Д., Рыбин Е.П. Палеолит Джунгарии (Северо-Западный Китай) : по материалам местонахождения Лотоши // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4. С. 2–18.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Маляева Е.М. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск : Наука, 1990. 646 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурен Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1. С. 16–38.

Деревянко А.П., Комиссаров С.А. К проблеме синьцзянского палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 43–47.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Местонахождение каменных артефактов около г. Ховда // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 73–85

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч. Буянт (Монгол Алтай) голын сав дахь чулуун зэвсгүүд // Туухийн товчон. Т. VI. Улаанбаатар : Соембо принтинг, 2011. С. 115–132 (на монг. яз.).

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч. Артефакты эпохи камня из Ховдского музея // Туухийн товчон. Т. VIII. Улаанбаатар : Соембо принтинг, 2015. С. 115–121 (на рус. яз.).

V.P. Semibratov, A.A. Tishkin

NEW OBJECTS OF THE STONE AGE IN THE TERRITORY OF MONGOLIAN ALTAI

Mongolian Altai in archaeological terms still remains a poorly studied region. Especially it concerns identification and research of the sites of the most ancient history (Stone Age). The main problem is specific natural and landscape conditions. The objects which are already known are the sites with the destroyed or not created cultural layer. Despite this, it is necessary to continue the search the complexes that will provide essential information as well as record all findings of the Stone Age. In 2013 the participants of the Buyant archaeological expedition created with the assistance of the universities of Barnaul (Russia), Ulaanbaatar and Hovd (Mongolia) conducted examinations of several sites with the purpose to search stone artifacts. The

article presents the results of the work is carried out in the territory of Mongolia and China. The received data complement already available information, and also define prospects of carrying out archeological excavations and investigations. Among the found monuments the most significant are the Choshakbet site which is located in upper stream of the Irtysh (to the southeast from the Chinese city Fuyun) and is in a critical condition.

Key words: Mongolian Altai, the most ancient era, site, expedition, stone artifacts, Palaeolithic, inspection.

References

Bantmunkh B. Mongol Altay nuruulny tov khesgiyn arkheologiyn dursgaluud. Ulaanbaatar : BITPRESS. 2008. 141 p. (in Mongolian).

Derevyanko A.P., Gao Sin, Olsen D., Rybin E.P. Paleolit Dzhungarii (Severo-Zapadnyy Kitay) : po materialam mestonakhozhdeniya Lotoshi [Paleolithic of Dzungaria (Northwest China): Based on the Location of Lotosha]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2012. №4. Pp. 2–18.

Derevyanko A.P., Dorzh D., Vasil'evskiy R.S., Larichev V.E., Petrin V.T., Devyatkin E.V., Ma-laeva E.M. Kamenny vek Mongolii: Paleolit i neolit Mongol'skogo Altaya [Mongolia in the Stone Age: Paleolithic and Neolithic of Mongolian Altai]. Novosibirsk : Nauka. 1990. 646 p.

Derevyanko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen D., Tseveen-dorzh D., Gunchinsuren B. Tekhnologiya rasshchepleniya kamnya na rannem etape verkhnego paleolita Severnoy Mongolii [Stone Splitting Technology at the Early Stage of the Upper Paleolithic in Northern Mongolia]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2007. № 1. Pp.16–38.

Derevyanko A.P., Komissarov S.A. K probleme sin'tszyanskogo paleolita [The Problem of Xinjiang Paleolithic]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories Vol. 3. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN. 1997. Pp. 43–47.

Kungurov A.L., Tishkin A.A. Mestonakhozhdenie kamennykh artefaktov okolo g. Khovda [The location of the stone Artifacts near the City of Khovd] Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [The Theory and Practice of Archaeological Research]. Issue 4. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. Pp. 73–85.

Kungurov A.L., Tishkin A.A., Munkhbayar Ch. Buyant (Mongol Altay) golyn sav dakh' chuluun zevsguud // Tuukhiyn tovchon. T. VI. Ulaanbaatar : Soembo printing. 2011. Pp. 115–132 (in Mongolian).

Kungurov A.L., Tishkin A.A., Munkhbayar Ch. Artefakty epokhi kamnya iz Khovdskogo muzeya [Artifacts of the Stone Age from the Hovd Museum]. Tuukhiyn tovchon. T. VIII. Ulaanbaatar : Soembo printin., 2015. Pp. 115–121 (in Russian).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902/904

А.П. Бородовский¹⁻², М. Крапиек³, Л. Олещак³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

³Ягеллонский университет, Краков, Польша

ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ГЕОЛОГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЧУЛТУКОВ ЛОГ-1*

Статья представляет результаты радиоуглеродного датирования поликультурных курганов Чултукова Лога-1. Этот некрополь является одним из самых репрезентативных погребальных комплексов эпохи раннего железа горной долины Нижней Катунь. Масштабность, поликультурность и неграбленность некрополя открывают широкие перспективы для историко-культурных реконструкций, хронология которых опирается на результаты радиоуглеродного датирования. Серия радиоуглеродных дат, полученная из захоронений с различной культурной принадлежностью (быстрянской, пазырыкской, каракобинской) и признаками древней сейсмоактивности, существенно дополняет культурно-хронологическую колонку Северного Алтая эпохи раннего железа. Значительное количество каменных конструкций курганов имеет следы древней сейсмоактивности. Время древнего землетрясения по радиоуглеродным данным в целом соответствует периоду 2-й половины I тыс. до н.э. Курганы №111 и 112 (МКЛ-2524, 2280 ± 70 лет назад; МКЛ-2525, 2310 ± 80 лет назад), перекрытые массивными скальными блоками, переместившимися с горного склона, по результатам радиоуглеродного датирования (с учетом калибровки) могут быть отнесены к достаточно узкому хронологическому интервалу с 541–164 гг. до н.э. и до 591–174 гг. до н.э.

Ключевые слова: Горный Алтай, радиоуглеродное датирование, эпоха раннего железа, поликультурные некрополи, следы древней сейсмоактивности.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-08

Введение

В настоящее время для целого ряда погребальных памятников эпохи раннего железа Северного и Северо-Западного Алтая получены серии радиоуглеродных дат, открывающие новые перспективы для определения их хронологии [Тишкин, 2007; Тишкин, Дашковский, 2007; Бородовский, Олещак, 2014; и др.], уточнения общей периодизации культур, характера их взаимоотношений, а также последствий геологических событий, включая древнюю сейсмоактивность. Особое значение для точности и качества этих данных, касающихся отбора исходных образцов, имеет репрезентативность археологических источников. Такому требованию в полной мере соответствует масштабный, поликультурный и неграбленный некрополь Чултуков Лог-1, расположенный в горной долине Нижней Катунь (рис. 1, 2). Этот погребальный комплекс в полной мере отражает как локальное культурное своеобразие населения эпохи раннего железа Северного Алтая, так и общие тенденции культуругенеза Алтайской горной страны во 2-й половине I тыс. до н.э.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культуры на территории Северной Азии».

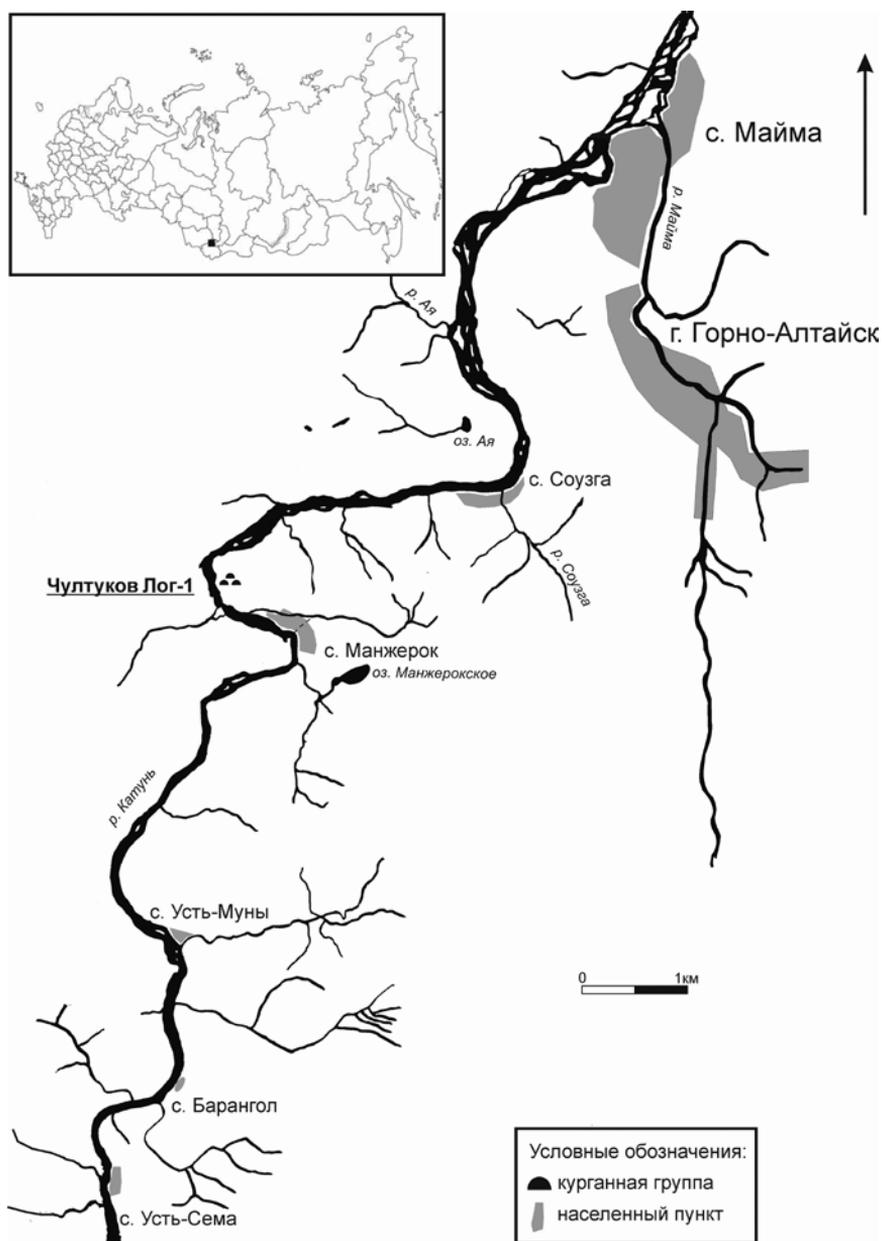

Рис. 1. Расположение курганной группы Чултуков Лог-1

Материалы и методы

В качестве материалов для радиоуглеродных датировок из некрополя Чултуков Лог-1 [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 38–40] использованы не только кости погребенных, но и сожженные детали от различных деревянных внутримогильных конструкций и сооружений (рис. 2). Всего было получено более одного десятка радиоуглеродных дат (рис. 3).

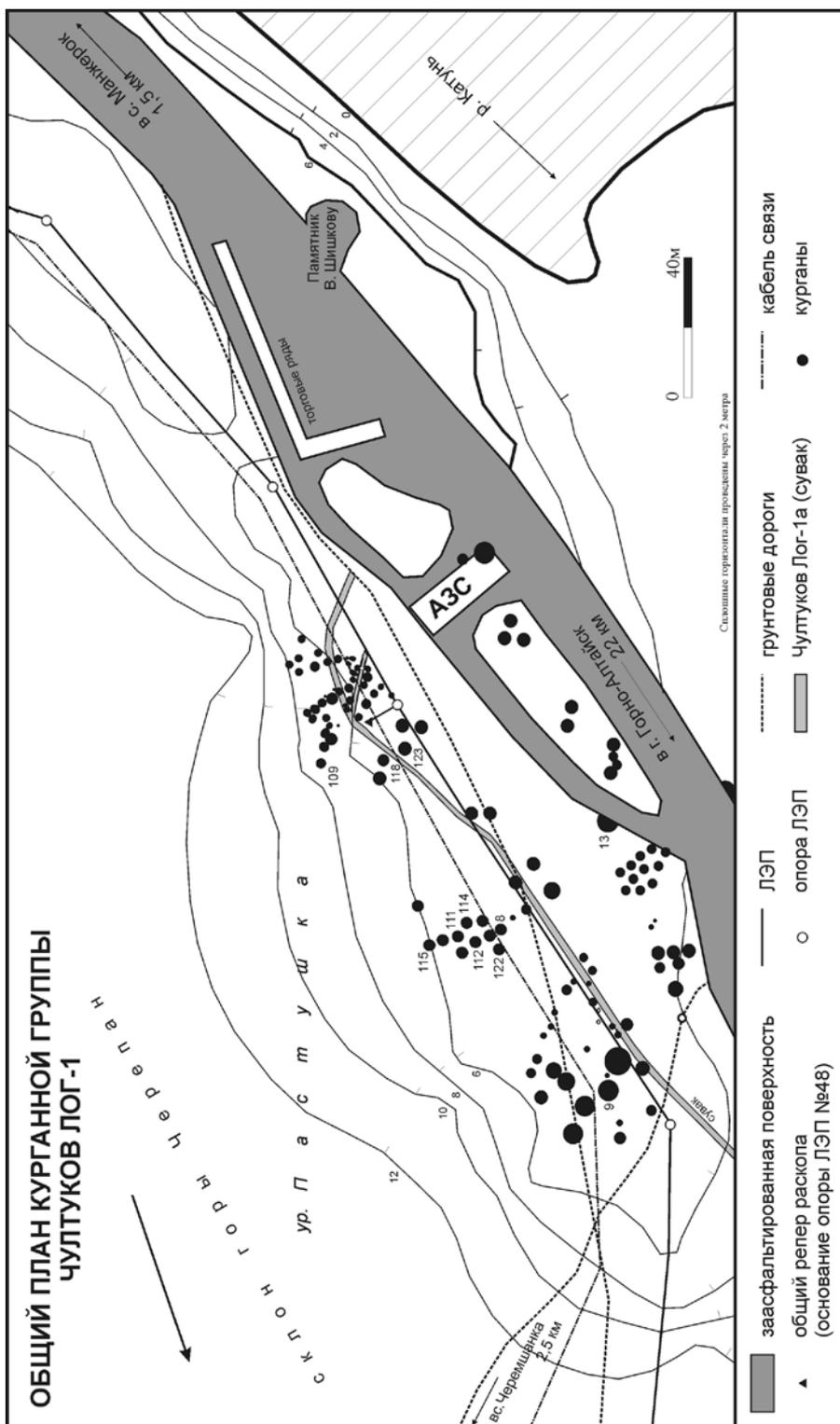

Рис. 2. План курганной группы Чултуков Лог-1 с курганами, продатированными по ¹⁴С

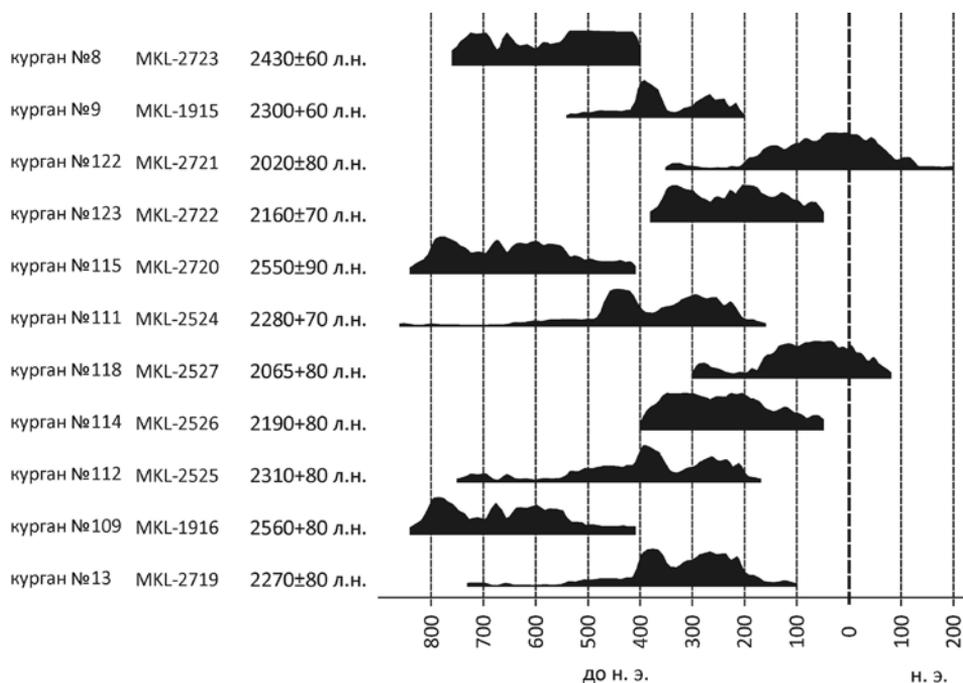

Рис. 3. Калиброванные радиоуглеродные датировки погребений курганной группы Чултуков Лог-1

В основу отбора образцов для радиоуглеродного датирования курганов некрополя Чултуков Лог-1 было положено несколько принципов, среди которых отметим поликультурный, планиграфический и палеосейсмологический. В соответствии с принципом поликультурности в общую группу курганов для отбора образцов включены погребальные объекты, относящиеся к различным культурным традициям (быстринской, пазырыкской, кара-кобинской) эпохи раннего железа. Предварительная идентификация этих захоронений была установлена на основе традиционных археологических методов (характеристики особенностей погребальной обрядности, аналогий и типологии предметного комплекса) (рис. 4).

Радиоуглеродное датирование поликультурных захоронений носителей быстринской, пазырыкской, кара-кобинской культурных традиций позволяет установить последовательность существования, а также их взаимодействие (рис. 3). Для датированных по ^{14}C кара-кобинских курганов №8, 111, 114 и 115 (МКЛ-2723 2430 ± 60 л.н.; МКЛ-2524 2280 ± 70 л.н.; МКЛ-2526 2190 ± 80 л.н.; МКЛ-2720 2550 ± 90 л.н.) Чултукова Лога-1 общий хронологический интервал их бытования соответствует периоду с 843 по 51 г. до н.э. Время существования пазырыкских курганов №9, 112, 118, 122, 123 (МКЛ-1915 2300 ± 60 л.н.; МКЛ-2525 2310 ± 80 л.н.; МКЛ-2527 2065 ± 80 л.н.; МКЛ-2721 2020 ± 80 л.н.; МКЛ-2722 2160 ± 70 л.н.) укладывается в более поздний временной промежуток с 591 г. до н.э. по 138 г. н.э. Такие данные могут соотноситься с уже выдвинутыми предположениями о более раннем, автохтонном существовании кара-кобинской культуры и более позднем существовании пазырыкской культуры в Горном Алтае [Кубарев, Шульга, 2007, с. 13–16; Бородовский, Бородовская, 2013,

с. 67]. Следует заметить, что общая хронология пазырьских курганов (№9, 112, 118, 122, 123) Чултукова Лога-1, уже имеющих радиоуглеродные датировки, соответствует всему периоду бытования этой культурной традиции в Горном Алтае. Это лишний раз подтверждает предположение о распространении и существовании носителей пазы-

Рис. 4. Погребения курганной группы Чултуков Лог-1 с радиоуглеродными датировками: 1 – погребение кургана №13; 2 – погребение кургана №9; 3 – погребение кургана №112; 4 – погребение кургана №114; 5 – погребение кургана №121; 6 – погребение кургана №123; 7 – погребение кургана №122; 8 – погребение кургана №118; 9 – погребение кургана №111; 10 – погребение кургана №115; 11 – погребение кургана №109

рыкской археологической культуры на всей территории горного региона, вследствие чего в дальнейшем стало возможным формирование локальных вариантов [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 67].

Результаты радиоуглеродной датировки курганов Чултукова Лога-1 крайне важны для установления «деталей» общего и локального характера «взаимоотношений» представителей пазырыкской и кара-кобинской культур, тем более, что курганы этих различных культурных традиций располагались как изолированно, так и компактно. Такая ситуация достаточно типична для всего Горного Алтая [Кубарев, Шульга, 2007, с. 14–15].

Поэтому планиграфический принцип отбора образцов из курганов заключался в получении образцов для радиоуглеродного датирования не только из различных участков некрополя, включая его периферийные и центральные площадки, а также одну и различные цепочки курганов в соответствии с их расположением на общем погребальном поле.

Наиболее репрезентативной для радиоуглеродного датирования является поликультурная цепочка курганов (№8, 111, 114, 115, 122) Чултукова Лога-1, расположенная в центральной части некрополя (рис. 4.-1, 4, 7, 9, 10; рис. 5). Там пазырыкские курганы, пристроенные к осевым кара-кобинским курганам, «появляются» в более позднем хронологическом интервале с 581 по 174 г. до н.э. и продолжают существовать до 211 г. до н.э. – 138 г. н.э. При этом для кара-кобинских и пазырыкских курганов (№111 и 112), расположенных рядом, отмечается близость хронологии их «бытования» (541–164 гг. до н.э., 591–174 гг. до н.э.). Такая синхронизация компактно расположенных разнокультурных погребальных комплексов подтверждается традиционными методами археологического датирования их сопроводительного инвентаря.

Для продатированных по ^{14}C пазырыкских курганов, расположенных в центре (№9, 112, 122) и на южной периферии некрополя (№118, 123), характерна как определенная синхронность в поздний период их бытования (с 336 г. до н.э. по 51 г. н.э., а также с 211 г. до н.э. по 138 г. н.э.), так и более ранние даты (с 531 по 198 г. до н.э.) типично пазырыкских курганов (№9), расположенных в центре могильного поля (рис. 4.-2–3, 6–8; рис. 5). Хронология этих погребальных комплексов подтверждается и традиционным археологическим датированием их сопроводительного инвентаря (керамический сосуд, бронзовые зеркало, нож) и пазырыкскими особенностями причесок – головных уборов с металлическими (железными, бронзовыми) заколками [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 65].

Обсуждение результатов

В целом на основании всех данных можно предварительно говорить о более раннем «заполнении» центральной части некрополя, где расположена значительная часть курганов в сравнении с его южной периферией, для которой также характерна существенная плотность расположения курганных погребальных конструкций. Такой вывод достаточно любопытен с «нескольких сторон». Во-первых, это позволяет не так однозначно трактовать существующую точку зрения о том, что южная сторона в погребальном пространстве эпохи раннего железа является наиболее престижной [Марсадолов, 2000, с. 17–18]. Для Чултукова Лога-1, представленного более 100 курганами, можно констатировать, что надмогильные конструкции больших размеров (диаметром до 15 м), снабженные значительным количеством сопроводительного инвентаря, рас-

полагаются преимущественно в центральной части некрополя. Кроме того, на южной части некрополя, кроме существования поздних пазырыкских курганов (№118, 123), синхронных с отдельными аналогичными захоронениями в центре (№122), представлены еще более поздние курганы майминской культуры [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 56], стратиграфически перекрывающие погребальные конструкции пазырыкского времени (рис. 4.-6–7; рис. 5).

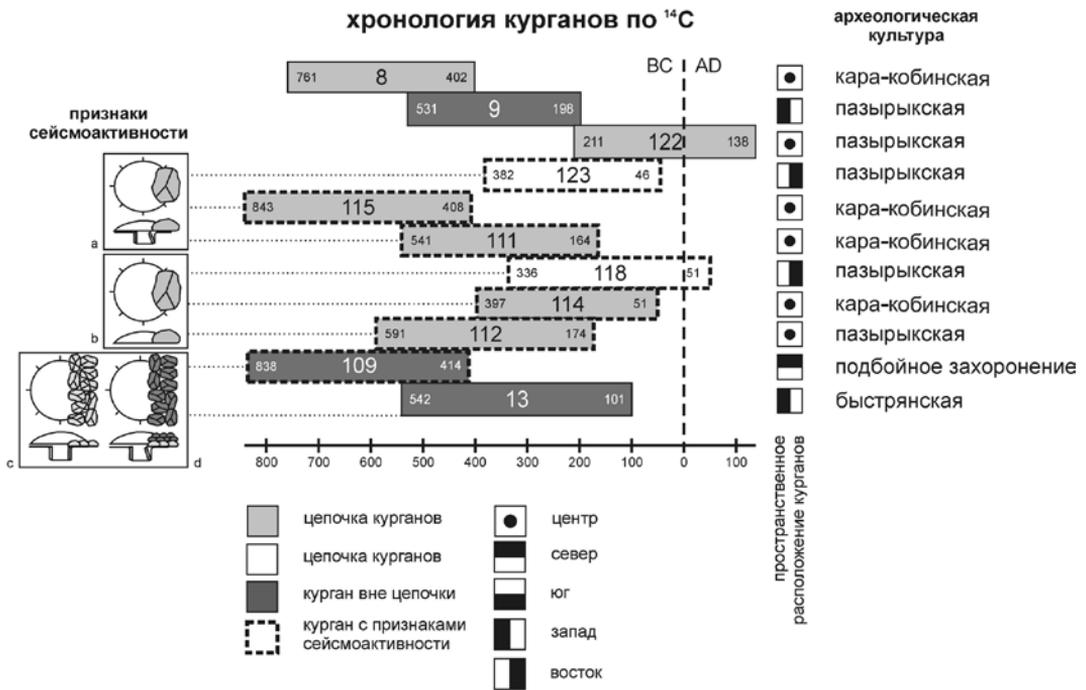

Рис. 5. Хронология поликультурных курганов Чултукова Лога-1 с радиоуглеродными датами: *a-d* – признаки воздействия древней сейсмоактивности на каменные конструкции курганов: *a* – перекрытие каменной конструкции кургана крупным камнем и смещение деталей внутримогильной каменной конструкции; *b* – перекрытие каменной конструкции кургана крупным камнем; *c* – расположение каменной конструкции кургана на горной осыпи; *d* – сочетание размещения каменной конструкции кургана на горной осыпи с перекрытием ее грубообломочным материалом со склона и деформацией деталей каменной внутримогильной конструкции

Во-вторых, судя по хронологии курганов в центре могильника, полученных естественно-научными (радиоуглеродным) и традиционными археологическими методами, выявлены определенные несоответствия при их датировке по отдельным категориям сопроводительного инвентаря. В частности, речь идет о металлических ножах, для которых на территории некрополя Чултуков Лог-1 ранее были прослежены следующие особенности: на его южной периферии в могилах представлены исключительно медные изделия, тогда как в центральной части могильника в захоронениях встречались как медные, так и железные ножи при явном доминировании последних. При этом здесь достаточно широко были распространены железные ножи

с кольчатым окончанием, традиционная археологическая датировка которых, как правило, «укладывается» в IV–III вв. до н.э. позднепазырыкского этапа [Кубарев, Шульга, 2007, с. 127, 256, рис. 61.-16, 18, 19] или даже еще более позднего времени IV–II вв. до н.э. [Фролов, 2008, с. 383, рис. 152.-36–37]. Учет данных перекрестного датирования (естественно-научного и традиционно археологического) погребальных комплексов с этой разновидностью предметов позволяет лишней раз усомниться в точности определения хронологии захоронений по какой-то одной, даже достаточно «динамично модифицирующейся» категории предметов.

В-третьих, поздние радиоуглеродные даты некоторых пазырыкских курганов Чултукова Лога-1 (№118 и 122), близкие к рубежу эр, позволяют поставить вопрос о соотношении этой погребальной традиции с майминскими захоронениями «гунно-сарматского» времени, представленными также на этом некрополе [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 182–185] (рис. 4.-7, 8; рис. 5). Такая проблема имеет важное значение для всего Горного Алтая. Поскольку, с одной стороны, для синхронной булан-кобинской культуры признается существенное наследие погребальной традиции эпохи раннего железа [Мамадаков, 1990, с. 15–18]. С другой стороны, в рамках «гунно-сарматского» времени актуален вопрос о соотношении майминской и булан-кобинской культур Алтая. При этом ряд погребальных майминских комплексов (курган №87, Майма VII; Усть-Муны I, курганы №60–63, 67, 70, 73 Чултуков Лог-1) Северного Алтая, на наш взгляд, необоснованно идентифицируются как булан-кобинские [Серегин, Матренин, 2014, с. 135, 142, 145].

В-четвертых, важным результатом для определения хронологии и уточнения культурной принадлежности является радиоуглеродная датировка (MKL-1916 2560 ± 80 л.н.) захоронения в подбое (курган №109) Чултукова Лога-1 (рис. 4.-1; рис. 5). Погребения в подбоях эпохи раннего железа эпизодически встречаются на территории Горного Алтая (Яконур, Агафонов лог [Молодин, Бородовский, 1994]). Хронология этих захоронений и их культурная принадлежность, включая их немногочисленность, не однозначны. Прежде всего, подчеркнем, что бытование кургана №109 с подбоем (839–414 гг. до н.э.) почти синхронно с кара-кобинскими (№8, 115) и пазырыкскими (№9) погребальными комплексами (843–198 гг. до н.э.) в центре некрополя Чултуков Лог-1 (рис. 4.-1, 2, 10; рис. 5). С этими культурными традициями их сближает наличие в захоронении кургана №109 плитняка, перекрывающего нишу в подбой, и нескольких деревянных сожженных жердей, предварительно уложенных в коническую конструкцию у его входа (рис. 5.-11). Последняя особенность может соответствовать переносным «шатрам для курения конопля», обнаруженным в элитных курганах Пазырыка [Руденко, 1953]. Следует подчеркнуть, что жженные жерди, уложенные в коническую конструкцию, были зафиксированы в пазырыкских захоронениях (курган №114) в центральной части некрополя Чултуков Лог-1 (рис. 5.-4). Однако говорить однозначно о культурной принадлежности погребенного в кургане №109 достаточно сложно прежде всего потому, что поза захороненного не совсем типична для кара-кобинской и пазырыкской погребальных традиций. В нише подбоя располагался скелет взрослого человека, он был ориентирован головой на юг – юго-восток и лежал на правом боку. Скелет располагался лицом вниз, позвоночник был сильно искривлен, кости лопаток плотно сведены друг к другу. Достаточно близко друг от друга находились локтевые кости погребенного. Это позволяло предполагать, что захороненный

был связан. Руки погребенного оказались слегка согнуты в локте и располагались между тазовыми костями. Кости ног были согнуты в коленях, лежали одна на другой и были смещены друг относительно друга (верхняя относительно нижней). Череп захороненного сильно был завален вниз относительно других костей скелета. Из сопроводительного инвентаря в изголовье располагался небольшой медный нож, воткнутый около одной из костей коровьего таза. Такой состав жертвенных костей более характерен для погребальных комплексов эпохи раннего железа лесостепного Приобья [Бородовский, 1988]. В эпоху раннего железа погребения ничком принято интерпретировать как захоронения социально неполноправных членов древних коллективов [Бородовский и др., 2010, с. 28, рис. 7].

В-пятых, учитывая, что для курганов быстрянской культуры Чултукова Лога-1 радиоуглеродная датировка (MKL-2719 2270 ± 80 л.н.) имеется пока только у одного погребального комплекса (курган №13), делать какие-то определенные выводы преждевременно. Однако его датировка (с 591 по 101 г. до н.э.) вполне соотносится с курганами (№9, 111, 112) других культурных традиций (кара-кобинской, пазырыкской) (рис. 4.-1–3, 9; рис. 5). Кроме того, все эти погребальные сооружения располагались компактно в самой центральной части некрополя. Наряду с этим, особенности погребальной обрядности и сопроводительный инвентарь (украшения, поясная гарнитура и вооружение) погребения в кургане №13 [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 173, рис. 79] позволяют неоднозначно взглянуть на его культурную принадлежность и хронологию предметного комплекса исходя из традиционных археологических представлений. С одной стороны, становится очевидным некорректность соотнесения таких захоронений с явно отличающейся ориентировкой и вытянутой позой погребенных к северному варианту пазырыкской культуры до башадарского периода VI в. до н.э. – середина V в. до н.э. [Кубарев, Шульга, 2007, с. 25, 277, рис. 82.-1–6]. С другой стороны, хронология предметного комплекса таких захоронений, включающего сочетание золотых сережек с плетеными цепочками, массивных поясных бронзовых блях с зооморфными и фантастическими изображениями, а также проушных чеканов из цветного металла больших размеров, не обязательна и должна быть архаична [Фролов, 2008, с. 383, рис. 152.-13, 27]. По данным радиоуглеродного датирования быстрянского погребения кургана №13 Чултукова Лога-1 оно может относиться к более позднему периоду середины I тыс. до н.э., включая начало его последней четверти [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 39].

Кроме решения археологических проблем культурогенеза и хронологии, в процессе отбора образцов для радиоуглеродного датирования из Чултукова Лога-1 учитывались различные признаки деструкции надмогильных и внутримогильных сооружений, особенно если фиксировались стратиграфические прецеденты взаимного перекрытия горной осыпью каменных конструкций курганов после толчков (афтершоков) древней сейсмической активности [Бородовский и др., 2015] (рис. 5.-a, b, c, d; рис. 6). Следует подчеркнуть, что образцы для радиуглеродного датирования отбирались не только с объектов с различными признаками сейсмического воздействия на курганы, но и при учете их территориального расположения (у горного склона и в центральной части некрополя). Предварительные результаты таких исследований курганов (№13, 109, 111, 112, 114, 118, 123) позволяют говорить об общем периоде сейсмоактивности на некрополе Чултуков Лог-1 с 843 г. до н.э. по 51 г. н.э. (рис. 3).

Рис. 6. Курганы Чултукова Лога-1 со следами древней сейсмоактивности:
1 – курган №118; 2 – курган №107; 3–4 – курган №111

На основании всего комплекса радиоуглеродных датировок этих курганов, особенностей их расположения (периферия, центр), стратиграфии и различных признаков сейсмоактивности можно предполагать о «фактах» нескольких сейсмических событий. Следует подчеркнуть, что несколько курганов (№81, 115), включая и погребальные сооружения с радиоуглеродными датировками (курган №115), были уже сооружены на первом ярусе каменных блоков, сместившихся ранее с горного склона. Таким образом, верхняя граница радиоуглеродной датировки захоронения кургана №115, относящаяся к 843–408 гг. до н.э., вполне может соотноситься с еще одним древним сейсмическим «событием», предшествующим сооружению некрополя Чултуков Лог-1.

Еще одно сейсмическое событие произошло во временном интервале с 843 по 414 г. до н.э. Последствия этого сейсмического воздействия представлены как непосредственно у горного склона (курган №109), так и в центральной части некрополя (курганы №13, 111, 115). Они вызвали не только перекрытие курганов горной осью (курган №109), но и появление на их надмогильных конструкциях крупных каменных блоков, скатившихся со склона, а также деформацию деталей внутримогильных каменных конструкций (курганы №109, 115), включая перемещения камней на черепа погребенных (курган №13) (рис. 5.-a-d). Такая особенность неоднократно была выяв-

лена в погребениях нескольких курганов, расположенных как в центральной части могильного поля (курган №13), так и у горного склона на южном участке некрополя (курганы №107, 108).

Другое сейсмическое «событие», вероятно, случилось во временном интервале с 397 г. до н.э. по 51 г. н.э. Следы его воздействия отмечаются на курганах (№118, 123), которые расположены на южной периферии некрополя. Курганы (№13, 111, 112, 114) с признаками сейсмоактивности, находящиеся в центральной части могильного поля, возможно, пострадали от сейсмоактивности в период с 541 по 51 г. до н.э. Это могло быть последствием афтершоков после активизации сейсмической активности. Безусловно, что столь дробная характеристика древней сейсмической активности, получившей отражение по материалам Чултукова Лога-1, нуждается для обоснования своей достоверности в дальнейших исследованиях, но ее общие временные рамки позволяют говорить о ее синхронизации с хронологией бытования пазырыкской культуры в Горном Алтае. При этом если вопрос о влиянии этого геологического фактора на «исход» носителей пазырыкской культуры из Алтайской горной страны остается пока открытым, то наличие признаков сейсмоактивности на каменных погребальных конструкциях этого региона является достаточно типичной их чертой [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 210, рис. 117].

Заключение

В целом следование определенным принципам при отборе образцов для радиоуглеродного датирования Чултукова Лога-1 позволило осуществить системность и комплексность всей исследовательской процедуры. В ее основе находилось стремление не только установить абсолютную и относительную датировку отдельных объектов некрополя, но и выяснить последовательность хронологии их историко-культурного, территориально-пространственного существования, а также возможного воздействия на них древней сейсмоактивности.

Следует подчеркнуть, что системность в отборе образцов из погребальных комплексов методами естественно-научного датирования, опирающаяся на предварительные данные, установленные археологическими методами [Бородовский, 2009], является одним из оснований достоверности полученных результатов, основа которых была сформирована с учетом их проверки иными (археологическими и геологическими) методами [Деев и др., 2012].

В свою очередь, серия радиоуглеродных дат, полученных для Чултукова Лога-1, открывает широкие возможности проведения их системной корреляции с уже имеющимися датами для целого ряда курганных групп эпохи раннего железа (Башадар-2, Туэкта-1) [Алексеев и др., 2005, с. 225, рис. 4.-3; с. 244–246] (Тыткескень-VI, Ханкаринский Дол) [Тишкин, 2007, с. 241–261; Тишкин, Дашковский, 2007] различных районов Горного Алтая.

Радиоуглеродное датирование выполнено в лаборатории Ягеллонского университета (г. Краков, Польша) по гранту № 2014/13/N/HS3/04630).

Библиографический список

Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Ван дер Плихт Й., Поснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб. : Теза, 2005. 290 с.

Бородовский А.П. Традиционные и естественно-научные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2009. 112 с.

Бородовский А.П. «Сопроводительная пища» в погребальных комплексах западносибирской лесостепи и вопросы утилизации и разделки домашних животных // *Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири*. Новосибирск : Б.и., 1988. С. 37–46.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск : Изд-во Института археологии СО РАН, 2013. 220 с.

Бородовский А.П., Деев Е., Зольников Д.И., Олещак Л., Кузьмин С.Я., Ван дер Плихт Й., Кромпец М. Геолого-археологическое исследование высоких террас горной долины Нижней Катунь // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 201–205.

Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табаров А.В., Черемисин Д.В. Археология населия. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. 110 с.

Бородовский А.П., Олещак Л. Естественно-научное датирование археологических памятников эпохи раннего железа в горной долине Нижней Катунь // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 131–133.

Деев Е.В., Зольников И.Д., Бородовский А.П., Гольцова С.В. Неотектоника и палеосейсмичность долины Нижней Катунь (Горный Алтай) // *Геология и геофизика*. 2012. Т. 53, № 9. С. 1154–1168.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Молодин В.И., Бородовский А.П. Археологические памятники эпохи раннего железа в верховьях Ануя // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1994. №3. С. 19–28.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен культуры) : автореф. дис. ... д-ра культ. наук. СПб., 2000. 56 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 370 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул : АЗБУКА, 2014. 230 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 256 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский Дол и Яломан-III // *Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях*. СПб. : ИИМК РАН, 2007. С. 291–299.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : АЗБУКА, 2008. 480 с.

A.P. Borodovskiy, M. Krapiek, L. Oleschak

CHRONOLOGY OF CULTURAL AND GEOLOGICAL EVENTS BASED ON RADIOCARBON DATING OF THE MOUND GROUP OF THE EARLY IRON AGE OF THE CHULTUKS «LOG-1»

The article presents the results of radiocarbon dating of multicultural mounds of Chultukov Log-1. This mound is one of the most representative burial complexes of the Early Iron Age of the Lower Katun mountainous valley. The large scale, multiculturalism and the fact that the mound has never been robbed open broad vistas for historical and cultural reconstructions, where chronology is based on the results of radiocarbon dating. The series of radiocarbon dates obtained from the graves of different cultural identities

(Bystryanka, Pazyryk, Karakobin) and with attributes of ancient seismic activity significantly complements the cultural and chronological picture of North Altai in the Early Iron Age. A significant number of stone burial mounds indicate the traces of seismological activity. The time of the ancient earthquake based on the radiocarbon dates could be attributed to the second half of the 1 century B.C. Radiocarbon dating of the burial mounds 111 and 112 (MKL-2524, 2280 ± 70 years ago, MKL-2525, 2310 ± 80 years ago), covered with massive rocky blocks which had moved from the mountain slope, can be attributed to a rather narrow chronological interval from 541–164 B.C. and 591–174 B.C.

Key words: Altai Mountains, radiocarbon dating, Early Iron Age, multicultural mound, traces of ancient seismic activity.

References

Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Zaytseva G.I., Kovalyukh N.N., Kuk G., Van der Plikht Y., Possnert G., Sementsov A.A., Skott E.M., Chugunov K.V. *Evrasiya v skifskuyu epokhu [Eurasia in the Scythian Epoch]. Radiouglerodnaya i arkhologicheskaya khronologiya [Radiocarbon and Archaeological Chronology]*. Saint Petersburg : Teza, 2005. 290 p.

Borodovskiy A.P. *Traditsionnye i estestvenno-nauchnye metody datirovaniya pogrebal'nykh kompleksov (po materialam Bystrovskogo nekropolya epokhi rannego zheleza) [Traditional and Natural Scientific Methods of Burial Complexes Dating (based on Bystrovskaya necropolis of the Early Iron Age)]*. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. gos. un-ta, 2009. 112 p.

Borodovskiy A.P. "Soprovoditel'naya pishcha" v pogrebal'nykh kompleksakh zapadnosibirskoy lesostepi i voprosy utilizatsii i razdelki domashnikh zhivotnykh ["Supporting Food" in the Funerary Complexes of the West Siberian Forest Steppe and the Issues of Disposal and Carving of Cattle]. *Istoriografiya i istochniki izucheniya istoricheskogo opyta osvoeniya Sibiri. Novosibirsk [Historiography and Sources of Studying of the Historical Experience of Siberia Development]*. 1988. Pp. 37–46.

Borodovskiy A.P., Borodovskaya E.L. *Arkheologicheskie pamyatniki gornoy doliny nizhney Katuni v epokhu paleometalla [Archaeological Sites of the Mountain Valley of the Low Katun River in the Era of Paleometal]*. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arkhologii SO RAN, 2013. 220 p.

Borodovskiy A.P., Deev E., Zol'nikov D.I., Oleshchak L., Kuz'min S.Ya., Van der Plikht Y., Krompets M. *Geologo-arkheologicheskoe issledovanie vysokikh terras gornoy doliny nizhney Katuni [Geological and Archaeological Investigation of the High Terraces of the Low Katun Mountain Valley]*. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]*. Vol. 21. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arkhologii i etnografii SO RAN, 2015. Pp. 201–205.

Borodovskiy A.P., Zubova A.V., Pozdnyakov D.V., Tabarev A.V., Cheremisin D.V. *Arkheologiya nasiliya [Archaeology of Violence]*. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. gos. un-ta. 2010. 110 p.

Borodovskiy A.P., Oleshchak L. *Estestvenno-nauchnoe datirovanie arkhologicheskikh pamyatnikov epokhi rannego zheleza v gornoy doline nizhney Katuni [Natural Scientific Dating of Archaeological Monuments of the Early Iron Age in the Mountain Valley of the Low Katun]*. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]*. Vol. 20. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2014. Pp. 131–133.

Deev E.V., Zol'nikov I.D., Borodovskiy A.P., Gol'tsova S.V. *Neotektonika i paleoseizmichnost' doliny nizhney Katuni (Gornyy Altay) [The Tectonics and Paleo Seismicity of the Valley in the Low Katun River (the Altai Mountains)]*. *Geologiya i geofizika [Geology and Geophysics]*. 2012. Vol. 53. №9. Pp. 1154–1168.

Kubarev V.D., Shul'ga P.I. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula) [Pazyryk culture (mounds of the Chewie and Ursula)]*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 282 p.

Mamadakov Yu.T. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Culture of Central Altai Population in the First Half of the 1 millennium AD : Synopsis of the dis. ... Cand. Hist. Sciences]*. Novosibirsk, 1990. 19 p.

Molodin V.I., Borodovskiy A.P. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi rannego zheleza v verkhov'yakh Anuya [Archaeological Sites of the Early Iron Age in the Upper Anouilh River]*. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*. 1994. №3. Pp. 19–28.

Marsadolov L.S. Arkheologicheskie pamyatniki IX–III vv. do n.e. gornyx rayonov Altaya kak kul'turno-istoricheskiy istochnik (fenomen kul'tury) : avtoref. dis. ... d-ra kul't. nauk [Archaeological Monuments of the 9–3 Centuries BC in the Altai Mountain Areas as a Cultural-Historical Source (cultural phenomenon): Synopsis of the dis. ... Cand. Hist. Sciences. Saint Petersburg, 2000. 56 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [The culture of the Population of the Altai Mountains in Scythian Time]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. 370 p.

Seregin N.N., Matrenin S.S. Arkheologicheskie komplekсы Altaya II v. do n.e. – XI v. n.e.: istoriya issledovaniy i osnovnye aspekty interpretatsii [Archaeological Complexes of Altai in the 2nd Century BC – 11 century AD: the History of Research and the Main Aspects of Interpretation]. Barnaul : AZBUKA, 2014. 230 p.

Tishkin A.A. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontsepsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya [Creating Periodizational, Cultural and Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of the Study of Ancient and Medieval Peoples of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 256 p.

Tishkin A.A., Dashkovskiy P.K. Rezul'taty radiouglerodnogo datirovaniya pamyatnikov pazyrykskoy kul'tury Khankarinskiy Dol i Yaloman-III [The Results of Radiocarbon Dating of the Pazyryk Culture Sites “Khankarinsky Dol” and “Yaloman-III”]. Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh [Radiocarbon in Archaeological and Paleoecological Studies]. Saint Petersburg : IIMK RAN, 2007. Pp. 291–299.

Frolov Ya.V. Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) [The Funeral Rite of the Population of the Barnaul Ob in the 6th Century BC – 2nd Century AD (according to the ground burial sites)]. Barnaul : AZBUKA, 2008. 480 p.

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 903.2

А.А. Тишкин¹, И.В. Мерц², Я.В. Фролов¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан

ИЗДЕЛИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ РОДИНСКОГО РАЙОННОГО МУЗЕЯ (Алтайский край)*

В экспозиции Родинского районного музея (Алтайский край) находится крупный металлический предмет, который был случайно обнаружен около с. Кочки в центральной части степей Кулунды. Изделие имеет прямую открытую втулку и трапециевидную рабочую часть с лезвием. По фиксируемым морфологическим признакам оформления оно демонстрирует сходство с кельтами эпохи бронзы, обнаруженными в Обь-Иртышском междуречье, но отличается от них наличием длинного клинка и увеличенной шириной лезвия. Указанные отличительные признаки сближают рассматриваемый предмет с так называемыми кельтами-лопатками. Тамгообразный знак на полотне рабочей части может указывать на связь с предметным миром саргаринско-алексеевской или бегазы-дандыбаевской культур периода поздней бронзы. В статье, основной целью которой является введение в научный оборот редкой археологической находки, дается описание орудия труда, представлены результаты рентгенофлуоресцентного анализа металла, рассматриваются аналогии, позволяющие осуществить атрибуцию музейного экспоната. Полученные результаты дополняют имеющиеся сведения о материальной культуре населения эпохи бронзы на юге Западной Сибири.

Ключевые слова: Родинский районный музей, экспонат, эпоха бронзы, металлическое изделие, рентгенофлуоресцентный анализ, тамгообразный знак, кельт-лопатка.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-09

Введение

Данная статья продолжает публикацию археологических находок, которые хранятся в муниципальных музеях Алтайского края. Такая деятельность позволяет не только ввести в научный оборот важные артефакты, но и дополнить имеющиеся материалы по отдельным историческим периодам и культурам, что, в свою очередь, дает возможность существенно продвинуться в их осмыслении. Поэтому основная задача публикации заключается во всестороннем представлении очередного изделия эпохи бронзы.

В ММУК «Родинский музей истории и изобразительного искусства им. А.С. Цыбинова» (с. Родино, Алтайский край) экспонируется металлическое лопаткообразное орудие. Изделие хорошей сохранности было случайно обнаружено в начале 1990-х гг. около с. Кочки Родинского района (рис. 1) и позднее передано в фонды районного музея местным жителем В.В. Сахановским.

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также при реализации бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2015–2017 гг. (проект «Хронология археологических памятников неолита – бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана»).

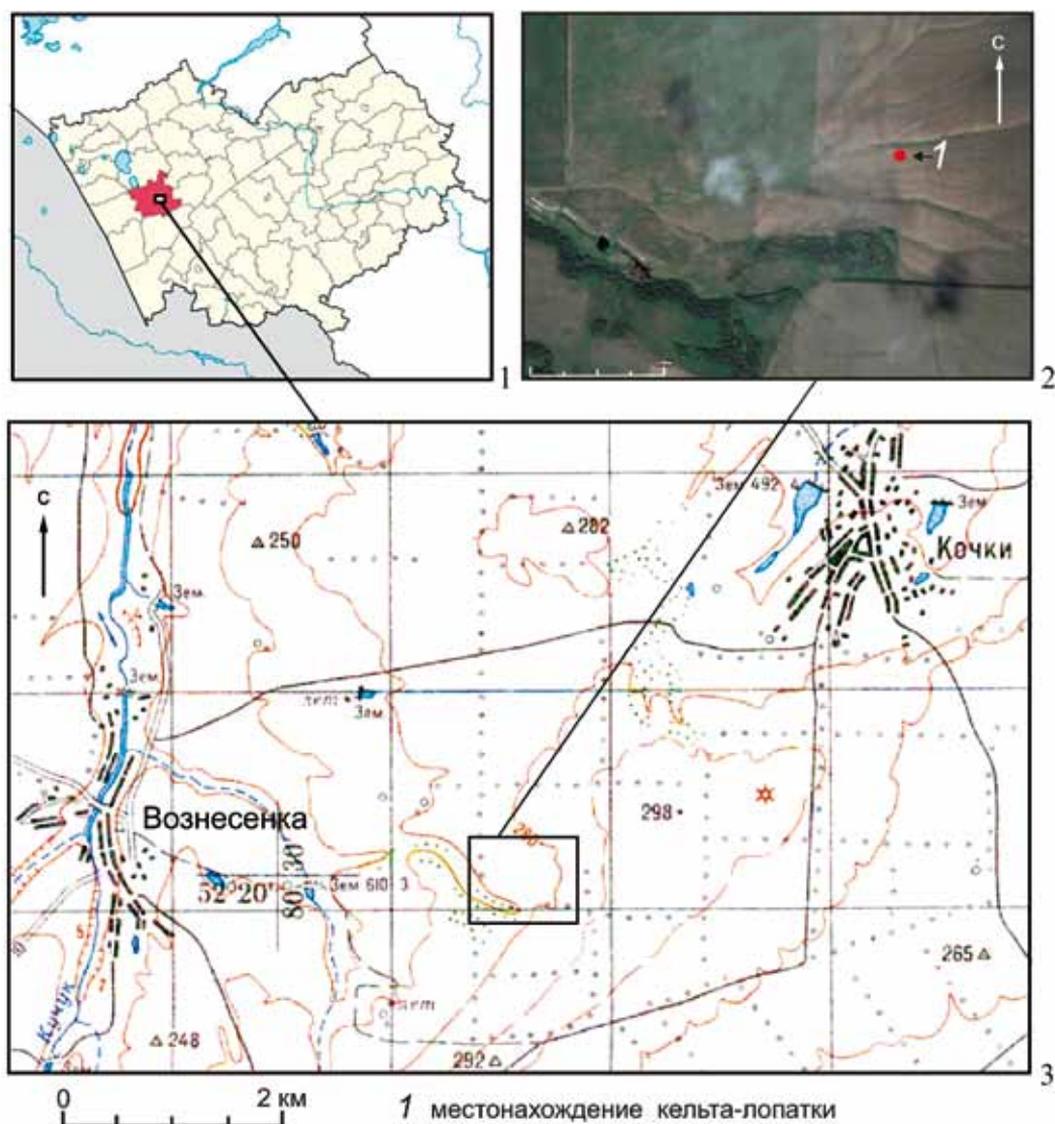

Рис. 1. Местонахождение артефакта из Родинского районного музея:
 1 – на карте-схеме Алтайского края; 2 – на космическом снимке;
 3 – на топографической карте (район с. Кочки)

В 2015 г. И.В. Мерц вместе с Н.Г. Белинским (свидетелем сделанной находки) посетили место обнаружения древнего орудия*. Выяснилось, что оно располагается на одном из распаханых полей, в 6,5 км к юго-западу от с. Кочки и в 6,5 км к востоку от с. Вознесенка (рис. 1.-3), возле ложбины временного водотока, пересекающего поле с востока на запад и соединяющегося с руслом ручья, который является правым

* Авторы выражают благодарность учителю истории школы №1 с. Родино М.А. Карлашу за оказанное содействие в поиске и уточнении места найденного артефакта.

притоком р. Кучука. Данная территория является центральной частью степей Кулунды (рис. 1). Географические координаты места обнаружения артефакта, полученные с помощью GPS-приемника (в системе WGS-84), такие: N – 52°20'01,60"; E – 80°34'22,60". Осмотр территории не выявил каких-либо остатков культурного слоя и других археологических находок. Вполне вероятно, что металлическое изделие (рис. 2–4) было утеряно еще в древности. В пользу такого предположения свидетельствует характер внешней поверхности предмета, который покрыт так называемой благородной патиной (рис. 3–4), образующейся при продолжительном нахождении орудия из цветного металла на открытом воздухе. Необходимо отметить, что целенаправленный поиск памятников в рассматриваемом районе, особенно по берегам многочисленных притоков р. Кучука, имеет перспективы и может привести к открытию объектов, синхронных рассматриваемой находке.

Описание артефакта и рентгенофлюоресцентный анализ

По внешнему виду предмет представляет собой кельт-тесло, но существенно отличается параметрами. Его максимальная длина составляет 20,6 см (по центру – 19,9 см). Изделие покрыто окислами. На клине в двух местах хорошо видны знаки-насечки (рис. 2; рис. 3.-1, 4). Литейный шов фиксируется только на втулке (рис. 3.-3, 6; рис. 4.-2). Возможно, что рабочая часть (клин) отливалась в односторонней форме, а втулка – в двухсторонней. По всей видимости, литейная форма имела ряд дефектов. В результате на втулке образовались неровности и литейный брак в виде недолива (рис. 2; рис. 3.-2, 5; рис. 4.-1, 2). Рабочая часть имеет трапецевидную форму, расширяясь от втулки к лезвию (рис. 2–4). Ее ширина по лезвию составляет 11,2 см (в центре – 9,3 см, у втулки – 6,9 см), а толщина – у лезвия 0,3 см, в центре 0,8 см, у втулки 1,0 см. Длина втулки фиксируется в районе 6 см. Внутренний диаметр втулки (рис. 2; рис. 3.-6) оказался примерно 3,9 x 3 см, а внешний – 5 x 3,8 см. Толщина стенок варьируется от 0,35 до 0,7 см (рис. 2–4).

С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) одним из авторов статьи получены показатели спектрального анализа изделия. Сначала исследовался центр внутренней патинированной поверхности (у тамгообразного знака в виде английской буквы «Y»). Зафиксирован такой результат: Cu (медь) – 97,41%; Sn (олово) – 2,22%; Fe (железо) – 0,21%; Zn (цинк) – 0,16%. Затем в нескольких местах тестировался участок у лезвия, где механически были удалены окислы. Получены схожие поэлементные ряды:

- Cu – 97,93%; Sn – 1,93%; Fe – 0,1%; Zn – 0,04%;
- Cu – 97,55%; Sn – 2,31%; Fe – 0,1%; Zn – 0,04%;
- Cu – 97,87%; Sn – 2,02%; Fe – 0,11%;
- Cu – 97,87%; Sn – 2,03%; Fe – 0,1%;
- Cu – 97,65%; Sn – 2,28%; Fe – 0,07%.

Дополнительно исследовался торец клина, освобожденный от патины. Результат оказался близким к предыдущим показателям: Cu – 97,75%; Sn – 2,16%; Fe – 0,09%.

Представленная серия анализов свидетельствует, что предмет изготовлен из меди с небольшим добавлением олова, что характеризуется как бронзовый сплав. Незначительное присутствие железа и цинка, вероятно, указывает на исходные рудные смеси. Наличие железа также может отражать остатки окислов.

Обсуждение результатов

Прямые аналогии изделию, обнаруженному в районе с. Кочки, авторам статьи пока не известны. Однако имеется несколько особенностей, которые позволяют сделать ряд выводов о его культурно-хронологической принадлежности: 1) асимметрично расположенная открытая втулка; 2) плоский профиль и трапецевидный абрис рабочей части; 3) существенные размеры орудия; 4) знаки-насечки на поверхности.

Наличие выступающей втулки и плоского широкого клина трапецевидной формы дает возможность сопоставить рассматриваемый экспонат с кельтами-лопатками, распространенными в эпоху бронзы в Центральной Азии (рис. 5.-12-15, 20-24). Наиболее близким (по форме рабочей части и расположению втулки, смещенной относительно центра) является орудие из шанского захоронения, которое датируется в пределах XV-X вв. до н.э. [Варенов, 1999, рис. 6.-11, 13] (рис. 5.-22). Относительно схожее изделие найдено в Восточной Фергане на могильнике Шагым, датирующемся в пределах 1-й половины II тыс. до н.э. (рис. 5.-14) [Аманбаева и др., 2005, рис. 6, с. 263]. Из Киргизии происходят еще две похожие случайные находки (рис. 5.-15-16) [Аманбаева и др., 2005, рис. 6, с. 263; Кузьмина, 1966, табл. IV.-1]. Близка к данной группе серия кельтов-лопаток сейминско-турбинского облика из могильников Ак-Чий-1, Ростовка и погребения на р. Дженома (Верхнее Прииртышье), а также случайных находок из Семипалатинска и урочища Карасук (рис. 5.-12-13, 20) [Лев, 1934, рис. 30; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 22.-4-5; Алехин и др., 1992, рис. 1.-3; Кудрявцев, 1993, рис. 1.-1; Кузьминых, 2010, с. 248; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, рис. 4.-16]. Изделие из Родинского района отличается от приведенных выше кельтов-лопаток наличием открытой втулки и ее асимметричным расположением относительно основной оси рабочей части. На основании этого морфологического признака можно провести аналогии с асимметричными кельтами-теслами с открытой втулкой и кельтами с «пещеркой» (рис. 5.-1-11). Данные предметы встречаются на широкой территории (от Южного Урала, Казахстана, Синьцзяна и до Минусинской котловины) и хронологически определяются от андроновского времени до поздней бронзы включительно [Молодин, 1985, рис. 30.-12; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 9.-4; Хаврин, 1999, с. 33; Бехтер, Хаврин, 2002, с. 74-75, рис. 1.-1, 2; Корочкова и др., 2013, рис. 2.-4]. А.В. Бехтер и С.В. Хаврин [2002, с. 75] датируют подобные изделия в рамках (XV) XIV-XII до н.э. На территории Обь-Иртышского междуречья кельты «с пещеркой» найдены на поселении Фирсово-XVIII [Федорук и др., 2008, с. 128, рис. 13.-6] и в районе г. Бийска [Грушин, Фролов, 2010, с. 83, рис. 1.-2]. В Прииртышье они происходят из клада у пос. Палацы [Черников, 1960, табл. X.-3, 4] и представлены случайной находкой из окрестностей Семипалатинска [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, рис. 4.-17].

Необычная форма изделия из окрестностей с. Кочки не позволяет однозначно ответить на вопрос о его функциональном назначении. Близкие по размерам и форме рабочего края кельты-лопатки исследователями интерпретируются по-разному: кельты-тесла, мотыги и предметы вооружения. Асимметричное расположение втулки на рассматриваемом изделии предполагает его использование в качестве тесла. Но очень большое лезвие не позволяет продуктивно работать таким орудием. Даже у современных плотницких стальных тесел лезвие обычно гораздо уже. Такую же форму рабочей части, как и кельты-лопатки, имели мотыги и кетмени. В эпоху бронзы

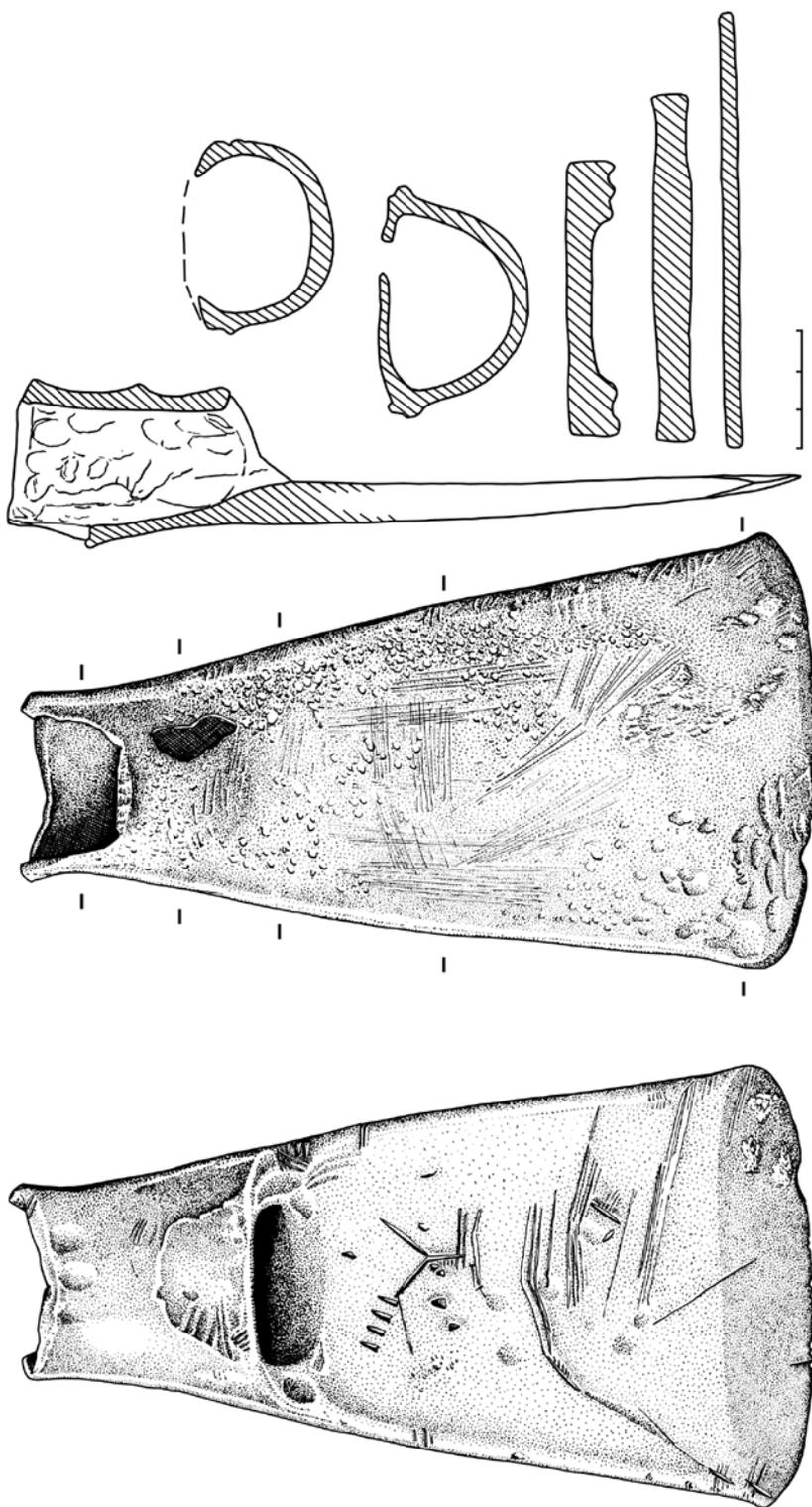

Рис. 2. Бронзовое изделие из района с. Кочки (рисунок выполнен А.Л. Кунгуровым)

Рис. 3. Экспонат из Родинского районного музея: общие виды и детали (фотоснимки А.А. Тишкина)

и в раннем железном веке в казахстанских степях использовались каменные мотыги [Бейсенов, Мерц, 2010, с. 44; Бейсенов, Ломан, 2009], а находки таких металлических изделий пока не известны. Однако подобные орудия существовали в сельскохозяйственных культурах Юга. На Среднем Востоке они появились уже в IV тыс. до н.э. (Сузы-I,

Рис. 4. Экспонат из Родинского районного музея: виды с разных сторон (фотоснимки А.А. Тишкина)

Сиалк-III) и в конце IV–III тыс. до н.э. распространились на Кавказе (майкопская культура) и в Средней Азии (Гонур, Ялангачдепе) (рис. 5.-16–19, 25–26) [Адрианов, 1969, с. 62, рис. 19, 22; Рындина, Равич, 2015, рис. 1, с. 216; Chernykh, Avilova, Orlovskaya, 2002, Fig. 4.-13–14, 5.-22]. Главное и принципиальное отличие большинства бронзовых мотыг от изделия, найденного в Алтайском крае у с. Кочки, – это расположение втулки перпендикулярно рабочей части. Но общие размеры таких орудий во многом

совпадают с габаритами экспоната из Родинского районного музея. Указанные параллели позволяют допустить, что изучаемое орудие может рассматриваться и как универсальное землеройное приспособление.

На внешней стороне клина предмета из района с. Кочки имеются знаки-насечки (рис. 2–4). Их удалось легко выявить, поскольку они, в отличие от поздних царапин, более глубокие, имеют клиновидные углубления, а также покрыты карбонатными отложениями. В 2 см ниже втулки расположена сложная композиция, состоящая из Y-образного знака, слева от верхнего луча которого нанесен ряд из четырех насечек, расположенных параллельно друг к другу. Возле стыка верхнего и нижнего лучей Y-образного знака имеются две подтреугольные насечки, и еще две (более крупные) расположены слева от них. Такие же насечки нанесены сверху и снизу от правого луча Y-образного знака. В 2 см ниже от этой композиции расположен V-образный знак, состоящий из двух насечек.

Знаки-насечки широко распространены на металлических предметах позднего бронзового века (рис. 6.-3, 9–11), особенно в пределах восточной зоны общности культур валиковой керамики. Серия Y- и V-образных знаков встречена на бронзовых изделиях, найденных в Обь-Иртышском междуречье [Ситников, 2015, рис. 95, 98, 99; Ситников, Фролов, 1995, рис. 1].

Аналогии Y-образному знаку на изделии из района с. Кочки наблюдаются на кубке и горшке из ограды №11 могильника Дандыбай (рис. 6.-4–5). На фотографии, приведенной в работе М.П. Грязнова [1952, рис. 5.-7], видно, что на горшке слева от основного знака расположено еще не менее четырех точек или полосок. Похожий Y-образный знак имеется на сосуде из мавзолея №6 Северного Тагискена [Итина, Яблонский, 2001, рис. 86.-559] (рис. 6.-14). В виде Y-образного знака выполнен орнаментальный мотив на композиции сосуда из ограды №24 могильника Измайловка* [Ермолаева, 2012, с. 93, рис. 63.-4] (рис. 6.-6). Композиции из четырех и более насечек, выстроенных в ряд, встречаются реже. Они известны на ноже из Чердоояка [Аванесова, 1991, с. 28, рис. 32.-5] (рис. 6.-3).

Аналогии второму V-образному знаку могут быть представлены гораздо шире. Они часто встречаются на металлических, каменных овоидах и костяных предметах с поселений Семиарка и Кент [Варфоломеев, 2011, рис. 22, 23], на керамике из мавзолея Айбас-Дарасы и ограды №3 памятника Сангру-I, где изображены композиции из крестов и отдельных насечек [Маргулан, 1979, с. 121, 142, рис. 87.-3, 108.-3], а также на керамике и кирпичах мавзолеев №4ж, 5б и 6 Северного Тагискена [Итина, Яблонский, 2001, рис. 122] (рис. 6.-7–13). Следует отметить находку V-образного знака в сочетании с тремя насечками на керамической подставке, сделанной на поворотном круге, с поселения Бурла-III, которое относится к бурлинскому типу памятников [Кирюшин и др. 2013, рис. 12].

Отдельной и требующей специального изучения проблемой является определение значения подобных знаков-насечек. В литературе неоднократно выдвигались различные идеи, но все они сводились к кратким высказываниям по этому вопросу и лишь как дополнение к рассматриваемым в работах проблемам [Грязнов, 1952, с. 180; Маргулан, 1979, с. 121; Ермолаева, 2012, с. 93].

* Авторы выражают благодарность А.Е. Рогожинскому за указанную параллель знака на изделии из района с. Кочки и знаков на керамических сосудах из могильников Дандыбай и Измайловка.

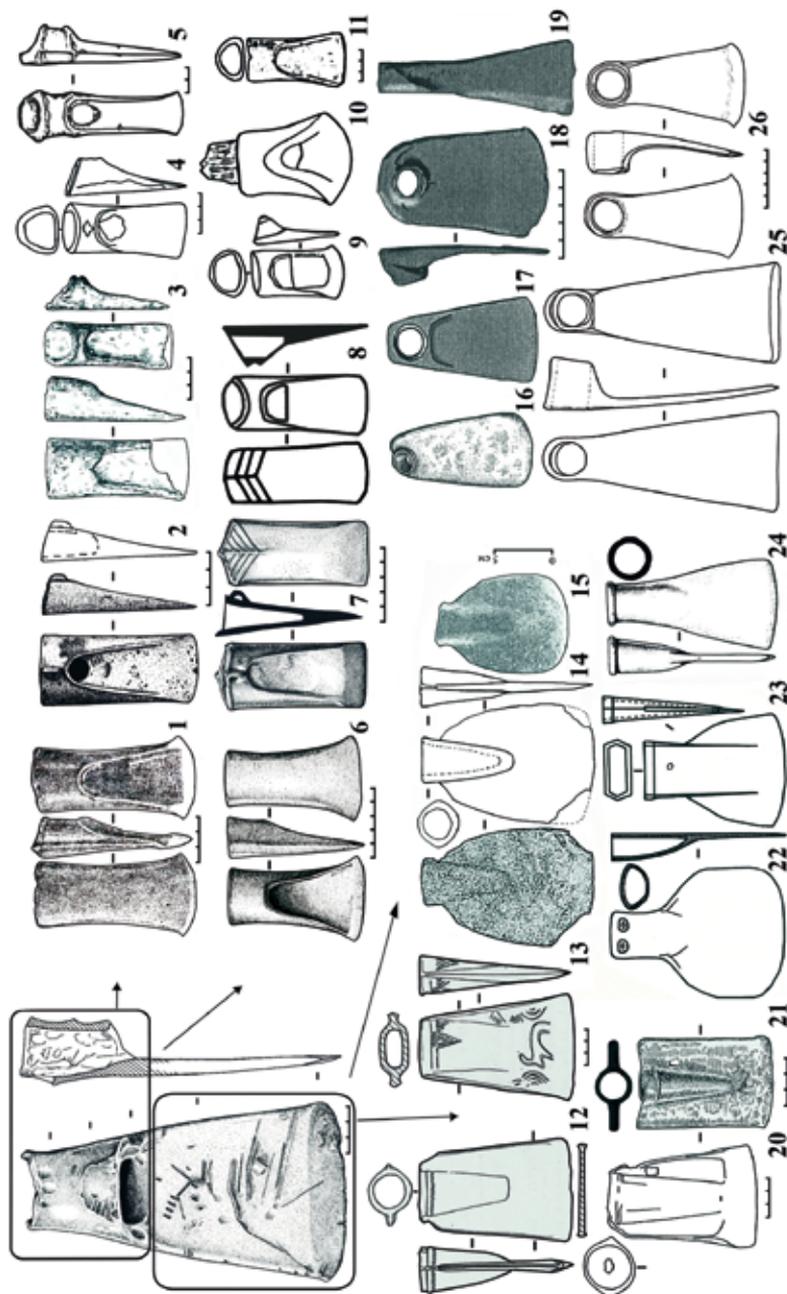

Рис. 5. Аналогии металлическому изделию из района с. Кочки. 1-11 – среди асимметричных кельтов с открытой втулкой и кельтов-тесел с «пещеркой»: 1 – Солка-2 (по: [Молодин, 1985, рис. 30.-12]); 2 – Фирсово-ХVIII (по: [Федорук и др., 2008, с. 128, рис. 13.-6]); 3 – клад у пос. Палацы (по: [Черников, 1960, табл. X.-3, 4]); 4 – окрестности г. Семипалатиска (по: [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, рис. 4.-17]); 5 – пос. Карим-Берды (по: [Хаврин, 1999, рис. 1.-10]); 6 – Гладунинский клад (по: [Корочкова и др., 2013, рис. 2.-4]); 7 – окрестности г. Бийска (по: [Грушин, Фролов, 2010, рис. 1.-2]); 8 – Тацэн (по: [Бехтер, Хаврин, 2002, рис. 1.-1, 2]); 9 – Баранг на р. Чулым; 10 – мог. Уйбаг; 11 – пос. Ук-3 (по: [Хаврин, 1999, рис. 6-8]); 12-15, 20-24 – среди кельтов-лопаток и мотыг: 12 – Семипалатиск; 13 – Ростовка (по: [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 22.-4-5]); 14 – мог. Шагым; 15 – с. Базар-Курган (по: [Сметушки, Авилова, Orlovskaya, 2002, Fig. 4.-13-14, 5.-22]); 16 – Силак-3 (по: [Авилова, 2008, рис. 24.-12]); 17 – Майкопский курган; 18-19 – Сузы 1 (по: [Сметушки, Авилова, Orlovskaya, 2002, Fig. 4.-13-14, 5.-22]); 20 – прииск Попова на р. Дженоме (по: [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, рис. 4.-16]); 21 – Семипалатинский музей (по: [Черников, 1960, табл. LXV.-4]); 22-23 – большая мотила шанского времени в уезде Синьган (по: [Варенов, 1999, рис. 6.-11, 13]; 24 – Лебединовка (по: [Кузьмина, 1966, табл. IV.-1]); 25 – мог. Заманкул; 26 – поселение Галлогай-1 (по: [Рындина, Равич, 2015, рис. 1.-1-2])

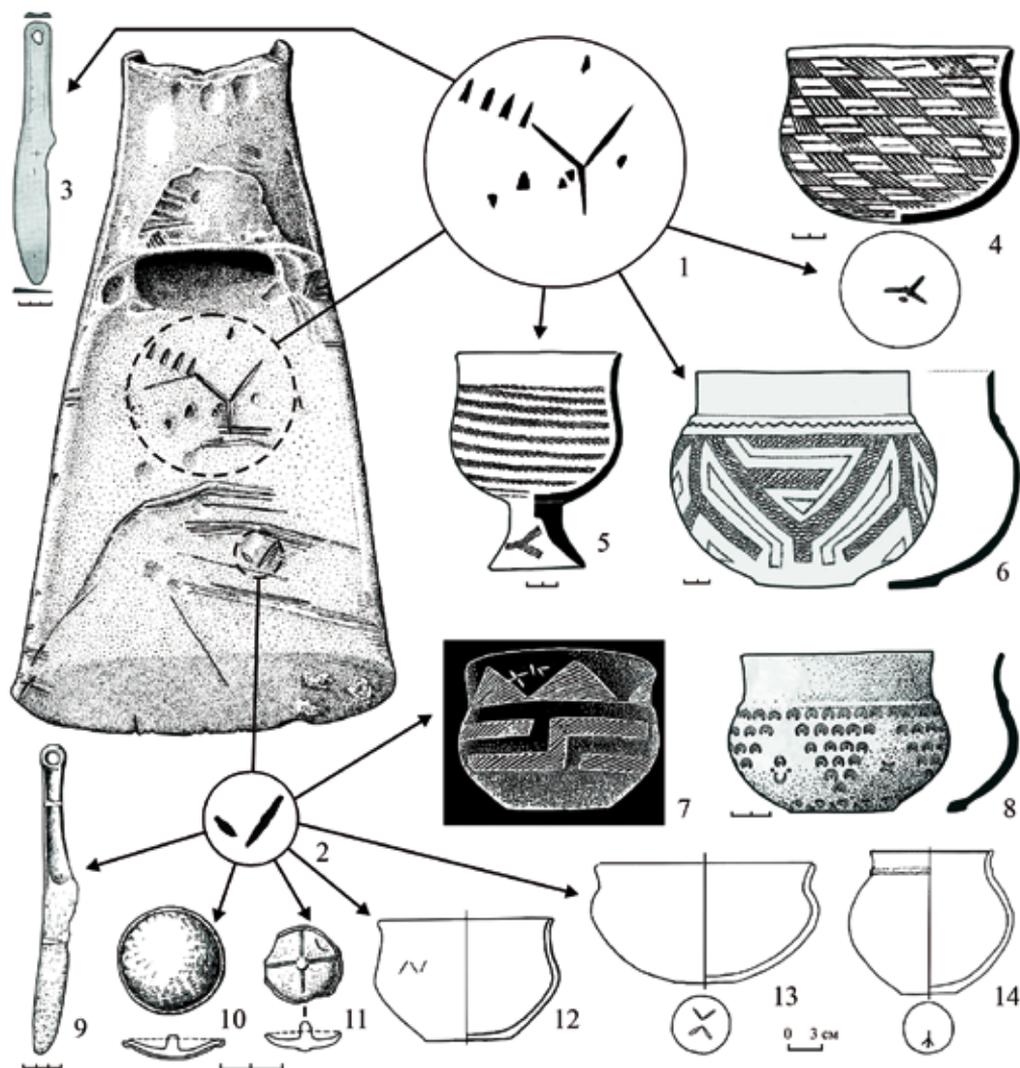

Рис. 6. Знаки-насечки и их аналогии: 1 – композиция знаков №1; 2 – знак №2; 3–14 – аналогии знакам на керамических сосудах бегазы-дандыбаевской культуры и на металлических предметах: 3 – нож из Чердоюка (по: [Аванесова, 1991, рис. 32.-5]); 4–5 – Дандыбай, ограда №11 (по: [Грязнов, 1952, рис. 5.-2, 5, 5а]); 6 – Измайловка, ограда №24 (по: [Ермолаева, 2012, с. 93, рис. 63.-4]); 7 – Сангру-I, ограда №3 (по: [Маргулан, 1979, рис. 87.-3]); 8 – Айбас-Дарасы (по: [Маргулан, 1979, рис. 108.-3]); 9–11 – Кент (по: [Варфоломеев, 2011, рис. 22, 23]); 12–14 – Северный Тагискен, сооружения №4ж, 5-б, мавзолей №6 (по: [Итина, Яблонский, 2001, рис. 52.-179, 64.-319, 86.-559])

Заключение

Предмет, обнаруженный у с. Кочки Родинского района Алтайского края, сочетает в себе ряд разнородных черт, делающих его уникальным изделием, которое трудно рассматривать в рамках сложившихся культурно-хронологических схем, применяющих-

ся для эпохи бронзы. Особенности изготовления, литейный брак, дефекты литейной формы позволяют предположить, что он был плодом поисков древними металлургами новых форм в изготовлении необходимых орудий. В результате этого изделие приобрело индивидуальные черты. Архаические традиции оформления рабочей части, находящие аналогии в материалах ранней бронзы, открытая втулка, характерная для изделий развитой и поздней бронзы, а также тамгообразные знаки позволяют отнести экспонат из Родинского районного музея к кругу металлических предметов эпохи бронзы. При этом стоит заметить, что полученные результаты рентгенофлюоресцентного анализа и аналогии знакам-насечкам больше характерны для бронзовых изделий периода поздней бронзы. Данное обстоятельство и другие намеченные пути поиска решений культурно-хронологического плана обозначают необходимость дальнейшего изучения необычного орудия из Кулунды.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент : Фан, 1991. 202 с.
- Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М. : Памятники исторической мысли, 2008. 227 с.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18). С. 44–59.
- Адрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М. : Наука, 1969. 252 с., 3 л. карт. : ил.
- Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М., Некоторые результаты исследования на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : Барнаульск. гос. пед. ин-т, 1992. С. 135–140, 230–233.
- Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.Е., Мэрфи Д. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан) // Археологические исследования в Узбекистане – 2004–2005 годы. Вып. 5. Ташкент : Фан, 2005. С. 256–265.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : Инжу-Маржан, 2009. 264 с.
- Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района реки Шидерты // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010. №1. С. 40–45.
- Бехтер А.В., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ ; Чита : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 73–78.
- Варенов А.В. Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кээрмуци в Северном Синьцзяне // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 : Горизонты Евразии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1999. С. 11–28.
- Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. I. Алматы : Б.и., 2011. С. 210–240.
- Грушин С.П., Фролов Я.В. Новые находки бронзовых кельтов с Обь-Иртышья // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 81–85.
- Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // Советская археология. 1952. №XVI. С. 149–182.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена: поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М. : Восточная литература, 2001. 295 с.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с. : ил.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.

Лев Д.Н. К истории горного дела. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1934. 34 с. (Труды Института антропологии и этнографии, вып. 2).

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения памятников «бурлинского типа» эпохи поздней бронзы на территории Степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 212–215.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А. Гладунинский клад эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. 2013. №2 (39). С. 129–136.

Кудрявцев П.И. Новые случайные находки бронзовых кельтов в Горном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 144–146.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М. ; Л. : Наука, 1966. 152 с. (САИ; вып. В4-9).

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 240–263.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1979. 360 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Рындина Н.В., Равич И.Г. Новые данные о технологии производства бронзовых мотыг майкопской культуры Северного Кавказа // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 239. С. 211–223.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : Алт. гос. пед. ун-т, 2015. 254 с.

Ситников С.М., Фролов Я.В. Кинжал эпохи поздней бронзы из с. Клепиково // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995. С. 76–78.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-ХVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008. С. 125–143.

Хаврин С.В. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб. : Гос. Эрмитаж, 1999. Вып. LVIII. С. 32–35.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 272 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, №88).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.

Chernykh E.N., Avilova L.I., Orlovskaya L.B. Der Anschnitt. Beiheft 15. Anatolian Metal II. Hrsg. By Ünsal Yalçın. Bochum : Deutsches Bergbau-Museum, Metallurgy of the Circumpontic Area: From Unity to Disintegration, 2002. S. 83–100.

A.A. Tishkin, I.V. Merts, Ya.V. Frolov

THE PROPRODUCT OR THE BRONZE AGE FROM THE RODINO DISTRICT MUSEUM (Altai Territory)

The exposition of the Rodino District museum (Altai region) has a large metal object that was accidentally discovered near the Kochki village in the central part of the Kulunda steppe. The product has a direct open sleeve and a trapezoidal working part with the blade. The morphological features of its design make the object similar to the celt of the Bronze Age found in the Ob-Irtysh interfluvium, however they differ in the presence of the long blade knife and the increased width of the blade. These features bring together the considered subject and the so-called celts-blades. The tomahawk-shape mark on the working part may indicate a connection with the object world of Sargarinsk-Alexeevo or Begazy-Dandybay cultures of the Late Bronze period. The article which aims to introduce rare archaeological finds into scientific circulation, describes the tools, presents the results of X-ray fluorescence analysis of metals and considers analogies allowing attribution of the museum exhibit. The results complement the available information about the material culture of the Bronze Age people in the south of Western Siberia.

Key words: Rodino District museum exhibit, Bronze Age, metal product, X-ray fluorescence analysis, tomahawk-shape mark, celt-blade.

References

Avanesova N.A. Kul'tura pastusheskikh plemen jepohi bronzy Aziatskoj chasti SSSR [The Culture of the Pastoral Tribes of the Bronze Age in the Asian Part of the USSR]. Tashkent : Fan, 1991. 202 p.

Avilova L.I. Metall Blizhnego Vostoka: modeli proizvodstva v jeneolite, rannem i srednem bronzovom veke [Metal in the Middle East: the Production Model in the Neolithic, Early and Middle Bronze Age]. Moscow : Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2008. 227 p.

Agapov S.A., Degtareva A.D., Kuz'minyh S.V. Metalloprodukcija vostochnoj zony obshhnosti kul'tur valikovoj keramiki [Metalworking of the Eastern Zone of the Roll Ceramics Culture Community]. Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii [The News of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2012. №3 (18). Pp. 44–59.

Adrianov B.V. Drevnie orositel'nye sistemy Priaral'ja (V svjazi s istoriej voznikovenija i razvitiya oroshaimogo zemledelija) [The Ancient Irrigation System of the Aral Sea Region (In Connection with the History of the Emergence and Development of Irrigated Agriculture)]. Moscow : Nauka, 1969. 252 p., 3 p. maps : il.

Alekhin Yu.P., Demin M.A., Ilyushin A.M. Nekotorye rezul'taty issledovaniya na Rudnom Altae [Some Results of the Study of Mining Altai]. Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla [Issues of Archaeology of Altai and Western Siberia in the Metal Era]. Barnaul : Barnaul'skiy gos. ped. institut, 1992. Pp. 135–140, 230–233.

Amanbaeva B.E., Rogozhinskiy A.E., Merfi D. Mogil'nik Shagym – novyy pamyatnik epokhi bronzy Vostochnoy Fergany (Kyrgyzstan) [The Shagym Burial – a New Monument of the Bronze Age in Eastern Fergana (Kyrgyzstan)]. Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane – 2004–2005 gody. Vyp. 5 [Archaeological Research in Uzbekistan in 2004–2005. Vol. 5]. Tashkent : Fan, 2005. Pp. 256–265.

Beysenov A.Z., Loman V.G. Drevnie poseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana [Ancient Settlements in Central Kazakhstan]. Almaty : Inzhu-Marzhan, 2009. 264 p.

Beysenov A.Z., Merts V.K. K izucheniyu pamyatnikov rayona reki Shiderty [Studying the Monuments of the Area of the Shiderty River]. Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk [Proceedings of the National Academy of Sciences of Kazakhstan. The Section of Social Sciences]. 2010. №1. Pp. 40–45.

Bekhter A.V., Khavrin S.V. Stepnye bronzy iz provintsii Gan'su i Sin'tsyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona Kitaya i problemy vostochnoy linii sinkhronizatsii [Steppe Bronze from the Gansu Province and Xinjiang Uygur Autonomous Region of China and the Problems of Eastern Line Synchronization]. Tsentral'naya Aziya i Pribaykal'e v drevnosti [Central Asia and the Baikal Region in Ancient Times]. Ulan-Ude ; Chita : Izd-vo Buryat. un-ta, 2002. Pp. 73–78.

Varenov A.V. Materialy novoy kul'tury epokhi bronzy iz mogil'nika Keermutsi v Severnom Sin'tsyan [The Materials of the New Culture of the Bronze Age from the Keer Muzi Burial in Northern Xinjiang]. Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy. Vyp. 2 : Gorizonty Evrazii [Eurasia: the Cultural Heritage of Ancient Civilizations. Vol. 2: Horizons of Eurasia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 1999. Pp. 11–28.

Varfolomeev V.V. Begazy-dandybaevskaya kul'tura stepey Tsentral'noy Evrazii [Begazy Dandybay Culture of Central Eurasia Steppes]. Arkheologiya v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy. T. I [Archaeology in the Era of Independence: Results and Prospects]. Almaty : B.i., 2011. Pp. 210–240.

Grushin S.P., Frolov Ya.V. Novye nakhodki bronzovykh kel'tov s Ob'-Irtys'hya [New Finds of the Bronze Celts from the Ob-Irtys'h Region]. Khozyaystvenno-kul'turnye traditsii Altaya v epokhu bronzy [Economic and Cultural Traditions of Altai in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2010. Pp. 81–85.

Gryaznov M.P. Pamyatniki karasukskogo etapa v Tsentral'nom Kazakhstane [Monuments of the Karasuk Stage in Central Kazakhstan]. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. 1952. №16. Pp. 149–182.

Itina M.A., Yablonskiy L.T. Mavzolei Severnogo Tagiskena: pozdnyy bronzovyy vek Nizhney Syrdar'ya [Mausoleums of Northern Tagiskena: Late Bronze Age of the Lower Syrdarya]. Moscow : Vostochnaya literature, 2001. 295 p.

Ermolaeva A.S. Pamyatniki predgornoy zony Kazakhskogo Altaya (epokha bronzy – rannee zhelezo) [Monuments of the Foothill Zone of Kazakh Altai (Bronze Age – Early Iron)]. Almaty : Institut arheologii im. A.Kh. Margulana, 2012. 238 p. : il.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K. Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoy Betpak-Daly) [The Culture of Ancient Herdsmen and Metallurgists of Sary-Arka (based on the North Betpak Dala materials)]. Alma-Ata : Gylym, 1992. 247 p.

Lev D.N. K istorii gornogo dela [About Mining History]. Trudy Instituta antropologii i etnografii, vyp. 2 [Proceedings of the Institute of Anthropology and Ethnography. Vol. 2]. Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1934. 34 p.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Rednikov A.A., Fedoruk O.A. Problema izucheniya pamyatnikov «burlinskogo tipa» epokhi pozdney bronzy na territorii Stepnogo Altaya [The Problem of Studying the “Burla Type” monuments of the Late Bronze Age in the Territory of Steppe Altai]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territoriy. T. XIX [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. 19]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2013. Pp. 212–215.

Korochkova O.N., Stefanov V.I., Usachev E.V., Khanov S.A. Gladuninskiy klad epokhi bronzy [Gladuninsky Hoard of the Bronze Age]. Ural’skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2013. №2 (39). Pp. 129–136.

Kudryavtsev P.I. Novye sluchaynye nakhodki bronzovykh kel’tov v Gornom Altae [New Random Findings of Bronze Celts in the Altai Mountains]. Okhrana i izuchenie kul’turnogo naslediya Altaya. Ch. I [Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai. Part 1]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Pp. 144–146.

Kuz’mina E.E. Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka Sredney Azii [Iron Objects of the Chalcolithic and Bronze Age of Central Asia]. SAI; vyp. V 4–9 [SAI. Issue V 4–9]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1966. 152 p.

Kuz’minykh S.V. Seyminsko-turbinskaya problema: novye materialy [Seima-Turbinsky Problem: New Materials]. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. 2011. Issue 225. Pp. 240–263.

Margulan A.Kh. Begazy-dandybaevskaya kul’tura Tsentral’nogo Kazakhstana [Begazy-Dandybay Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1979. 360 p.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Ryndina N.V., Ravich I.G. Novye dannye o tekhnologii proizvodstva bronzovykh motyg maykopskoy kul’tury Severnogo Kavkaza [New Data on the Production Technology of the Bronze Hoes of the Maikop Culture of the North Caucasus]. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. 2015. Issue 239. Pp. 211–223.

Sitnikov S.M. Kul’tura sargarinsko-aleksevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya [The Culture of Ssargarinsk-Alekseevo Population of Forest Steppe and Steppe Altai]. Barnaul : Alt. gos. ped. un-t, 2015. 254 p.

Sitnikov S.M., Frolov Ya.V. Kinzhalskiy nozh epokhi pozdney bronzy iz s. Klepikovo [The Dagger of the Late Bronze Age from the Klepikovo Village]. Voprosy arkheologii Sibiri i Dal’nego Vostoka [Questions of Archaeology of Siberia and the Far East]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1995. Pp. 76–78.

Fedoruk A.S., Shamshin A.B., Papin D.V. Predvaritel’nye itogi issledovaniya poseleniya Firsovo-XVIII [Preliminary Results of the Study of the Firsovo-18 Population]. Etnokul’turnye protsessy v Verkhnem Priob’e i sopredel’nykh regionakh v kontse epokhi bronzy [Ethno-Cultural Processes in the Upper Ob and Neighboring Regions at the end of the Bronze Age]. Barnaul : Kontsept, 2008. Pp. 125–143.

Khavrin S.V. Kel’ty epokhi pozdney bronzy Minusinskoy kotloviny [The Celts of the Late Bronze from the Minusinsk Depression]. Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage]. Saint Petersburg : Gos. Ermitazh, 1999. Issue 58. Pp. 32–35.

Chernikov S.S. Vostochnyy Kazakhstan v epokhu bronzy [East Kazakhstan in the Bronze Age]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archeology of the USSR]. №88. Moscow ; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 272 p.

Chernykh E.N., Kuz’minykh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen) [Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seiminsk-Turbino phenomenon)]. Moscow : Nauka, 1989. 320 p.

Chernykh E.N., Avilova L.I., Orlovskaya L.B. Der Anschnitt. Beiheft 15. Anatolian Metal II. Hrsg. By Ünsal Yalçın. Bochum : Deutsches Bergbau-Museum, Metallurgy of the Circumpontic Area: From Unity to Disintegration, 2002. S. 83–100.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 902.2

А.Л. Кунгуров, Д.В. Папин, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ ШАМШИНУ – 60 ЛЕТ

9 февраля 2016 г. известному барнаульскому археологу Александру Борисовичу Шамшину исполнилось 60 лет. В статье кратко представлены основные этапы его жизненного пути, а также результаты осуществленных исследований и научные достижения. После окончания Алтайского государственного университета (АГУ) А.Б. Шамшин начал работать в организованной Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая. После службы в армии он стал проводить активные изыскания и раскопки, в ходе которых получены материалы, позволившие ему в 1988 г. защитить кандидатскую диссертацию. Важным вкладом в изучение древней истории юга Западной Сибири является обобщение материалов по поздней бронзе и переходному времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. А.Б. Шамшиным обосновано выделение корчажкинской археологической культуры. Верхнее Приобье им рассматривалось как один из центров культурогенеза ирменской общности. Кроме памятников развитой и поздней бронзы, Александр Борисович исследовал объекты и других периодов истории. В первую очередь следует отметить изученные им памятники раннего железного века. Особое значение среди научной деятельности юбиляра имеет открытие и исследование Фирсовского археологического микрорайона. Значительный фонд полученных им находок хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АГУ. Активная педагогическая деятельность А.Б. Шамшина позволила сформировать плеяду учеников, продолживших тематику его научных работ.

Ключевые слова: А.Б. Шамшин, период поздней бронзы, корчажкинская культура, ирменская культура, ранний железный век, Фирсовский археологический микрорайон, педагогическая деятельность.

DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-10

Александр Борисович Шамшин родился 9 февраля 1956 г. в Барнауле (Алтайский край). В 1973 г. после окончания школы он поступил в открывшийся Алтайский государственный университет (АГУ) на историко-филологический факультет. Уже в студенческие годы сформировался его научный интерес к бронзовому веку, особенно к завершающим этапам. Первые доклады на конференциях были посвящены введению в научный оборот комплексов ирменской культуры и разработкам такого инновационного на тот период понятия, как хозяйственно-культурный тип [Киришин, Калашникова, Шамшин, 1980].

После завершения обучения в 1978 г. А.Б. Шамшин остался в АГУ для работы в созданной Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая. В 1981–1982 гг. проходил службу в рядах Советской Армии, после чего вернулся в университет и продолжил археологическую деятельность.

Первые финансируемые хоздоговорные работы вышеуказанной лаборатории были связаны с паспортизацией памятников истории и культуры. Это означало проведение мониторинга и обследования состояния известных памятников, а также поиск новых. Все держатели «Открытых листов», а Александр Борисович был в числе первых, несколько месяцев проводили в поле, обследуя район за районом и фиксируя десятки важнейших археологических объектов. Тогда же определились и основные памятники, которые в дальнейшем Шамшин изучал в течение многих лет, – поселения и погребальные комплексы эпохи бронзы Барнаульского Приобья.

Кроме исследований, связанных с тематикой научной работы, А.Б. Шамшин осуществлял реализацию договоров по обследованию земель, которые отводились под строительство. Он курировал деятельность такой организации, как «Алтайгипроводхоз». При этом неоднократно участвовал в аварийных раскопках в зонах строившихся дорог, мостов и других объектов народного хозяйства. Но именно в процессе работы по обследованию проектируемых полей орошения, прудов, каналов и иной инфраструктуры системы гидромелиорации Александр Борисович открыл еще один регион приложения своих научных интересов – Кулунду и прилегающие территории. Наиболее ярким примером проведения им охранных работ в зоне мелиорации являются раскопки могильника раннего железного века Рогозиха-1, давшие яркие и очень важные материалы, которые опубликованы отдельной монографией [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005].

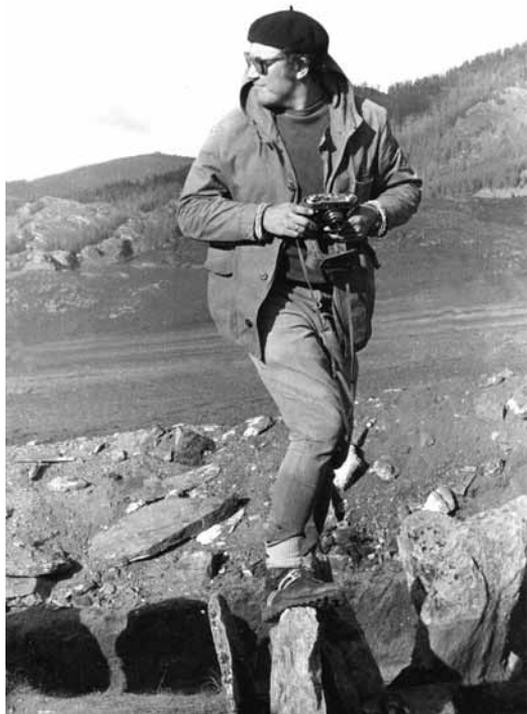
В научной деятельности А.Б. Шамшина с самого начала выделялись два главных направления: исследование эпохи бронзы и переходного периода от бронзового века к железному, а также выявление археологических памятников Алтайского края.

Став, по сути, пионером в области разработки проблематики периода поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу Верхнего Приобья, Александр Борисович положил в основу своей кандидатской диссертации материалы собственных раскопок таких памятников, как Речкуново-III и IV, Заковряшино-I, Фирсово-I, IV, XIV, XVI, XVII, XVIII, Мыльниково, Казенная Заимка [Шамшин, 1985, 1986, 1987, 1988; Кирюшин, Шамшин, 1987]. Наиболее крупные раскопки проведены на поселении Мыльниково. Несмотря на то, что площадь памятника значительно пострадала при строительстве садоводческого товарищества, был получен яркий предметный комплекс VIII–VII вв. до н.э. [Папин, Шамшин, 1995].

Накопленный материал позволил без отрыва от основной работы успешно защитить кандидатскую диссертацию «Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н.э.)», которая была выполнена под руководством двух крупнейших специалистов по бронзовому веку Западной Сиби-

Александр Борисович Шамшин

На раскопках у с. Ело (Алтай). 1984 г.

ри – Ю.Ф. Кирюшина и М.Ф. Косарева. 15 декабря 1988 г. состоялась защита в диссертационном совете Кемеровского государственного университета. Впервые в работе обоснована правомерность отнесения памятников Алтая к ирменской и корчажкинской археологическим культурам, а переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку было предложено рассматривать в рамках большереченской культуры (VIII–VI вв. до н.э.), представляющей синтез культур поздней бронзы и имеющей несколько этапов развития. На протяжении уже почти 30 лет многие положения обозначенного исследования не потеряли свою актуальность.

Говоря о научном вкладе, нельзя не упомянуть раскопки Александром Борисовичем в окрестностях с. Фирсово, на территории выделенного им Фирсовского археологического микрорайона [Шамшин, 1997, 2002]. Особое место

А.Б. Шамшин, С.В. Неверов, В.Н. Владимиров (слева направо) во время исследований поселения Цыганкова Сопка-II (Алтайский край). 1986 г.

среди них занимают исследования грунтового могильника Фирсово-XIV. С 1988 по 1998 г. там вскрыто более 5000 кв. м площади памятника и изучено более 340 погребений. Уже первые раскопки показали, что могильник обладает уникальным набором культурных характеристик. Наряду с комплексом андроновской культуры, большой массив представлен староалейской культурой раннего железного века. Высокая плотность могил позволила выполнить планиграфические и стратиграфические наблюдения, провести важные реконструкции, но, к сожалению, несмотря на то, что опубликованы отдельные объекты, наблюдения и идеи [Шамшин, 2007], в целом материалы этого периода раскопок могильника не введены в научный оборот.

Начиная с конца 1990-х гг. основными объектами исследования становятся памятники Рублевского археологического микрорайона. В первую очередь нужно отметить поселение поздней бронзы Рублево-VI и грунтовый могильник Рублево-VIII в Михайловском районе Алтайского края [Шамшин, 1999; Папин, Ченских, Шамшин, 2000; Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004; и др.]. Кроме этого, проводились раскопки на поселении Калиновка-2 в Мамонтовском районе Алтайского края [Кирюшин, Иванов, Шамшин, Папин, Федорук, 2004].

В очередной экспедиции (поселение Рублево-VI)

Другое направление научной деятельности юбиляра – поиск, систематизация и публикация новых археологических памятников в различных районах Алтайского края. Эта работа всегда была связана с хозяйственной деятельностью. Итогом такой деятельности стало появление двух традиционных для нашего региона и хорошо известных научной общественности «продолжающихся» изданий – «охранные» сборники и районные своды памятников археологии, истории и культуры. «Охранные» сборники выходили по итогам региональных, а с 2000-х гг. и всероссийских конференций, посвященных сохранению и изучению исторического наследия региона. Первое наименование – «Охрана и использование археологических памятников Алтая» (Вып. I,

1990 г.). Сейчас за изданием закрепилось название «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края» (Вып. XX, 2015 г.). Александр Борисович Шамшин вместе с Юрием Федоровичем Кирюшиным на протяжении многих лет были бессменными редакторами этих сборников и организаторами конференций.

Другая сторона указанного направления деятельности юбиляра – подготовка сводов памятников археологии, истории и культуры. В настоящее время известно достаточно много объемных качественных изданий такого плана, но началось все с небольшой книжки «Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая», увидевшей свет в 1990 г. [Кирюшин и др., 1990]. В последующие годы вышли десятки подобных сводов, в которых А.Б. Шамшин принимал активное участие.

За время пребывания в университете Александр Борисович работал в должностях младшего, старшего и ведущего научных сотрудников, директора Научно-исследовательского института гуманитарных исследований при АГУ, старшего преподавателя (с 1992 г.), а затем доцента кафедры археологии, этнографии и источниковедения (с 1996 г.). В 1998 г. ему присвоено ученое звание доцента. С 2000 по 2003 г. прошел докторантуру при кафедре археологии, этнографии и источниковедения. Читал и разрабатывал основные и специальные курсы: «Этнология», «История первобытного общества», «Основы археологии и этнографии», «Историческое краеведение», «Историко-культурное наследие Алтая» и другие, а также проводил учебно-исследовательскую работу студентов (УИРС) и спецсеминар, руководил археологической практикой студентов исторического факультета (с 1990 г.). А.Б. Шамшин является соавтором учебных программ по этнологии, истории Алтая и двух учебных пособий по древней истории Алтая в рамках регионального компонента исторического образования. Под его научным руководством защищены три кандидатские диссертации (Д.В. Папин, А.С. Федорук, О.И. Чекрыжова), а также множество студенческих квалификационных работ. Важное место в деятельности юбиляра занимала работа в диссертационном совете по историческим наукам, открытом в Алтайском государственном университете в 1994 г. Он выступал в качестве эксперта и оппонента по диссертационным сочинениям, связанным с проблематикой эпохи бронзы.

А.Б. Шамшин является автором и соавтором около 200 публикаций, в том числе трех монографий. Несколько его работ опубликовано за рубежом (Южная Корея, Казахстан). Тематика исследований охватывает широкий хронологический и проблемный спектр, но прежде всего это научные труды по периодам от развитой бронзы до конца раннего железного века, а также по историческому краеведению Алтая. Регулярно участвовал в качестве члена оргкомитета и соредатора публикуемых сборников тезисов региональных и международных конференций. Был руководителем грантов (фонд Сороса, РГНФ, РФФИ), а также исполнителем ряда проектов и программ.

Большое значение А.Б. Шамшин уделял профориентационной работе со школьниками. Он руководил сначала археологическим кружком Алтайского краевого детско-юношеского центра, а затем археолого-краеведческой краевой заочной школой. 19 лет работал в гимназии №40 г. Барнаула, где читал курсы «Древняя история Алтая», «Историческое краеведение Алтая» и проводил школьную археологическую практику. Его можно назвать в числе организаторов и преподавателей Михайловского сельского лицея АГУ. Несколько лет преподавал в Алейском городском лицее. За работу со школьниками А.Б. Шамшин отмечен в 1986 г. серебряной медалью ВДНХ СССР, а в 1990 г.

дипломом Всероссийского слета НОУ Министерства народного образования РСФСР. В течение многих лет он является экспертом краевой историко-краеведческой конференции школьников, а также секции «История, археология, этнография и краеведение» программы «Будущее Алтая». Неоднократно поощрялся дипломами организационного комитета российских конференций «Шаг в будущее», «Первые шаги», «Старт в науку» в Москве.

А.Б. Шамшин со своими учениками

За долголетний и добросовестный труд Александру Борисовичу присвоено почетное звание «Ветеран Алтайского государственного университета». Его активная педагогическая деятельность позволила сформироваться плеяде учеников, продолживших тематику его научных исследований в настоящее время.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения Калиновка 2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX, ч. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 269–273.

Кирюшин Ю.Ф., Калашникова Т.В., Шамшин А.Б. Формирование культурно-хозяйственных типов в лесостепном Алтае в эпоху бронзы // Барнаул – 250 лет. Барнаул : Б.и., 1980. С. 64–66.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 62–85.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П., Мальцев С.Г., Бурдина Л.Д., Степанская Т.М., Ивонин А.Р. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая (методические материалы к обсуждению макета свода памятников). Барнаул : Управление культуры Алтайского крайисполкома ; Краевое отделение ВООПИК, 1990. 132 с. : ил.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 137–158.

Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 152–155.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаулское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга А.П. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с. : ил.

Шамшин А.Б. Земля Михайловская: веки древней истории // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул : Администрация Михайловского района Алтайского края и др., 1999. С. 22–28.

Шамшин А.Б. Комплексы развитой и поздней бронзы некрополя Фирсово-14 (Барнаулское Приобье) // Кадырбаевские чтения. Актобе : Б.и., 2007. С. 78–81.

Шамшин А.Б. Поселение Мыльниково – памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Скифская эпоха Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1986. С. 100–102.

Шамшин А.Б. Поселение Речкуново-III – новый памятник эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 129–147.

Шамшин А.Б. Работы в Алтайском Приобье // Археологические открытия 1984 года. М. : Наука, 1986. С. 207.

Шамшин А.Б. Работы в лесостепном Алтайском Приобье // Археологические открытия 1985 года. М. : Наука, 1987. С. 294.

Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 326–331.

Шамшин А.Б. Хроностратиграфия памятников бронзового и раннего железного веков из Фирсовского археологического микрорайона (Барнаулское Приобье) // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2002. С. 96–102.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаулско-Бийском Приобье : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. 16 с.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаулском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 111–115.

A.L. Kungurov, D.V. Papin, A.A. Tishkin

ALEKSANDER BORISOVICH SHAMSHIN IS 60 YEARS OLD

On the 9th of February 2016 the famous Barnaul archaeologist Alexander Borisovich Shamshin turned 60. This article summarizes the main stages of his life, and the results of the research and scientific achievements. After the graduation from Altai State University, A.B. Shamshin was left to work in the Laboratory of Archaeology, Ethnography and History of Altai. Then, after his military service, he began to conduct active research and excavations, where he obtained the materials that enabled him to defend his dissertation in 1988. An important contribution to the study of ancient history of the south of Western Siberia is the synthesis of materials on the Late Bronze Age and the transition time from the Bronze Age to the Early Iron Age. A.B. Shamshin justified the allocation of Korchazhka archaeological culture. The Upper Ob region was regarded as one of the centers of cultural genesis of the Irmen community. In addition to studying the monuments of the Developed and Late Bronze, Alexander Borisovich investigated objects and other periods of history. The most important is his research of the monuments of the Early Iron Age. Of a particular importance among the scientific activities of the jubilee is the discovery and study of the Firsovo archaeological district. The considerable fund of the finds which he obtained is stored in the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai in Altai State University. Active teaching activities of A.B. Shamshin allowed forming a galaxy of disciples who continued the theme of his scientific work.

Key words: A.B. Shamshin, the Late Bronze Age, Korchazhka Culture, Irmen culture, the Early Iron Age, Firsovo archaeological district, teaching activities.

References

Kirjushin Ju.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S. Predvaritel'nye itogi issledovanija poselenija Kalinovka 2 [Preliminary Results of the Research of the Kalinovka 2 Settlement]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 20, Part 1. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 2004. Pp. 269–273.

Kirjushin Ju.F., Kalashnikova T.V., Shamshin A.B. Formirovanie kul'turno-hozjajstvennyh tipov v lesostepnom Altae v jepohu bronzы [Formation of Cultural-Economic Types of Forest-Steppe Altai in the Bronze Age]. Barnaulu – 250 let [Barnaul is 250]. Barnaul : B.i. (bez izd-va), 1980. Pp. 64–66.

Kirjushin Ju.F., Papin D.V., Pozdnjakova O.A., Shamshin A.B. Pogrebal'nyj obrjad drevnego naselenija Kulundinskoj stepi v jepohu bronzы [The Funeral Rite of the Ancient Population of the Kulunda Steppes in the Bronze Age]. Aridnaja zona juga Zapadnoj Sibiri v jepohu bronzы [Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 62–85.

Kirjushin Ju.F., Udodov V.S., Shamshin A.B., Umanskij A.P. Mal'cev S.G., Burdina L.D., Stepankaja T.M., Ivonin A.R. Pamjatniki istorii i kul'tury Severo-Zapadnogo Altaja (metodicheskie materialy k obsuzhdeniju maketa svoda pamjatnikov) [Monuments of History and Culture of North-Western Altai (teaching materials for discussion of the monuments layout). Barnaul : Upravlenie kul'tury Altajskogo krajispolkoma ; Kraevoe otdelenie VOPIK, 1990. 132 p. : il.

Kirjushin Ju.F., Shamshin A.B. Korchazhkinskaja kul'tura lesostepnogo Altajskogo Priob'ja [Korchazhka Culture of the Forest-Steppe Altai Ob Region]. Arheologicheskie issledovanija na Altae [Archaeological Research in Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1987. Pp. 137–158.

Papin D.V., Chenskih O.A., Shamshin A.B. Materialy jepohi pozdnej bronzы iz Juzhnoj Kulundy [Materials from the Late Bronze Age from South Kulunda]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altaja [The Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Vol.9. Issue 11. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2000. Pp. 152–155.

Papin D.V., Shamshin A.B. Barnaul'skoe Priob'e v perehodnoe vremja ot jepohi bronzы k rannemu zheleznomu veku [The Barnaul Ob Region in the Time of Transition from the Bronze Age to the Early Iron Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 202 p.

Umanskij A.P., Shamshin A.B., Shul'ga A.P. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogoziha-1 na levoberezh'e Obi [The Scythian Time Burial Rogoziha-1 on the Left Bank of the Ob River. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta. 2005. 204 p. : il.

Shamshin A.B. Zemlja Mihajlovskaja: vehi drevnej istorii [Mikhailovka Land: Milestones of Ancient History]. Mihajlovskij rajon: ocherki istorii i kul'tury [Mikhailovsky District: Essays on the History and Culture]. Barnaul : Administracija Mihajlovskogo rajona Altajskogo kraja i dr., 1999. Pp. 22–28.

Shamshin A.B. Kompleksy razvitoj i pozdnej bronzы nekropolja Firsovo-14 (Barnaul'skoe Priob'e) [Complexes of the Developed and Late Bronze Age at Firsovo-14 Necropolis]. Kadyrbaevskie chtenija [Kadyrbaevsk Readings]. Aktobe : B.i., 2007. Pp. 78–81.

Shamshin A.B. Poselenie Myl'nikovo – pamjatnik final'noj bronzы i perehodnogo vremeni ot jepohi bronzы k jepohe zheleza [Myl'nikovo Settlement – a Monument of the Final Bronze and the Transitional Period from the Bronze Age to the Iron Age]. Skifskaja jepoha Altaja [Scythian Epoch in Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1986. Pp. 100–102.

Shamshin A.B. Poselenie Rechkunovo-III – novyj pamjatnik jepohi pozdnej bronzы Verhnego Priob'ja [The Rechkunovo-3 Settlement – a New Monument of the Late Bronze Age in the Upper Ob Region]. Altaj v jepohu kamnja i rannego metalla [Altai in the Period of Stone and Early Iron Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 129–147.

Shamshin A.B. Raboty v Altajskom Priob'e [The Work in the Altai Ob Region]. Arheologicheskie otkrytija 1984 goda [Archaeological Discoveries in 1984]. Moscow : Nauka, 1986. P. 207.

Shamshin A.B. Raboty v lesostepnom Altajskom Priob'e [The Work in the Forest-Steppe Altai Ob Region]. Arheologicheskie otkrytija 1985 goda [Archaeological Discoveries in 1985]. Moscow : Nauka, 1987. P. 294.

Shamshin A.B. Firsovskij arheologicheskij mikrorajon. Nekotorye itogi i perspektivy issledovanija [The Firsovo Archaeological District. Some Results and Perspectives]. Problemy arheologii, jetnografii,

antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 3. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 1997. Pp. 326–331.

Shamshin A.B. Hronostratigrafija pamjatnikov bronzovogo i rannego zheleznogo vekov iz Firsovskogo arheologicheskogo mikrorajona (Barnaul'skoe Priob'e) [Chronostratigraphy of the Monuments of the Bronze and Early Iron Ages of the Firsovo Archaeological District (Barnaul Ob Region)]. Hronologija i stratigrafija arheologicheskikh pamjatnikov golocena Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh territorij [Chronology and Stratigraphy of the Archaeological Sites of the Holocene of West Siberia and Adjacent Territories]. Tjumen' : Izd-vo In-ta problem osvoenija Severa SO RAN, 2002. Pp. 96–102.

Shamshin A.B. Jepoha pozdnej bronzy i perehodnoe vremja v Barnaul'sko-Bijskom Priob'e : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Period of the Late Bronze Age and the Transition Time in the Barnaul-Biysk Ob Region: Synopsis of the Dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Kemerovo, 1988. 16 p.

Shamshin A.B. Jepoha pozdnej bronzy i perehodnoe vremja ot bronzy k zhelezu v Barnaul'skom Priob'e [The Period of the Late Bronze Age and the Time of Transition from the Bronze to the Iron Age in the Barnaul Ob Region]. Hronologija i kul'turnaja prinadlezhnost' pamjatnikov kamenного i bronzovogo vekov Juzhnoj Sibiri [Chronology and Cultural Identity of the Stone and Bronze Age Monuments in South Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1988. Pp. 111–115.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ – Алтайский государственный университет.
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет.
Б.и. – без издательства.
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.
БНЦ – Бурятский научный центр.
БФ АН СССР – Башкирский филиал АН СССР.
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИПОС – Институт проблем освоения Севера.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КИО – культурно-историческая общность.
КНР – Китайская Народная Республика.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия).
ММУК – Межпоселенческое муниципальное казенное учреждение культуры.
МОН – Министерство образования и науки.
НАН – Национальная академия наук.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НОКМ – Новосибирский областной краеведческий музей.
НОУ – Научное общество учащихся.
РАН – Российская академия наук.
РК – Республика Казахстан.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
СА – Советская археология.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
СССР – Советский Союз.
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук.
ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук.
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; altaicenter2011@gmail.com

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2, кафедра востоковедения; avvarenov@mail.ru

Гнездилова Ирина Сергеевна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17; gnezdilova06@mail.ru

Кирюшин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 506; kirill-kirushin@mail.ru

Кирюшин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, заведующий Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, заместитель заведующего Лабораторией междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 513; president@asu.ru

Крапиек М., профессор Ягеллонского университета; Польша, Краков, 24, 31-007, ул. Голебия.

Кунгуров Артур Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; тел. (3852)291256; artur.kungurov@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России; 656099, Барнаул, ул. Чкалова, 49, каб. 397; тел. (3852) 379384; matrenins@mail.ru

Мерц Илья Викторович, научный сотрудник Центра археологических исследований им. А.Х. Маргулана Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова; 140008, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Ломова, 64, каб. 102; barnaulkz@mail.ru

Олещак Лукаш, аспирант Ягеллонского университета; Польша, Краков, 24, 31-007, ул. Голебия; lukash.oleschak@yandex.ru

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; papindv@mail.ru

Семибратов Владимир Петрович, кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных исследований исторического факультета, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 321а; svp9039116217@mail.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; nikolay-seregin@mail.ru

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии, философии и методик преподавания факультета истории, экономики и управления Тобольского педагогического института (филиала) Тюменского государственного университета; 626150, Тобольск, ул. Знаменского, 58; svetlanasotnik@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, главный научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; tishkin210@mail.ru

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 321а; frolov_jar@mail.ru

Правила оформления статей для журнала «Теория и практика археологических исследований»

Уважаемые коллеги!

С 2013 года традиционный сборник кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета решено издавать в формате журнала. Для этого проведена работа по получению ISSN и включению журнала в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). В дальнейшем планируется издание одного номера на английском языке, в который войдут работы, наиболее значимые для журнала.

Редколлегия принимает к печати статьи в соответствии со следующей **основной тематикой**:

1. Теоретические и методические проблемы археологии.
2. Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.
3. Зарубежная археология.
4. Результаты изучения материалов археологических исследований.
5. Изучение памятников эпохи камня в Евразии.
6. Социальные реконструкции в археологии.
7. История археологических открытий и исследований.
8. Новые археологические открытия в России.
9. Из музейных коллекций.

Кроме этого, будут опубликованы аналитические обзоры, рецензии, заметки, хроника, сообщения, информация библиографического характера, сведения о персоналиях.

Предполагается осуществлять **тематические выпуски**.

Редколлегия обращает внимание авторов на важность соблюдения обязательных **требований к оформлению публикации**.

Объем статьи – до 1 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами). В исключительных случаях редколлегия принимает к рассмотрению работы большего объема (до 1,5–2 п.л.), если они содержат значимые и признанные научным сообществом результаты. Статья должна содержать резюме (аннотацию) и список ключевых слов на русском и английском языках, а также перевод названия статьи на английский язык. Объем резюме (аннотации) должен составлять не менее 1000 знаков (без пробелов).

Все текстовые материалы должны быть предоставлены в формате Word. Иллюстрации хорошего качества принимаются в размере, не превышающем формат В5 с учетом полей (не более 200 x 135 мм). Каждая иллюстрация должна иметь отдельную нумерацию и подпись. В тексте ссылки на них даются последовательно (примеры ссылок на рисунки и отдельные позиции изображений такие: (рис. 1; рис. 2–5; рис. 6.-3)). Графические иллюстрации принимаются в формате tif (разрешение не менее 300 dpi). Графики и диаграммы – черно-белые, без цветных или серых элементов и мелких (сплошных) заливок. К статье можно приложить не более четырех качественных фотографий, которые будут помещаться в отдельной вклейке с подписями. Все используемые таблицы должны иметь отдельную нумерацию со ссылками в тексте (например: (табл. 1)). Каждая таблица должна иметь собственное название.

Подрисуночные подписи и список сокращений прилагаются отдельными файлами.

Библиографические ссылки на публикации в тексте заключаются в квадратные скобки, внутри которых указывается фамилия одного или первого автора, год издания, страница, рисунок, таблица (например: [Потапов, 1961, с. 5, рис. 2.-8; Шишкин и др.,

occurring of different times in the Hovd district of Mongolia. The characteristic of stone vessels from the monuments of the early Bronze age which revealed and have been dug out in a valley of Buyant river near of Hovd is given in the article. This territory is connected with east spurs of the Mongolian Altay. Considered finds come from funeral objects. The analysis of the received materials and results of radio-carbon dating allowed to carry out cultural and chronological attribution of the studied archaeological monuments, and also to reconstruct some elements of the production technology of stone capacities. Territorial distribution of similar finds allowed to designate areas of existence of traditions of production and use of the vessels made of stones. Design features of the studied funeral constructions and not numerous ware complex have compliances in materials of Xinjiang and the adjacent regions dated by early Bronze and united in a Chemurchek culture/community. Besides, similarities to other archaeological find from Kazakhstan and the South of Siberia are noted.

Key words: the Mongolian Altay, early Bronze age, funeral constructions, radio carbon dating, stone vesse.

Образцы составления библиографического описания

Монография:

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Статья в сборнике:

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск : Наука, 1990. С. 132–149.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Статья в журнале:

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 63–77.

Автореферат:

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Полная версия правильно оформленной статьи высылается по электронной почте на указанные ниже адреса не позднее 15 января (для первого номера каждого года), 15 марта (для второго номера), 15 июня (для третьего номера) и 15 сентября (для четвертого номера). В течение двух месяцев после получения редколлегия проводит обязательное рецензирование, а затем извещает автора(ов) о решении и сделанных замечаниях. Если решение в целом положительное, то автору(ам) дается месяц на доработку текста. После этого в редколлегию высылается законченная электронная версия статьи, а также подписанный автором (авторами) печатный вариант работы.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), адрес электронной почты.

Просьба присылать статьи и материалы одновременно на следующие электронные адреса: tishkin210@mail.ru; kuzmar@hist.asu.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№12 (14) • 2016

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 28.06.2016. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ №200.